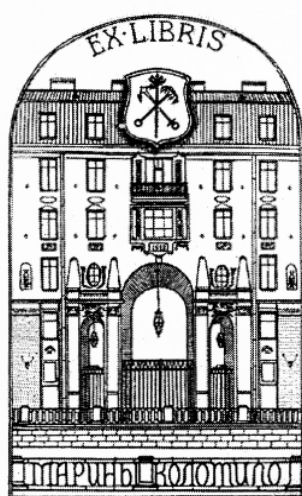

СЕРИЯ КНИГ «ТОЛСТОВСКИЙ ДОМ»
ОСНОВАНА МАРИНОЙ КОЛОТИЛО В 2010 ГОДУ

«Дома с привидениями стоят намного дороже.»
Оскар Уайлд

К 100-летию Палтовского Дома

СЕРИЯ КНИГ «ТОЛСТОВСКИЙ ДОМ»

ВЫПУСК 3

ТОЛСТОВСКИЙ ДОМ

ГЕНИЙ МЕСТА

GENIUS LOCI

Автор концепции и составитель М. Н. Колотило
Научный редактор доктор филологических наук Н. И. Крайнева

Санкт-Петербург
2013

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург):
Т52

Научное издание

Толстовский Дом. Гений Места: [сборник] / авт. концепции и сост.: М. Н. Колотило; науч. ред. г. филол. н. Н. И. Крайнева. – Санкт-Петербург: Искусство России, 2013. – 552 с.: ил. – (Серия книг «Толстовский Дом»; вып. 3)

ISBN 978-5-98361-186-3

Это третья книга о знаменитом Толстовском Доме в Санкт-Петербурге. Толстовский Дом – один из символов Санкт-Петербурга и ему 100 лет! Его Гений Места всегда притягивал жителей творческих и неординарных.

Книга представляет собой коллективную монографию о Толстовском Доме. Она состоит из работ разных авторов, написанных в разное время, но составитель и редакторы постарались подобрать их в такой последовательности, чтобы из мозаики рассказов о Доме и его жителях, по возможности, получился целостный портрет Гения этого уникального места.

Рассказ об этом культурно-историческом объекте все еще далеко не полный, и исследования истории Толстовского Дома продолжаются.

Рецензенты:

доктор исторических наук **В. Г. Смирнов-Волховский**
(ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН)
кандидат культурологи, доцент **А. В. Бонгарев**
(РГПУ им. А. И. Герцена)

Издание осуществлено при поддержке «Росметалла»

ISBN 978-5-98361-186-3

© Колотило М. Н., 2013 г.

© Крайнева Н. И., 2013 г.

Посвящается памяти жителя Шолстовского Дома
и замечательного человека
Эдуарда Хилья

**«Связь человека
с местом его обитания –
загадочна, но очевидна.
Или так: несомненна, но таинственна.
Ведает ею известный древним
genius loci, гений места,
связывающий интеллектуальные, духовные,
эмоциональные явления
с их материальной средой»**

Петр Вайль

Статус Толстовского Дома – **Объект Культурного наследия Российской Федерации**
(памятник архитектуры регионального значения) № 7800770000

□ □ □

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
СЕРИИ КНИГ «ТОЛСТОВСКИЙ ДОМ»**

доктор филологических наук
Александр Григорьевич Бобров

кандидат экономических наук
Виктор Васильевич Иванов

кандидат философских наук, заместитель директора Русского музея
Иван Иванович Карлов

кандидат географических наук
Леонид Григорьевич Колотило
(отв. секретарь Совета)

народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, профессор
Ирина Александровна Колпакова

доктор экономических наук, профессор
Ольга Дмитриевна Коль

доктор филологических наук
Наталья Ивановна Крайнева
(Председатель Совета)

доктор философских наук
Марина Валентиновна Михайлова (Май)

доктор физико-математических наук
Александр Юрьевич Потехин

народный артист СССР, профессор
Владимен Григорьевич Семенов

доктор биологических наук, профессор
Эрик Иосифович Слепян

народный артист России

Эдуард Анатольевич Хиль

народный артист России, профессор
Марис Арвидович Янсон

---

*Примечание: в состав Совета входят только жители Толстовского Дома
или их потомки*

Эдуард Анатольевич Хиль с женой Зоей Александровной в Пушкинских Горах.
Фото Ю. Г. Белинского. 1970-е годы.

Э. А. Хиль

НЕДЮЖИННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИЛА ЕСТЬ В ТОЛСТОВСКОМ ДОМЕ

Я живу в Толстовском Доме уже более 30 лет. Я знал, что есть такой великий архитектор Федор Лигваль, который построил в Петербурге много домов, один другого лучше. В качестве примера достаточно назвать «Асторию». Мне вообще кажется, Лигваль был гениальным зодчим. Его дома ни на что не похожи. Такое впечатление, что ему специально давали клочок земли неправильной формы, и, чем неправильнее был тот или иной кусочек, тем интереснее у Лигваля получалось строение.

В Толстовский Дом я въехал по обмену. Мне сказали, что в этой квартире ранее жил военный прокурор, и на тот момент это была единственная отдельная квартира. Все остальные (по 200–300 метров квадратных) были коммуналками. А до прокурора квартира моя принадлежала управляющему домом, Александру Колю. Странно, что такой человек жил в небольшой трехкомнатной квартире, но он, говорят, был очень скромным.

Вероятно, какая-то недюжинная художественная сила есть в Толстовском Доме, что он притягивает людей культуры. Хотя сейчас их стало меньше.

С домом связано много приятных моментов, и меня радует, что творческие люди пишут о нем. Но хочется сказать о неприятном. Меня удивляет, что такой красивый дом в центре города – и ни разу толком не ремонтировался. Обваливается лепка, появляются современные элементы, окна и двери после замены выглядят разными. Теряется единый стиль дома, он перестает быть домом начала XX века, становится дряхлым, ненужным. А вместе с ним разрушается и красота города. Люди, которые живут в России, тем более в Петербурге, должны понимать, для чего они появились на свет. Они пришли сюда, чтобы сделать жизнь еще краше. Нам пока еще есть на чем воспитывать детей – на красоте таких домов, как наш, Толстовский.

Интервью из статьи: Чукина Е. «Свернем в огромную готическую арку...» // Газета «Невское время». 13.01.2012.

***«Крепкого здоровья, хороших зарплат и пенсий,
и хорошей, взаимной любви, потому что без любви
не будет ни песен, ни детей – останется один
голый секс, и тот по Интернету»***

Эдуард Хиль.

Из выступления в Москве, в музыкальном клубе
2010 год

**ВСЕЛЕННАЯ
ТОЛСТОВСКОГО ДОМА
ORBIS TERRARUM TOLSTOY DOMUS**

А. М. Буровский

ТОЛСТОВСКИЙ ДОМ. МИСТИКА И ГЕОГРАФИЯ

*И там, где скользкие торцы
Одела влажная завеса,
В молчанье смотрим на дворцы,
Как скиф на храмы Херсонеса.*

Александр Городницкий

Влияние места на человека, его способность формировать души обитателей и даже посетителей, подсказывать им направление мыслей и поступков римляне называли «Гением Места». Язычники персонифицировали «гениев места» в виде человекоподобных созданий, которым поклонялись и приносили жертвы. Не призываю читателя вернуться к древнему обычаю обожествлять природные явления, но выражаю уверенность: мы можем понять, что именно и как делает с нами «Гений Места».

Хотя бы частично.

Попытку осмыслить «Гения Места» как «душу города» пытался и петербургский культуролог Н. П. Анциферов. Обожествления явления у него нет, но и научный подход свелся скорее к интуитивному нащупыванию сущности и границ явления. В конце концов, «душа города» – такая же поэтическая метафора, как и «Гений Места».

Н. П. Анциферов писал о «душе» всего Петербурга¹, а автор статьи испытал на себе воздействие не всего города, а некоего особенного места, – Толстовского Дома. Писал я эту статью, собираясь лично «познакомиться» с Толстовским Домом и его обитателями. Все время возникали какие-то препятствия, и я написал статью ДО этого знакомства. Эпиграф брался, исходя исключительно из моих личных

---

¹ Анциферов Н. П. Душа Петербурга: очерки. Л.: Детгиз, 1990.

литературных предпочтений. Но вот факты: размеры Толстовского Дома типичны для центра античного городка – в том числе и Херсонеса.

Население дома после его постройки составляло примерно тысячу человек. В советское время – 3-4 тысячи человек. Такая численность тоже типична для центра небольшого античного полиса.

Сегодня в Толстовском Доме обитает менее восьмисот человек. Обслуживающий персонал дома стал приходящим. Кроме того, в отличие от дореволюционных времен в квартирах нанимателей и собственников не проживают кухарки, горничные, уборщицы, камердинеры и другой персонал.

За небольшим исключением, это люди трех типов:

1. Состоятельные жильцы, расселившие квартиры в Толстовском Доме, и члены их семей.
2. Интеллектуалы, потомки прежнего населения, которые фактически становятся хранителями исторического предания. Они не захотят уйти из этого места потому, что их семейная история связана с Толстовским Домом.
3. Люмпены, слишком упрямые для того, чтобы продать свои «квадратные метры» в коммуналках и бывших меблированных комнатах, но в историческом здании и купить намного лучшее жилье на окраине.

И опять полная аналогия истории дома и небольшого античного города: в Средневековье население многих городов Италии и Юга Франции составляли немногочисленные представители нового феодального класса: нобилитет – владельцы собственности в городе, хранители его традиций и истории, организаторы его хозяйства и быта. И плебс – в основном те, кто не ушел из города просто в силу вялости и патологического консерватизма.

Просто поразительные ассоциации с тем, что происходит в Толстовском Доме. Стоило упомянуть Херсонес – и сами собой возникли ассоциации.

Еще одно: дворы Толстовского Дома изначально были выложены деревянными торцами. Естественно, после дождей, в распутицу, они были влажными и скользкими.

Все эти аллюзии возникли, естественно, уже ПОСЛЕ ознакомления с реалиями Толстовского Дома. ПОСЛЕ того, как был выбран эпиграф. Это яркий пример граничащих с мистикой явлений, которые достаточно часто происходят в Толстовском Доме, и проявления тех качеств Толстовского Дома, о которых и будет говорить в этой статье.

Город-урочище

Само понятия «урочище» к частям городской среды было впервые применено именно в Петербурге. Для этого «пришлось» отнести к городу и городской среде термин из географии: «антропогенное урочище»¹, в котором соединились учения о структуре географической оболочки с учением об антропогенных ландшафтах.²

В 1980-х – начале 1990-х годов, пока еще оригинальные научные исследования вызывали интерес, возникло целое направление, изучавшее разного рода «антропогенные урочища» Петербурга. Многие из них быстро начали называть культурным урочищем или урочищем культуры³.

Было сделано много исключительно интересных наблюдений: например, о разном характере заселения левого и правого берегов Невы: «Четкая «интеллектуальная граница» пролегла в Петербурге первой четверти XX века по Большой Неве. По правому берегу, на Васильевском острове, располагались учреждения с традиционной академической научной и художественной направленностью... Иным был интеллектуальный характер левого берега Большой Невы...»⁴, причем «различие правого и левого берега Большой Невы ясно осознавалось в свое время»⁵.

Все эти наблюдения, конечно же, очень неопределенны, нечетки, не имеют строгих очертаний. Авторы видят, что какие-то части города играют особую роль, именно в них концентрируются интеллектуальные силы, собираются люди с общими творческими интересами. И только.

Автор этой статьи только в одном пошел дальше своих предшественников: провел исследование о Петербурге как ландшафтном образовании.⁶

¹ Мильков Ф. Н. Человек и ландшафты. Опыт антропогенного ландшафтоведения. М.: Мысль, 1973.

² Мильков Ф. Н. Ландшафтная сфера Земли. М.: Мысль, 1968.

Калесник С. В., Общие географические закономерности Земли. М.: Мысль, 1970.

Кэри У. В поисках закономерностей развития Земли и Вселенной. М.: Мир, 2005.

Рябчиков А. М. Структура и динамика геосферы, ее естественное развитие и изменение человеком. М.: Мысль, 2001.

³ Лотман Ю. М. Семиотическое пространство // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М.: Языки русской культуры, 1996.

Иванов Вяч. Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 720. Труды по знаковым системам. XIX. – Тарту, 1986.

Лихачев Д. С. Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века (по воспоминаниям) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 635. Труды по знаковым системам. XVI. Текст и культура. Тарту, 1983.

⁴ Топоров В. Н. Аптекарский остров как городское урочище // Ноосфера и художественное творчество. М.: Наука, 1991. С. 73.

⁵ Там же. С. 76.

⁶ Буровский А. М. Санкт-Петербург как географический феномен // Звезда. – 2001. – 16. – С. 221-23.

Буровский А. М. Санкт-Петербург как географический феномен. СПб: Алетейя, 2003.

А ведь давно уже существует такой раздел географии, как антропогенное ландшафтоведение¹. Стоит применить аппарат ландшафтоведения к исследованию Петербурга – и многое, непостижимое до сих пор, становится понятным, вполне доступным для анализа.

В данной статье автор взял на себя смелость проанализировать еще более мелкий объект с точки зрения антропогенного ландшафтоведения – Толстовский Дом.

Площадь Санкт-Петербурга – ныне примерно 600 квадратных километров. Протяженность города с севера на юг составляет 44 км, с запада на восток – 25 км. Площадь только исторической застройки превышает 200 квадратных километров.

Сущность понятия «урочище». В географии термин урочище применяется вообще-то в двух значениях:

1. Как всякий участок земной поверхности, чем-то отличный и выделенный среди остальных (сосновый бор среди полей, расчищенное среди леса поле).

2. Как сопряженная система элементарных ячеек ландшафта – фаций. В ландшафтоведении фация – это участок поверхности Земли, характеризующийся полным единством всех компонентов ландшафта: материнской породы, микроклимата, водного режима, почвы, биогеохимических циклов, фауны и флоры. Урочище – это сопряженная система таких фаций².

Географическая матрешка

Санкт-Петербург с точки зрения географии должен рассматриваться как крупное урочище. Но само это понятие исходно было применено не к городу в целом, а к его фрагментам.

Исследования В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачева и многих других по семантике Санкт-Петербурга показали: внутри города существуют своеобразные целостности – участки городской застройки, имеющие самостоятельную историческую, эстетическую, культурную и психологическую ценность.

Урочище состоит из множества связанных между собой антропогенных фаций. Как антропогенное урочище – явление и природное, и человеческое одновременно, так и каждая антропогенная фация – порождение и природы, и человека. Поэтому антропогенная фация – явление более частное, более локальное, чем фация природная.

¹ Исаченко А. Г. Экологическая география России. СПб: Изд-во СПбГУ, 2001.

Мильков Ф. Н. Рукотворные ландшафты. М.: Мысль, 1978.

Реймерс Н. Ф. Природопользование. Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990.

² Мильков Ф. Н., Бережной А. В., Михно В. Б. Терминологический словарь по физической географии / Под ред. Ф. Н. Милькова. М.: Высшая школа, 1993.

Городскими «урочищами в урочище» являются территории, на которых застройка однотипная – и в то же время отличается от окружающей. Такие урочища возникают там, где застройка возникла примерно в одно время, и окружена застройкой других эпох.

Такие урочища могут быть крайне различными в каждую эпоху, и к тому же быстро меняются исторически. Но урочища вообще не вечны; и холм, покрытый соснами, и луг и бор в излучине реки, и леса и луга на острове Невы – все это неизбежно исчезнет, изменится, превратится в другое урочище. В масштабах жизни человека это урочище очень долговечное, почти что вечное, но это – если мерить одну сущность сроками жизни другой – гораздо более подвижной.

Если же говорить о творениях рук человеческих, то кто сказал, что антропогенное урочище должно быть так же долговечно, как и природное? Совершенно не обязательно.

Именно городским антропогенным урочищем и является Толстовский Дом.

Нецельные целостности

Отдельные небольшие урочища складываются там, где участки городской застройки (пусть разного времени, разного назначения) объединены вокруг какого-то важного элемента городского ландшафта: например, крупной улицы, площади, аллеи или набережной.

Дворцовая площадь – это урочище, потому что это – сопряженная система фаций городской застройки: мощеной площади, разного типа строений вокруг, здания и арки Генерального штаба, Александрийского столпа, Зимнего дворца...

В качестве городских урочищ можно рассматривать и Невский проспект, и Университетскую набережную, и Площадь Восстания...

Между всеми этими урочищами нет четкой грани, переходы между ними проницаемы... Но, разве этого нельзя сказать и о природных урочищах? Из одинокой сосновой рощи посреди луга мы без особого труда выходим к холму, на одном склоне которого растут дубы, а на другом – кустарник. Так же с Дворцовой площадью мы легко выходим на Невский через арку Генерального штаба. Из урочища в урочище.

Комплексы сооружений

Для Санкт-Петербурга очень типичны огромные сооружения и комплексы сооружений – дворцов, храмов, учреждений общественного назначения. Каждый такой комплекс включает здания (часто очень разные) и разным способом организованные участки окружающего пространства, то есть отвечает всем признакам урочища.

Такие «городские урочища общественного назначения» по сути дела уникальны. Это касается и Зимнего, и Петропавловской крепости, и Менделеевской

линии, и Меншиковского дворца, и Михайловского замка. К числу таких урочищ относятся и городские парки: и Летний, и Таврический, и Ботанического института, и рекреационный комплекс на Каменном острове.

Соединения нескольких городских урочищ образуют столь потрясающие места, как, например, Стрелка Васильевского острова.

Санкт-Петербургское урочище имеет очень сложную структуру. Эту структуру образуют урочища разных типов, возникшие в разное время. Во многих «урочищах второго порядка» выделяются «урочища третьего порядка» и даже «четвертого-пятого».

Исторический центр города – урочище, которое резко выделяется среди более поздней застройки. Адмиралтейская часть – «урочище второго порядка», отделенное от всего остального города Невой и Мойкой.

Тут выделяются такие комплексы, как «Дворцовая набережная», «Невский проспект», «комплекс Зимнего дворца», «Адмиралтейство», – урочища третьего порядка.

В «комплексе Зимнего дворца» четко выделяются сами сооружения – Зимний дворец, Дворцовая площадь, Адмиралтейский проезд.

В «Адмиралтействе» – само сооружение, Адмиралтейская набережная, Александровский сад. Все это пример «урочищ четвертого порядка».

Примеры можно умножать до бесконечности. Природные, географические урочища тоже могут быть иерархическими, но на примере Петербурга видно, до какой степени сложно по структуре и иерархично крупное антропогенное урочище.

Вопрос размеров

Толстовский Дом был построен в 1910–1912 годах по заказу генерал-майора графа Михаила Павловича Толстого. История его сооружения и эксплуатации неплохо изучена и описана¹.

Для многоквартирного дома размеры Толстовского Дома необычны: порядка 220 метров вдоль «улицы зодчего Лигваля» и до 85 метров в самой широкой части. Определить площадь Толстовского Дома с прилегающей территорией трудно из-за того, что в разное время в понятие «Толстовский Дом» входили разные постройки и территории. Некоторые участки и постройки перестали быть частями Толстовского Дома (например, дом 52). Вероятно, надо считать площадь жилого комплекса «Толстовский Дом» от 12 до 20 тысяч квадратных метров.

Для сравнения имеет смысл сравнить размеры изучаемого Толстовского Дома с известными петербургскими урочищами. Не говоря ни о чем другом, заметим:

¹ Колотило М. Н. Толстовский Дом. Том 1. Люди и судьбы / Под научной редакцией В. Г. Смирнова-Волховского. СПб: Искусство России, 2011.

он гораздо крупнее других многоквартирных домов в центре Петербурга. Здания, построенные в историческом центре города, редко включают больше 100 квартир, их площадь не превышает 600-800 квадратных метров. Аналогичных Толстовскому Дому размеров достигают здания, построенные в другую эпоху: но сооружения, возведенные в Купчино или в Калининском районе с 1970-х годов до исторической современности, намного проще организованы и имеют другую конфигурацию: они могут быть глубже и выше (за счет этажности), но уже – они ведь не имеют внутренних улиц. Здания на 800 и более квартир могут иметь глубину порядка 400 метров при ширине не более 15 метров и площади всей усадьбы порядка 10 тысяч квадратных метров. При этом и их морфология, и структура намного примитивнее. А ведь это здания, возникшие в другую эпоху, когда у архитекторов были совершенно другие возможности.

Сами по себе размеры дома заставляют предположить, что в структуре городской среды он занимает место более значительное, чем обычные многоквартирные дома.

Действительно, даже Зимний дворец, самое высокое здание Петербурга 18 века, первоначально включал в себя около 1500 комнат, и имел общую площадь (вместе с внутренним двором) порядка 60.000 кв.м¹.

Таврический дворец, самое большое здание Европы 18 века, имел длину 260 метров по главному фасаду и площадь 65 700 квадратных метров

Михайловский дворец имеет площадь 12 398 квадратных метров; корпус Бенуа – 10 983 квадратных метров, Мраморный дворец – 10 580,5 квадратных метров, Строгановский дворец – 5389 квадратных метров².

Общая протяженность здания Двенадцати коллегий составляет 392,6 метра в длину, оно имеет в ширину – 17,1 и 14,8 метра в высоту до верха карниза. Соответственно, площадь здания – порядка 7,8 тысячи квадратных метров, с прилегающими участками – до 10 тысяч метров³.

Здание Новобиржевого Гостиного двора, в котором находятся исторический и философский факультеты, имеет площадь порядка 14 тысяч квадратных метров, из которых половина приходится на площадь двора.

Исаакиевский собор имеет площадь 7634 квадратных метров⁴.

Таким образом, Толстовский Дом по размерам соответствует не «большому многоквартирному дому», а «небольшому дворцу» или «комплексу правительственных сооружений».

¹ Эрмитаж. М. – Л.: Изд-во «Иван Федоров», 2006.

² Художественные коллекции в музеях России. Справочник-путеводитель. 3-е издание, дополненное / Под ред. С. Н. Левановского. СПб: ФГУК «Русский музей», 2008. С. 275-276

³ Алешина, Л. С. Ленинград и окрестности: справочник-путеводитель / Л. С. Алешина. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1990.

⁴ Художественные коллекции в музеях России. Справочник-путеводитель. 3-е издание, дополненное / Под ред. С. Н. Левановского. СПб: ФГУК «Русский музей», 2008. С. 274.

Вопросы морфологии и структуры

Любой дом, тем более всякая усадьба, состоят из гетерогенных деталей. В качестве антропогенных фаций можно рассматривать уже части самого здания: чердак, подвал, подсобные помещения, лестницы, а тем более флигели и отдельно стоящие коммуникационные и инженерные сооружения: трансформаторные будки, газовые разводки, гаражи, детские площадки и т.д. Ориентация здания по сторонам света создает участки с разной солнечной радиацией. Этажность создает участки, находящиеся на разном расстоянии от уровня моря и дневной поверхности места.

Кроме самого здания, к нему прилегают участки тротуаров и проезжей части. Если есть двор, то его замощенная часть тоже образует фацию, отличную и от фации здания, и от фации сада и палисадника с насаждениями.

В этом смысле дом, а тем более усадьбу (дом с принадлежащими ему незастроенными участками и инженерно-ландшафтными сооружениями) следует рассматривать как урочище, наподобие такой формы рельефа, как холм или крупное дерево. Вопрос, насколько многообразна морфология и сложна структура такого урочища.

Структура Толстовского Дома изначально была намного сложнее, чем большинство многоквартирных зданий исторического центра и даже многих дворцовых комплексов.

Начать следует с того, что это не один дом, а фактически комплекс зданий. В сложную планировку здания по адресу Фонтанка, 54 (Рубинштейна, 15–17) включена последовательность трех соединенных арками проходных дворов, ведущая с улицы Рубинштейна на набережную реки Фонтанки. Эти три двора фактически составляли изначально задуманную архитектором Ф. И. Лигвалем «внутреннюю улицу», называемую иногда «улицей зодчего Лигваля». На эту улицу выходили подъезды, нумерация которых воспроизводит нумерацию домов на «настоящей улице». При движении по «улице зодчего Лигваля» от улицы Рубинштейна к Фонтанке справа окажутся нечетные подъезды от 1-го до 15-го, а слева – четные, с нумерацией от 2-го до 14-го. Таким образом, подъезды изначально были замыслены как своего рода «дома внутри дома», а весь Толстовский Дом фактически построен как квартал. Это подчеркивалось еще и тем, что узкие полоски пространства вдоль «улицы зодчего Лигваля» были заняты небольшими газончиками.

Отдельно от основного корпуса находится служебный, со своим подъездом и своей нумерацией квартир.

Первоначально к Толстовскому Дому относился и дом по набережной реки Фонтанки, 52, где находились «меблированные комнаты Мухина» и жилые корпуса 52-го дома. До смерти бессменного управляющего Толстовским Домом Коля, то есть до 1942 года, все эти здания рассматривались как единое организационное

целое, часть единой усадьбы, которая по набережной реки Фонтанки имела адрес 52–54.

Вдоль центрального корпуса Толстовского Дома были сделаны черные дворы-проезды, менее богато декорированные. На эти же дворы и в арки, ведущие в черные дворы, выходят и подъезды черных лестниц из квартир Толстовского Дома.

Центральный двор имеет очень сложную форму, а в его середине первоначально находилась восьмиугольная клумба. При советской власти не только заменили клумбу фонтаном, но и разбили газоны посреди дворов и высадили там тополя. Независимо от того, чего хотели добиться этими изменениями, власти фактически усложнили и дополнили первоначальную структуру урочища.

При постройке, помимо чердака и подвала, были предусмотрены водопровод, 15 пассажирских и 4 грузовых лифта, 10 котельных (где сейчас находятся теплоцентры), 4 водомерных узла, 16 прачечных на чердаках (на седьмом этаже), служебные помещения, дворничские... А в служебном корпусе предусматривались 6 гаражей и небольшие служебные квартиры для обслуживающего персонала.

Как правило, многоквартирные дома в исторической части Петербурга предназначались для людей одного имущественного класса. Они примерно одного размера и имеют сравнимую планировку. Часто уже по внешнему облику и по расположению дома можно понять, для кого он предназначался. Так, очевидно, что здания по набережной Мойки или на Каменноостровском проспекте были предназначены для верхушки чиновников и буржуазии. Дом по Профессора Попова, 2 – для профессуры или крупных специалистов с комнатами для прислуги. А дома по Большой Монетной или Большой Посадской предназначались для мелких чиновников, интеллигенции средней руки, квалифицированных рабочих. Даже в советское время «кооперативные дома» для специалистов и сотрудников учреждений существенно отличались от типовых «хрущевок».

Толстовский Дом задумывался как дом для всех сословий: в числе его 300 квартир – жилища для людей разного достатка: от скромных до роскошных. Один из подъездов, 9-й, изначально был с меблированными комнатами, которые снимали небогатые люди.

Чересполосица квартир разного ранга и разной стоимости к тому же сильно менялась со временем. Отметим, что динамика городской среды Толстовского Дома – тоже исключительно важный фактор.

Таким образом, структура Толстовского Дома необычна. Если в обычном многоквартирном доме можно выделить не более 4 фаций (само здание, двор, палисадник или клумбы, инженерные сооружения, рекреационные пространства), то в Толстовском Доме прослеживаются не менее 7 фаций: само здание, служебный корпус, внутренние дворы, парадные дворы, участки насаждений, инженерные сооружения, рекреационные пространства, внутренняя улица, арочные проезды...

Причем эти фации сложнее обычного организованы и сопряжены, образуют морфологически многообразную, динамичную структуру.

Все сказанное позволяет утверждать: в лице Толстовского Дома мы видим яркое «урочище четвертого порядка», аналогичное таким сущностям, как Таврический дворец, Меншиковский дворец, Ботанический институт, Новобиржевой Гостиный двор (здание исторического и философского факультетов СПбГУ), Здание Двенадцати Коллегий и другие. Однако это или дворцовые постройки, или общественные здания.

В исторической части Петербурга до Толстовского Дома не было известно жилых многоквартирных домов, которые составляли бы урочище такого класса. И в этом смысле Толстовский Дом совершенно уникален.

Урочище первого порядка	Урочище второго порядка	Урочище третьего порядка	Урочище четвертого порядка	Урочище пятого порядка
Санкт-Петербург	Адмиралтейская часть; Петроградская сторона; Выборгская сторона; Петергоф (примеры можно умножать)	Невский проспект; Петропавловская крепость; Комплекс Зимнего дворца; Дворцовая набережная;	Зимний дворец, Дворцовая площадь, Адмиралтейство; Меншиковский дворец; Казанский собор; Толстовский Дом;	Усадьбы, то есть жилые многоквартирные здания с прилегающими участками и элементами инфраструктуры; дворы Толстовского Дома;

«Особая судьба»: легенда или реальность?

Одной из легенд (или подмеченных закономерностей?) Толстовского Дома является «повышенная концентрация» персоналий, то есть проживание в нем необычно большого числа выдающихся личностей. Проверить или опровергнуть эту гипотезу трудно по ряду причин.

Во-первых, в Петербурге за его историю проживало такое количество людей необычных, чем-либо выдающихся, талантливых или сыгравших исключительную роль, что исключением из правила является скорее дом в историческом центре Петербурга, в котором не проживал никакой известный человек. Такой дом невольно заставляет задавать вопрос: а что в нем особенного?!

Во-вторых, существуют здания, в каждой из квартир которых жили выдающиеся ученые. Таковы «служебные» дома по улице Профессора Попова, 2 (дом сотрудников Императорского Ботанического сада), Профессора Попова, 5 (здание Электротехнического института), по Дворцовой набережной, 32 (здание, приданное Государственному Эрмитажу, где жили многие его сотрудники).

Естественно, в таких ведомственных «служебных» домах «концентрация персоналий» будет выше.

В-третьих, и это главное: не очень понятно, по каким критериям можно сравнить «величие», «исключительность» или «выдающийся характер» какой-либо личности. Трудно сравнивать Николая Акимова с Владимиром Бехтеревым, а Эрика Слепяна с Львом Гумилевым, – при том, что все они, несомненно, выдающиеся личности.

И архитектор Толстовского Дома¹, и многие из его обитателей разного времени широко известны и упоминаются во множестве исследовательских работ, мемуаров и литературных произведений. Сводка, предпринятая в двухтомнике «Толстовский Дом»², – галеко не полна. Собрания научных работ Э. И. Слепяна, собрания сочинений М. А. Булгакова и А. Т. Аверченко говорят сами за себя, имя Н. Акимова увековечено в названии Театра Комедии, выпущены его теоретические труды³, сборник его живописных работ⁴.

Но парадокс – чем больше известно о выдающихся личностях, тем труднее их сравнивать.

Единственный сколько-нибудь объективный способ, хотя и не претендующий на строгую научность, это сравнить, какое количество мемориальных досок могло бы быть повешено на дом, в соотношении с числом квартир в доме. При всей неточности метода (не учитывающего ни сроков существования самого дома, ни степени связи с ним каждой из «знаменитостей»), он все же дает хоть какую-то возможность сравнения.

По нашим, очень приблизительным данным, 60 возможных мемориальных досок на 300 квартир – исключительное явление даже для Петербурга.

Выше «концентрация персонажей» только в особых «служебных» «академических домах». Даже дома на 8 и 9 линиях Васильевского острова, где на 30-40 квартир приходится 2-4 мемориальные доски, не выше, чем в Толстовском Доме.

Гипотезу об особой роли Толстовского Дома предварительно следует считать подтвердившейся или, по крайней мере, имеющей право на существование. Этот дом или каким-то образом порождал, или чем-то привлекал ярких людей.

¹ Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика / Сост. С. В. Алексеева, А. Г. Владимирович, А. Д. Ерофеев и др. 2-е изд., перераб. и доп. СПб: Лик, 1997. 288 с. (Три века Северной Пальмиры).

Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века / Сост. В. Г. Исаченко, ред. Ю. Артемьева, С. Прохватилова. СПб: Лениздат, 1998.

² Колотило М. Н. Толстовский Дом. Том 1. Люди и судьбы / Под научной редакцией В. Г. Смирнова-Волховского. СПб: Искусство России, 2011.

Колотило М. Н. Толстовский Дом. Том 2. Созвездие имен / Под научной редакцией В. Г. Смирнова-Волховского. СПб: Искусство России, 2011.

³ Акимов Н. П. Театральное наследие: в 2 т. / Н. П. Акимов. Л.: Искусство, 1978.

⁴ Н. П. Акимов: Альбом / Авт.-сост. И. Г. Лангер, П. Г. Махо. СПб, 2008.

Толстовский Дом как месторазвитие

Если Толстовский Дом является месторазвитием культуры, это должно иметь свои естественные объяснения.

Л. Н. Гумилев предположил, что новые природно-социальные общности, «этнотопосы», рождаются на стыках ландшафтов. Развивая учение Л. Н. Гумилева и великого В. И. Вернадского, автор этой статьи дополнил понятие контрастности, понятиями мозаичности, то есть внутренней контрастности территории, и динамичности – скорости изменений, протекающих в этом пространстве.

Работа с контрастными, мозаичными и динамичными территориями позволила сформулировать новую трактовку понятия «месторазвитие». Термин этот впервые использовал П. Н. Савицкий¹, широко применил П. Н. Милоков, как синоним «местообитание»². Л. Н. Гумилев использовал термин в несколько ином значении – как место с «контрастными ландшафтами», в котором только и может происходить рождение новых этносов³.

Месторазвития изучались мной применительно к Южной Сибири⁴, в Хакасии, где в отдельных точках географического пространства, передвигаясь на считанные километры, можно оказаться и в горной тайге, и в лесостепи, и в пойме огромной реки, и в сосновом бору, и в темнохвойной тайге.

Работа на материале Петербурга заставила сформулировать: «месторазвитие – это емкий, мозаичный ландшафт, возникший на границах различных сущностей». Это участок поверхности Земли, на котором время течет ускоренно. Это место, в котором ускоренно идет развитие и неживой, и живой, и мыслящей природы. То есть история геологических объектов, биологических сущностей, и история людей в месторазвитии протекает быстрее.

Для истории людей самое большее значение имеет вот что: месторазвитие – это участок земной поверхности, емкий, мозаичный ландшафт, в котором происходит ускоренное развитие культуры.

Санкт-Петербург – это уж такое место, в котором всегда культура будет развиваться ускоренно. Любая культура. То, что бродит в культуре, что существует в ней – порой как неясное ощущение или эмоция (невольно хочется применить затасканное слово «менталитет»), – раньше всего скажется в Петербурге»⁵.

¹ Савицкий П. Н. Географические особенности России. Ч.1. Растительность и почва. Прага: Без изд-ва, 1927.

Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

² Милоков П. Н. Очерки истории русской культуры. Том 1. М.: Прогресс, 1993.

³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 185.

⁴ Буровский А. М., Голубцова Е. В. Навязанные судьбы // Родина. – 1995. – № 2. С. 111–113.

Буровский А. М., Голубцова Е. В. Человек и природа в Хакасии // Лук сфинкса. Материалы исследовательской программы «Генезис кризисов природы и общества в России» и IV Международной конференции «Человек и природа – проблемы социоестественной истории» М., 1995.

⁵ Буровский А. М. Величие и проклятие Петербурга. М., Яуза, 2009. С. 123.

Месторазвития – особые части особой пространственно-временной структуры: ландшафтной оболочки Земли, в которой и протекают важнейшие процессы, определяющие само состояние Земного шара в целом.

Причин, по которым эти процессы происходят, две: во-первых, это энергия Солнца, которая достигает поверхности Земли. Во-вторых, это гетерогенность Земной поверхности. По этим двум причинам движется атмосфера и гидросфера Земли.

Животный мир мозаичных территорий разнообразнее, и способен изменяться быстрее, чем в местах однообразных¹. Образование новых видов идет не где попало, а в сравнительно небольших точках пространства, и притом в ландшафтах контрастных, мозаичных и емких².

Неоднородность, или гетерогенность – фундаментальная причина подвижности и развития ландшафтной оболочки – т.е. пространственно-временной структуры, вмещающей, среди прочего, и человека, его общество, построенные им города и преобразованные им ландшафты.

Территории ландшафтной оболочки не одинаковы по скорости протекания времени и интенсивности протекания каких-либо процессов. Чем разнообразнее среда, чем выше ее гетерогенность, т. е. чем она контрастнее и мозаичнее, тем плотнее пространственно-временные характеристики этой среды. Тем интенсивнее идут все геологические, биологические, энергетические, исторические, информационные процессы. То есть пространственно-временная структура разных участков (территорий и акваторий) ландшафтной оболочки различна³.

Это же касается и исторического времени, о чем писали многие. В том числе и автор.

В ареале любой культуры всегда есть места, в которых она особенно интенсивно развивается. Петербург – это месторазвитие: особо контрастная, мозаичная и динамичная территория ландшафтной оболочки.

До сих пор автор не применял понятия месторазвития и инструментария изучения контрастности, мозаичности и динамичности к частям Петербурга. Но изучение Толстовского Дома показывает: он не только находится в петербургском месторазвитии, но и сам представляет собой «месторазвитие четвертого порядка».

¹ Лопатин И. К. Зоогеография. – Минск: Высшая школа, 1989.

² Кэрролл Р. Палеонтологи и эволюция позвоночных. М.: Мысль, 1993.

³ Буровский А. М. Красноярск – месторазвитие культуры // Достижения науки и техники – развитию города Красноярска. Тезисы докладов. Научно-практическая конференция. 22–24 октября 1997 г. Красноярск, 1998. – Красноярск, 1998.

Буровский А. М. Степная скотоводческая цивилизация: критерия описания и сравнения // Цивилизации. Вып. 3. М.: МАЛП, 1995. С. 151–164.

Географическая составляющая урочища

Толстовский Дом находится на границе поймы Невы. Фонтанка, фактически протока Невской дельты, протекает по самой границе так называемой низкой дельты – то есть области, заливаемой разливами Невы каждый год. До 1712 или 1714 годов речку называли Ерик или Безымянный Ерик. Это была болотная речка с медленным течением, образующая острова и заводи, шириной до 200 метров. Ширина речки сильно уменьшилась по мере того, как мелководья засыпались и использовались под строительство.¹

Свои привычные для современного человека очертания Фонтанка имеет только с 1780–1789 годов, когда ее сильно почистили, углубили и одели в гранит². Еще в 1762 году, во время переворота Екатерины II, когда секунд-майор Воейков пытался остановить гвардейцев и, конный, рубил их по ружьям и шапкам саблей, орал, что не потерпит бунта, уговаривал вернуться в казармы, а гвардейцы, уставя штыки, загнали его по грудь лошади в Фонтанку (по другой версии, в Мойку) и двинулись дальше, река имела совершенно иной облик.

Разумеется, Фонтанка формировалась до появления Толстовского Дома. Но принимать во внимание динамику среды необходимо.

Еще важнее расположение Толстовского Дома полностью в пределах зоны высокой поймы, то есть пространства, заливаемого не каждый год, а только в катастрофические наводнения. Загородный проспект является границей высокой поймы – за ней даже катастрофические наводнения не происходят.

Толстовский Дом расположен на беспокойной, эпизодически заливаемой территории, причем площадь высокой поймы составляет не более 2% территории современного Петербурга.

Геопатогенная зона

Насколько вообще реально существование геопатогенных зон, в какой степени они влияют на физическое и психическое здоровье человека, спорят много. Существуют весьма разные мнения по этому поводу, в том числе и прямые отрицания существования геопатогенных зон³.

Не вступая в полемику ни о сущности геопатогенных зон, ни о существовании «сеток Хартмана и Кари», отметим: геологически активные зоны оказывают влияние на жизни и отдельного человека, и общества⁴.

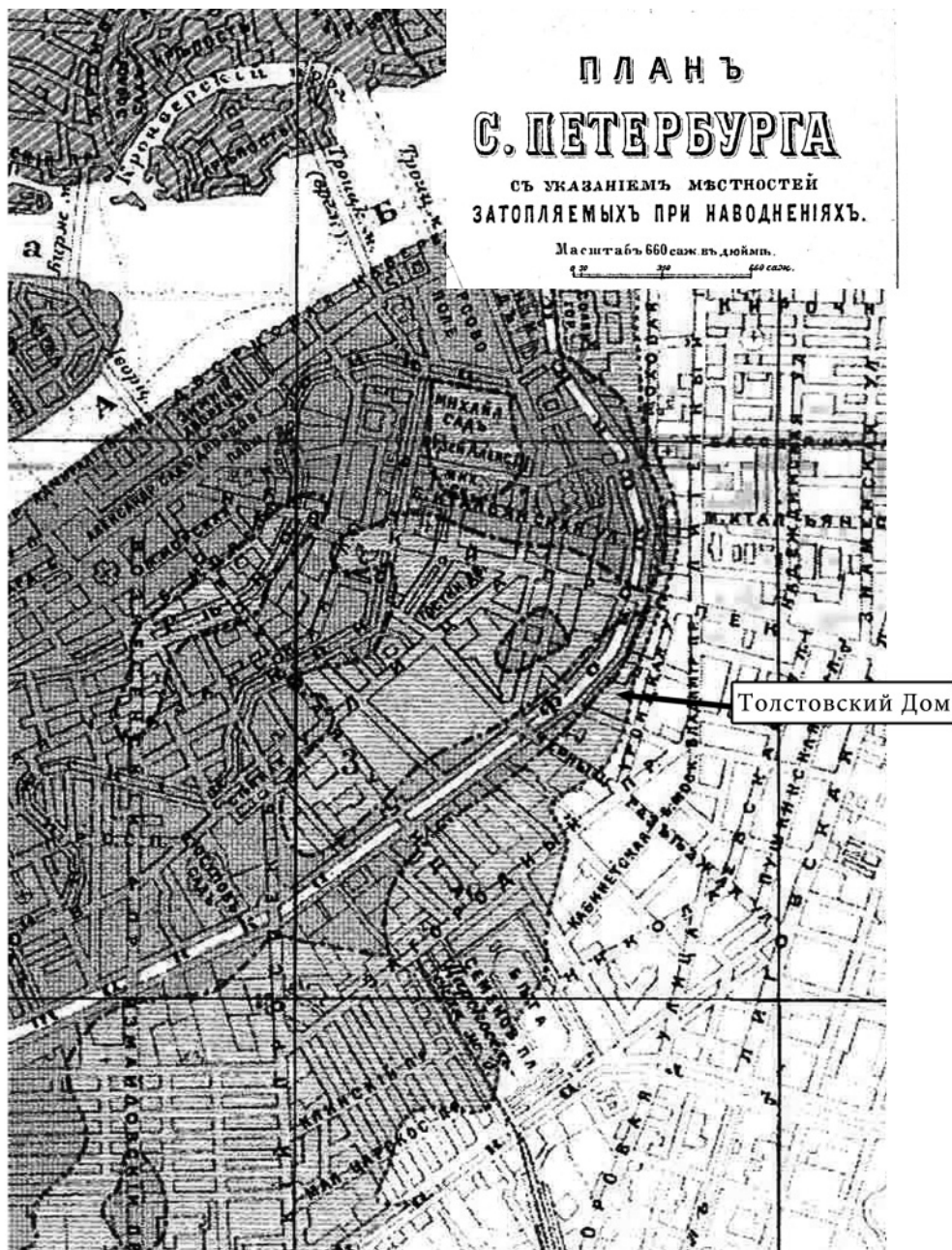
¹ *Нежиховский Р. А.* Река Нева и Невская губа. Л. Гидрометеоздат, 1981.

² Мосты и набережные Ленинграда / фот. В. П. Мельников, сост. П. П. Степанов. Л.: Лениздат, 1991.

³ *Гушин А. Н.* Биоэнергoinформатика и другие лженаучные воззрения в архитектуре // Академический вестник УралНИИпроект РАН. Выпуск 1. 2010.

Смирнова В. Устойчивые мотивы сюжета «геопатогенная зона» в городской легенде // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 21 (202).

⁴ *Рудник В. А.* Геоактивные зоны земной коры и их воздействие на нашу среду обитания // Жизнь и безопасность. – № 4. – 1998. – С. 236.

Карта территорий Санкт-Петербурга, затопляемых при разных уровнях наводнений.

Петербург лежит в пределах Лапландско-Нильского линеамента. Через город проходят четыре активных разлома. Активный разлом – это линия, по которой расходятся геологические пласты. Или расходятся в разные стороны, или опускаются / поднимаются. В местах таких разломов геологически неспокойно, среда часто и сильно меняется, причем «Сейсмо-геодинамическая активизация влечет за собой изменение состава атмосферы из-за притока газов, силы тяжести, магнитного поля, низкоамплитудных импульсивных электрромагнитных излучений»¹

Давайте переведем эти слова с профессионального жаргона. Над активными разломами, пока края их расходятся, изменяется течение геофизических, геохимических и энергетических процессов. Человек оказывается в среде не совсем привычной – причем изменяются-то базовые, физические и химические характеристики среды. Эти характеристики меняются не однократно, а изменяются постоянно. Люди все время живут как бы немного на разных планетах – дышат воздухом, несущим разные элементы таблицы Менделеева, пьют воду, химический состав которой непредсказуем, срывают траву, насыщенную разными веществами; магнитное поле их планеты все время меняется (пусть незначительно), а тела людей все время пронизывают разные излучения разной интенсивности.

Естественно, с этими людьми начинает что-то происходить. Ведь они уже и химически, по составу своих бренных организмов, и физически начинают отличаться от остальной популяции. В какой-то степени это и правда «инопланетники» – причем вовсе не в переносном и не в шуточном смысле.

«Итог этих изменений – возникновение внешне немотивированных и непредсказуемых поведенческих реакций, механизмом которых можно считать скрытые суммационные очаги возбуждения, сформировавшиеся на уровне подсознания. В итоге это приводит к снижению у человека способности адекватно реагировать на действия окружающих и, как следствие, к формированию психогенного напряжения у населения и прибывающих контингентов»².

Уточним еще раз: у людей, живущих над активными разломами, на подсознательном уровне изменяются реакции на окружающее. Люди становятся напряжены, реагируют на поведение окружающих неадекватно. Некоторые из них становятся попросту полубезумны, а то и вообще опасны.

Да к тому же еще эти замечательные разломы влияют и на качество родившихся над ними детей! Причем влияют не всегда отрицательно. Часть детишек рождается как раз сильнее сверстников – в том числе сильнее и психологически. Другая же часть не только склонна к заболеваниям, рождается с различными

¹ Там же.

² Рудник В. А. Геокосмический фактор в этногенезе и Государстве Российском // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Том 1. СПб: Европейский дом, 2002. С. 46.

отклонениями в развитии и патологиями. Но эти ребятишки еще склонны и к антиобщественному поведению, к наркотикам, пьянству.

Рождаются детки более крепкие или более уязвимые, напрямую зависит от качества родительских организмов, «сильные особи еще более усиливаются, а слабые «выбраковываются» в результате изменения иммунной и гормональной регуляции гомеостаза организмов»¹.

В общем, области геологически активных разломов – это места, где ускоряется естественный отбор. Как прямо говорил Вячеслав Александрович Рудник на конференции, посвященной памяти Л. Н. Гумилева (22 апреля 2002 года), – «это зоны естественного отбора».

Называя вещи своими именами, часть людей в таком месте приобретает новые положительные качества, – такие, которые способствуют выживанию. А другие «выбраковываются» – то есть у них появляются такие качества, которые все вернее и вернее обрекают их на быстрое исчезновение. Если и не самих этих людей – то уж наверняка их детей и внуков.

Важнейшая деталь: все 4 разлома проходят через территорию Петербурга так, что примерно 5% территории Петербурга занимают «ультрагеопатогенные, то есть непригодные для проживания», зоны. А 5-10% его территории составляют зоны «геоселюбогренные, или наиболее благоприятные для создания рекреационных областей и районов, а также для строительства детских лечебных учреждений»².

Как будто, эти выводы подтверждены серьезным статистическим исследованием: «в домах, расположенных над разломами, в два раза повышается заболеваемость ишемической болезнью сердца, в полтора раза – гипертонической болезнью, как результат смертность в этих зонах в 2,3-2,5 раза выше, чем за их пределами. Обращаемость взрослых в поликлиники возрастает в 2,3 раза, детская заболеваемость в 2,0-2,2 раза, заболеваемость детей лейкозом – в 3,5 раза, а таким врожденным пороком, как болезнь Дауна, – в 4,0 раза.

Рассматривая медико-геоэкологические карты, нельзя пройти и мимо следующего факта. За пределами зон разломов, но на небольшом (100-300 м) удалении от них отмечаются участки жилмассивов из 3-15 домов с населением до 1000-2000 человек, где за 3-4 года не зафиксировано ни одного заболевания раком. На этих же участках практически отсутствует детская смертность и заболевания детей лейкозом и врожденными пороками развития.

Если зоны активных разломов в полосе их влияния, занимающей в С.-Петербурге от 30 до 60 % территории, можно с полным основанием рассматривать как «геопатогенные» для человека, то вышерассмотренные участки,

¹ Там же. С. 45.

² Там же. С. 51.

на долю которых приходится всего 5-10 % площади, вероятно, и являются благоприятными «благостными» для человека»¹.

У сторонников «геопатогенной» теории всегда различаются площади негативного влияния на человека. Как мы видим, вредны для обитания то 5% территории Петербурга по Руднику, то уже «от 30 до 60%» по Мельникову.

Но что характерно, места прохождения самих разломов все авторы указывают довольно точно и без противоречий друг с другом. На всех картах один из разломов проходит примерно в 100 метрах от Толстовского Дома, пересекая Невский проспект около станции метро «Маяковская», и уходит за Аничков Дворец.

Есть карты геопатогенных зон, одна из которых проходит вдоль русла Фонтанки².

В любом случае получается: Толстовский Дом входит в «геоселюберогенную» (по Руднику), «благостную» (по Мельникову) зону, в которой патологий и повышенной болезненности не будет. В Толстовском Доме можно не ожидать появления множества урогов, дураков, алкоголиков, полусумасшедших и сумасшедших, чудиков и психопатов, но следует ожидать появления большого числа гениев, одаренных людей, нестандартных личностей самого разного плана.

...что, собственно говоря, мы постоянно и наблюдаем. Ну, может быть, за исключением асолютно необъяснимых «нехороших» или «проклятых мест». Например, 660 квартиры.

Конечно, действие «благостной зоны» нуждается в подтверждении – но за чем дело стало? Достаточно изучить состояние здоровья жителей Толстовского Дома и сравнить с состоянием физического и психического здоровья жителей других домов, в геопатогенной или в нейтральной зоне. А для контроля – и еще в одной из «благодатных».

Еще более надежным способом проверки было бы проследить судьбы людей, зачатых, выношенных и родившихся в Толстовском Доме.

Дом на краю

Не будем лишней раз упоминать нелепый и вредный миф про возведение Петром I города посреди «пустого финского болота». Территория будущего Петербурга населена тысячелетиями.

К эпохе викингов относятся два клада монет, найденных в устье Невы. Самая ранняя монета на Васильевском острове датируется 780 годом. Самая ранняя монета из клада в Петергофе – 804 годом.

¹ Мельников Е. К. О влиянии активных разломов на размещение городов и состояние здоровья их населения // II Международное рабочее совещание. Проблемы геодинамической безопасности. 24–27 июня 1997. СПб: ВНИИМ, 1997. – с. 312–317.

² Болтунов В. А., Болтунов В. В. Поиск геопатогенных зон: биолокация и геофизика. // Гидротехническое строительство. – 1996. № 7. – С. 46–52.

Во времена Древнерусского государства выплата «варяжской гани» Новгородом (300 гривен) шла на содержание небольшого варяжского отряда, который обеспечивал безопасность коммуникаций в Финском заливе¹.

Славяне жили километров на 100-150 западнее Невы, и «только в конце XI-начале XII вв. эта территория переходит под контроль собственно новгородской администрации»².

В 14-15 веках вся местность, лежащая по берегам Невы, входила в Водскую пятину Новгорода Великого, и имела уже русское население.

По Столбовскому договору 1617 года русские земли на южном берегу Балтики отходили Швеции. Шведы построили здесь город Ниеншанц при впадении Охты в Неву, но построили его на месте русского торгового городка Ниен, опустошенного морскими разбойниками в 1521 году. Русские считали Ниеншанц своим городом и называли его «Канцы». В Ниеншанце «было много превосходных пильных заводов, и там строились хорошие и красивые корабли. Помимо шведского, финского и немецкого прихода, в нем находился и православный с церковью»³.

По шведскому плану 1676 года на месте Петербурга и его окрестностей показано 41 поселение разного размера. Их население, по разным расчетам, колебалось от 6-7 до 15 тысяч человек.

Все это время место, где в будущем возникнет Толстовский Дом, – не более чем пологий склон, обращенный к заросшей рогозом болотистой речушке Ерику, протоке Невской дельты. По всей видимости, насколько можно установить по старым картам 18 века, примерно там, где находится сегодня улица Рубинштейна, вдоль высокой поймы реки уже пролегла дорога. Этот естественный уступ на береговом склоне не затапливался даже при катастрофических наводнениях.

С 1711 года начинается усиленное заселение Санкт-Петербурга. Первоначально застраивалось в основном правобережье Невы, ее северный берег – Петербургская сторона (нынешняя Петроградская). Левый же, южный берег Невы был отведен под казармы, под Адмиралтейство и все необходимые для флота строения, то есть верфи для построения кораблей, склады, магазины и так далее.

По плану застройки, подписанному Екатериной II в 1769 году и реализованному в 1820-1840 (тогда потребовался новый план), Фонтанка фактически была границей города. Она перестала быть границей как раз в процессе реализации этого плана, к годам правления Павла I.

В годы, когда возводился и начинал жить Толстовский Дом, граница городской застройки проходила уже по Обводному каналу.

¹ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: ЛГУ, 1985. С. 221

² Сорокин П. Е. Невская навигация и некоторые вопросы новгородского судостроения в эпоху Средневековья // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.: ЛОИА АН СССР, 1991.

³ Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб: Изд-во А. С. Суворина, 1887. С. 6.

Толстовский Дом находится на месте, где проходила граница города до 1840-х годов, и поблизости от места, воспринимаемого как граница исторической части города до Второй мировой войны.

В городском урочище Петербурга дом расположен эксцентрически, то есть на краю географического контура. До того, как началось строительство Петербурга, этот контур просто не существовал. Не только не было самого дома, а было некое пространство на берегу речки. Но если бы дом появился в этом месте и до Петербурга, он находился бы на краю невской поймы, то есть хоть в каком-то смысле эксцентрично.

Автор этой статьи не раз показывал, что человек «усиливает» особенности природного ландшафта, тем самым создавая новые варианты контрастов¹. Здесь происходит то же самое: построенный в том же самом месте, но как часть Петербурга, Толстовский Дом оказывается на краю и географической сущности, и антропогенной.

Согласно Ю. М. Лотману, города-центры «своей» земли рассматриваются как идеальные воплощения этой своей земли. Концентрическое расположение таких городов усугубляется их концентрической планировкой. Таким городам свойственны генетические мифы, мифология естественности.

Совсем иные идеи воплощаются в городах, эксцентрически расположенных по отношению к своей земле, с их эксцентрической планировкой (а в Санкт-Петербурге – еще и полицентрической). Существующее в них объявляется несущественным и даже несуществующим, а то, что только должно появиться, объявляется единственно сущим.

Эсхатологические и гемуургические мифы органичны для них, как и противопоставление искусственного и созданного естественному и природному¹. Эти качества психологии жителей с самого начала присущи эксцентрически расположенному Петербургу. Вероятно, нечто подобное следует предположить и в отношении Толстовского Дома: это «Петербург в Петербурге». Расположение Толстовского Дома на карте Петербурга – эксцентрично, а сам он имеет полицентрическую планировку.

Дом и усадьба

Понятие «городская усадьба» обычно относится к большим индивидуальным домам богатых людей, построенным в черте города, но остававшихся фактически барским домом с прилегающими к нему территориями: садом, хозяйственными сооружениями, двором и так далее. В этом смысле «усадьба Шереметева» или «усадьба Вяземского» подобны усадьбам новгородских бояр или «городской вилле» Древнего Рима.

¹ Буровский А. М. Антропоэкология. Теория антропогеосферы: ее сущности, морфологии, структуры, динамики, истории. М.: Вузовская книга, 2005.

Но фактически и многоквартирные дома могут (а с точки зрения автора – и должны) рассматриваться как усадьбы: ведь это тоже дома с прилегающим пространством и инфраструктурой. Такая усадьба в какой-то степени подобна живому организму. В случае Толстовского Дома это очень заметно. В настоящий момент связь Толстовского Дома с остальными элементами усадьбы во многом разорвана. Это рассекает тот живой географический, архитектурный и общественный организм, который возник исторически, и создает на его месте нежизнеспособные или маложизнеспособные куски той же ткани.

Дом-инсула

Толстовский Дом центрируется вокруг внутренней «улицы зодчего Лигваля», а к остальному же городу обращены не самые эстетичные черные дворы. Несомненно, дом приобретает некое подобие квартала. Но кварталы в Петербурге значительно больше. Точнее всего назвать такое явление старым римским словом «инсула», что в буквальном переводе означает «остров». Этим словом римляне называли квартал, со всех сторон застроенный многоквартирными домами, и с двором в центре (фактически – многоквартирную усадьбу). Позже инсулами называли вообще все многоквартирные здания со сдаваемыми в аренду квартирами (в России утвердилось название «доходный дом»).

В наших условиях этот термин служит не заменой термина «квартал», а для отражения редко встречающейся даже в Петербурге реалии – дома-квартала, который по своим характеристикам резко отделяется от остальной застройки. Предположительно, обитателям «острова-инсулы», помимо некоторых общих черт культуры, должно быть свойственно ощущение отделенности от остальных людей, замкнутости, заикленности друг на друге, меньшее участие в делах внешнего мира и большее – самой инсулы.

В какой-то степени эту гипотезу подтверждает интересное обстоятельство: в 1930-е годы намного меньший процент жителей Толстовского Дома пали жертвами репрессий, чем обитатели большинства других домов Петербурга. Всего 38 обитателей Толстовского Дома были репрессированы в 1937–1939 годах (по другим годам репрессий просто не существует статистики), тогда как во время блокады погибли 420 жителей!¹

В других домах соотношение репрессированных и погибших в блокаду иное: как правило один к одному. Или даже число репрессированных превышает число умерших от голода.

¹ Колотило М. Н. Толстовский Дом. Том 1. Люди и судьбы / Под научной редакцией В. Г. Смирнова-Волховского. СПб: Искусство России, 2011.

Объяснить разницу в статистике можно. Напомним: очень распространенным способом «расшириться» в 1930-е годы было писание доносов на соседей. Доносчик обычно получал комнату соседа, уничтоженного по его доносу. Как видно, в Толстовском Доме лояльность жителей друг к другу была заметно выше средней по городу, невзирая на гигантскую разницу в социальном, образовательном и имущественном статусе. Видимо, сказывалась психология «общей судьбы» и лояльности к другим обитателям «своей» инсульты-острова.

Поэтический образ «души Петербурга» Николая Павловича Анциферова¹ можно дополнить и уточнить понятием «души урочища». В данном случае – Толстовского Дома.

Композиционные формулы

С точки зрения семантики, каждое петербургское урочище любого порядка – самостоятельный текст, коллективное послание предков к потомкам². В культурном урочище, точно так же как и в любом феномене культуры, визуализированы идеальные представления его создателей. На всякого, кто обитает или находится в урочище, влияют эти представления. Воздействие осуществляется через восприятие другими людьми эстетических и культурных ценностей художественного произведения.

Конечно же, «послание предков потомкам» не сводится к геометрическим формам, лежащим в основе планировки урочища. Но важно и это: в основу композиции урочища (и любого архитектурного сооружения) положены какие-то достаточно простые геометрические фигуры: круг, квадрат, овал, крест.

Как правило, таких фигур не одна, а много, и они могут сочетаться, перетекать одна в другую, приобретать какие-то уникальные черты. Положенный в основу композиции овал может стать разомкнутым, крест – вписан в круг или квадрат, несколько квадратов перекрещиваться самым причудливым образом.

Такие фигуры – композиционные формулы – сами по себе воспринимаются неосознанно, вызывают массу подсознательных ассоциаций. Они очень напоминают «архетипы» Карла Юнга, – простейшие геометрические образы, вызывающие каждый свои ассоциации и аналогии: круг – вечности, отрешенности, надмирности и совершенства. Квадрат – рукотворного совершенства, созданного человеком. Прямоугольник, тем более ромб – фигура уже менее «спокойная», как бы устремленная куда-то... и так далее.

¹ Анциферов Н. П. Душа Петербурга: очерки. Л.: Детлит, 1990.

² Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы. М.: Политиздат, 1968.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб: Искусство-СПб, 2000.

Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов; Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.

Композиционными формулами занималось довольно много людей – но почему-то произведениями искусства, скульптурой, а не архитектурными сооружениями и тем более – не городскими урочищами¹.

Географическим пространством семиологи занимались мало; тут сказаны только самые первые слова².

Композиционные формулы ложатся в основу урочищ и сооружений, создают их архетипические образы. В нескольких своих работах автор развивал гипотезу, согласно которой создатели Петербурга и его урочищ второго и более низкого порядка, заложили в каждом из урочищ композиционные формулы, определенным образом воздействующие на человека, и порождающие архетипические образы. Наше восприятие этих формул, наши эмоциональные состояния, которые мы испытываем на Стрелке Васильевского острова, на Университетской набережной или на Дворцовой площади, и составляют процесс «чтения» – считывания информации.

Петербург и распланирован регулярно, и композиционные формулы его многоквартирных домов, и даже двorcов очень просты: это квадрат и прямоугольник, лежащие в основе самого понятия жилища. В основе планировки даже Зимнего дворца лежат все те же квадраты и прямоугольники.

Такая регулярная архитектура, «архитектура простых геометрических форм» несет в себе архетипический образ «созданного человеком». Регулярная архитектура, регулярная планировка городов исходно и создавалась как визуализация противопоставления природного и созданного человеком.

Геометрически строгие и правильные планы и объемы «надеваются» на стихию, подчеркивая власть человека над природным хаосом, лишенным прямых линий, их пересечений и углов, причем покорение стихии воспринимаются романтически-возвышенно.

¹ *Иванов Вяч. Вс.* К семиотическому изучению культурной истории большого города // Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартусского государственного университета. Вып. 720. Тарту, 1986.

Лихачев Д. С. Была ли эпоха Петровских реформ перерывом в развитии русской культуры? // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. Материалы международной конференции (ЮНЕСКО). М., 1978.

Вилинбахов Г. В. Основание Петербурга и имперская эмблематика // Труды по знаковым системам. XVIII. Семиотика города и семиотика культуры. Петербург. Ученые записки Тартусского государственного университета. Вып. 664. Тарту, 1984.

Тарабукин Н. Смысловое значение диагональных композиций в живописи // Труды по знаковым системам. 6. Ученые записки Тартусского государственного университета. Вып. 303. Тарту, 1973.

² *Лотман Ю. М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. 2. Ученые записки Тартусского государственного университета. Вып. 181. Тарту, 1965.

Возможность смотреть на разлив Невы из геометрически правильных объемов Зимнего дворца, поверх ровной и регулярной Дворцовой набережной имеет такой же культурологический смысл, как и образы покоряемых коней Аничкова моста.

В традиционной петербургской культуре здание и должно быть организовано как можно более просто, планировка его должна быть геометрически элементарна, чтобы любой человек легко мог бы в нем ориентироваться. Анфилады дворов-колодцев, так типичные для Петербурга, и точно так же анфилады дворцовых комнат должны хорошо просматриваться, создавая иллюзию простоты и понятности окружающего, ни в коем случае не создавая чего-то неожиданного, таинственного, туманного, сразу незаметного.

Господство нововременной традиции рационального градостроения действительно делает Петербург очень «логичным» городом, в котором легко объяснять дорогу незнакомцу, и в котором иногородний быстро научается ориентироваться.

В этом смысле Толстовский Дом резко выбивается из общего петербургского стиля.

Начать следует с того, что он имеет в плане совершенно неправильную форму, которая никак не вписывается в прямоугольник или квадрат. Лидваль вообще считался мастером строить дома на участках неправильной формы, но констатируем факт: дом в плане демонстрирует вовсе не очевидную «власть над природой». Скорее здание, да и усадьба в целом, представлены как нечто гармонично и естественно растущее само собой.

Конфигурация Толстовского Дома в плане может порождать различные образы. Это и некая незавершенная «восьмерка». Это и странно редуцированный двуглавый орел. Это и крепостная стена. Это и человекоподобное существо, голову которого образует центральный выступ Толстовского Дома.

Каждый из этих образов порождается нашей собственной фантазией – но ведь до этого форма, которую мы интерпретируем, была создана фантазией архитектора.

Толстовский Дом как бы «распахивается», его крылья направлены в сторону Невского проспекта. Чаще всего полукружие, лежащее в основе архитектурной композиции, рассматривается как образ простертых рук, охватывающих пространство. По крайней мере, так интерпретируется, чаще всего, композиция Казанского собора¹. Действительно: план Толстовского Дома подобен изображенному со спины человекоподобному созданию, которое руками пытается охватить Невский проспект, а в большей степени – второй дом усадьбы, Фонтанку 52.

¹ Гримм Г. Г. Архитектор Воронихин. Л.–М.: Гос.изд. литературы по стр-ву, арх-ре и стр. материалам, 1963.

Кузнецов С. О. Казанский собор // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в трех томах. Том II. Деятнадцатый век. Книга третья. К.-Л. СПб.: СПбГУ, 2004. С.36-38.

Точно так же «внутренняя улица» может быть уподоблена и дороге, и реке, и ущелью, а каждая арка – пещере. Арки есть во многих домах Петербурга, Толстовский дом отличается только большим числом элементов и их более сложным сочетанием. Благодаря этому композиция Толстовского Дома в повышенной степени обладает качеством, которое Ю.М. Лотман называл семантической валентностью, то есть способностью присоединять к сооружению новые смыслы. Если угодно, «потенциальная многосмысленность».

И по уровню семиотической валентности Толстовский Дом превосходит отдельные многоквартирные дома, приближаясь к тем храмам и дворцовым комплексам, которые считаются памятниками архитектуры.

В одном отношении Толстовский дом резко выбивается из петербургской архитектурно-художественной традиции: здание, композиционная формула которого подчеркивает естественность, тем самым уже противопоставляет себя основному ансамблю Петербурга. Оно словно бы заявляет: «я само по себе». Зато другая особенность композиции Толстовского Дома очень характерна для Петербурга.

Образ Вселенной?

В Петербурге известны дома для небедных людей, дворы которых центрированы фонтаном или клумбой. Через эту клумбу проходят оси, соединяющие углы сооружения.

Таким же образом внутри Зимнего дворца парковая зона и фонтан композиционно удерживали центр всего сооружения.

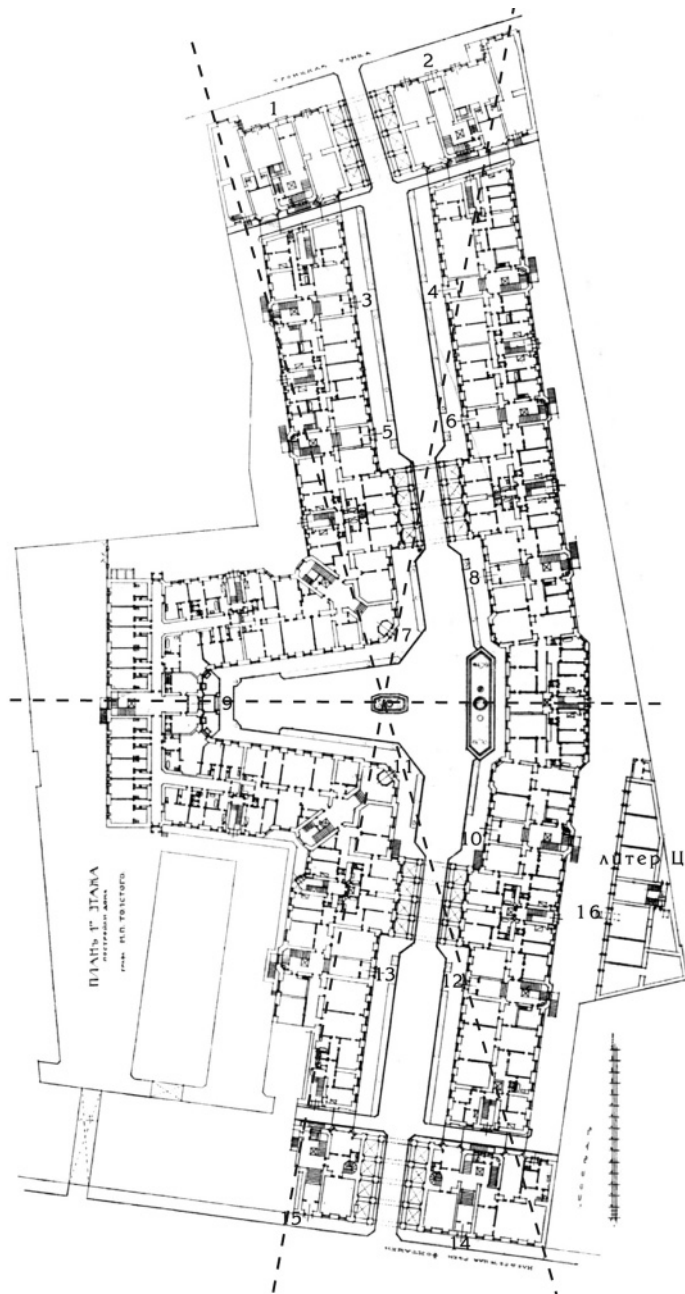
«Круг с точкой в центре» чаще всего интерпретируется, как архетипический образ Вселенной, как образ Центра этой Вселенной. В этом же смысле «квадрат с точкой в центре» или «прямоугольник с точкой в центре» – это архетипический образ «рукотворного пространства», окультуренного и подчиненного человеку.

Так и в Толстовском доме в центре композиции находилась клумба (в советское время превращенная в фонтан). Лидваль словно бы «насадил» здание на три «оси», которые организуют пространство урочища, соединяясь у клумбы, ставшей своеобразным «Пупом Вселенной» Толстовского Дома.

Но, во-первых, на этой композиции смысловой центр смещен по отношению к геометрическому центру. Этот смысловой центр расположен эксцентрически и словно бы «спрятан» в изгиб центрального внутреннего двора.

Во-вторых, дом изначально центрировался вокруг изогнутой, неодинаковой в разных местах «внутренней улицы». Продольная ось дворов имеет излом, поэтому аркады не образуют сквозной перспективы – очень редкий случай в Петербурге. Ведь архитектурный и культурный идеал предполагал именно простоту и просматриваемость архитектурного сооружения.

«Стержень», на который нанизан Толстовский Дом, сам по себе эксцентричен.

Центр Толстовского Дома: «Путь Вселенной»

Центральный двор Толстовского Дома.
Центральная клумба – «Пуп Вселенной»
Фото Карла Буллы. 1912 год.

Формально линии, проведенные от углов плана здания, пересекаются на «клумбе-фонтане». Видимость петербургской традиции соблюдена, но все равно невозможно четко вычленить ни центр экспозиции, ни стержень Толстовского дома. Это делает Толстовский дом уникальным явлением для петербургской архитектуры, но одновременно – типичнейшим петербургским урочищем.

Принцип голограммы

Санкт-Петербург организован по принципу своего рода «культурной голограммы» – одни и те же идеалы и представления визуализируются во всех его урочищах. Эти урочищах разного масштаба «вложены» одно в другое по «принципу матрешки»; в результате эти идеи оказывают особенно мощное воздействие. Эксцентричность, полицентричность и раскрытость городского пространства и архитектурных объемов входят в элементы «голограммы».

Появление Петербурга сделало Россию полицентричной – за счет появления двух столиц. Расположен Петербург эксцентрически. Полицентричен, эксцентричен сам Санкт-Петербург, и полицентрично, эксцентрично любое из его урочищ. Любой архитектурный объем, любое пространство в городе кричит об одних и тех же идеях. Нигде в Петербурге вы не избавитесь от них – они визуализированы везде.

Толстовский дом, «урочище четвертого порядка», полицентрично и эксцентрично, как сам Петербург. И как любое из урочищ второго и третьего порядка, вычленяемых в городе.

Разомкнутое пространство

В Петербурге почти нигде нет замкнутых пространств. Все городские урочища плавно переходят одно в другое, и при том выходов всегда несколько. Даже легендарные двory-колодцы в Петербурге почему-то всегда имеют как минимум два выхода. Практически нет тупиков, замкнутых дворов-мышеловок, из которых вход-выход только один. Повидимому, в замкнутости есть что-то противоречащее «петербургской идее». Что-то, чего лишена планировка и всего урочища в целом, и его отдельных урочищ. В том числе таких маленьких «урочищ пятого порядка», как жилые кварталы и здания.

Город все время говорит человеку, что всякое явление полицентрично, что из любого места (тем самым и из любых ситуаций и передрыг) всегда есть разные выходы.

Толстовский Дом с его множеством проездов, выходящих на «внутреннюю улицу», соединяющую набережную Фонтанки и улицу Рубинштейна, – выразительный пример принципиальной «разомкнутости» пространства Санкт-Петербурга.

Деревянные торцовые мостовые в Петербурге. Во время наводнения 1924 года были разрушены и больше не восстанавливались. Дворы Толстовского Дома были вымощены такими же торцами до 1924 года

Толстовский Дом как «послание» и как текст

Как видно, Толстовский Дом является самостоятельным городским «урочищем культуры четвертого порядка» в составе Санкт-Петербургского городского урочища. По своему статусу в составе Санкт-Петербургского городского урочища оно соответствует крупному правительственному зданию, дворцу, учебному заведению или храму.

Это урочище является голограммой Санкт-Петербурга по своей открытости, эксцентричности, полицентричности, многозначности, многосмысленности всего Санкт-Петербурга. Всего того, что Ю. М. Лотман называл «семантической валентностью».

Одновременно в Толстовском Доме прослеживаются не типичные для Петербурга отступления от идеи регулярной застройки, но эти черты только усиливают основные параметры Санкт-Петербурга как месторазвития.

Городское урочище «Толстовский Дом» расположено эксцентрично в географических и антропогенных контурах Санкт-Петербурга.

Это крайне контрастное, мозаичное, динамичное, семантически многосмысленное место, к которому постоянно присоединяются новые явления и смыслы. В таком месте, за счет действия этих особенностей, происходит быстрое развитие культуры.

Понятен, хотя бы частично

Невозможно полностью учесть все виды воздействия на человека Толстовского Дома. Наверное, разумнее всего считать: мы никогда не сможем до конца изучить «гений места» Толстовского Дома. Природа и человек создали некий феномен – то есть явление, существующее независимо от нашего желания и наших представлений о нем. Толстовский Дом – такой же феномен географии, как любой «памятник природы». Мы знаем, что он существует, и в какой-то степени способны понять некоторые законы его влияния на человека. Но и только.

Параметры и степень многих этих воздействий, в том числе характер и масштаб отличий обитателей Толстовского Дома от других петербуржцев, могут быть установлены только путем специальных исследований. До их проведения они существуют только в качестве гипотезы. Но надо понимать, что ВСЕГО мы не узнаем никогда.

В данный момент можно утверждать следующее:

1. Толстовский Дом существует в культуре Санкт-Петербурга как особый феномен, осознаваемый и рациональными пластами культуры, и городским фольклором.
2. Толстовский Дом существует как место концентрации неординарных

личностей, которые стремятся находиться в нем, использовать его в своей деятельности, возвращаться в него.

3. Толстовский Дом существует как «инсула», то есть самодостаточное самодовлеющее место, порождающее ощущение отделенности и «особой судьбы» обитателей дома.

4. «Семантическая валентность» Толстовского Дома проявляется в том, что урочище постоянно осмысливается в разных культурных плоскостях, даже и на уровне бытового сознания. Смыслы, возникающие в Толстовском Доме, постоянно принимают все новые и новые формы.

Влияние места на человека, его способность формировать души обитателей и даже посетителей, подсказывать им направление мыслей и поступков, можно поэтически и мифологически выразить через «Гения Места», имеющего вполне понятную и научно объяснимую природу.

Хотя бы частично...

А. М. Шарымов

ИЗ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ДОМОВОГО МЕСТА

От автора-составителя. Всегда интересно: «А что было раньше на том месте, где я живу?». При этом возникает вопрос: «Насколько раньше?»

В то время когда Земля была еще тепленькой?

Или достаточно с того времени, когда по Земле бегали динозавры?

А может все-таки можно от момента гибели мамонтов?

В книге исследований Александра Матвеевича Шарымова (1936–2003) ганы некоторые вехи древней истории того места, где сейчас находится Санкт-Петербург, и соответственно того места, где расположен Толстовский Дом.

***

Источник: Шарымов А. М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб.: Издательство «Журнал «Нева»», 2004. – 784 с.

***

От ледника до Фонтанки

За 11 тысяч лет до Р.Х. (то есть **13 тысяч лет назад**) край ледника начал отступать на северо-запад. Оставленные материковым льдом впадины стали заливаться водой. Образовалось озеро, заливом которого была Ладога, а основу составляли бассейны будущих рек Нарвы, Невы и Волхова. Возникшее Южно-Балтийское Приледниковое озеро Рамзая имело перемежающуюся связь с океаном.

Уровень озера Рамзая часто менялся, но **более 12 тысяч лет назад** суша в Южной Швеции сильно понизилась – и уровень озера резко упал.

Более 11 тысяч лет назад озеро Рамзая слилось с Южно-Балтийским озером – и образовалось Балтийское ледниковое озеро. Воды его частично стекали в Белое море – и уровень озера был низок. Южная Ладога была тогда сушей, северная же ее часть была значительно глубже нынешней.

Примерно 10 тысяч лет назад ледник сошел со Средней Швеции – и уровень озера упал почти на 30 метров. Так образовалось Иольдиевое море, соединившееся через пролив Нерке с океаном. Ладога впервые стала самостоятельным озером. Уровень его определялся стоком в северной части нынешнего Карельского перешейка.

Через 700 лет пролив Нерке обмелел: земная кора «дышала» – и поднялась. На его месте образовалась река Свеа. Так **9 тысяч лет назад** Иольдиевое море превратилось в Анциловое озеро. А **еще через 600 лет** сток из озера совсем прекратился. Уровень его стал расти. На севере Карельского перешейка образовался пролив – и Ладога стала заливом Анцилового озера.

Около 8 тысяч лет назад воды озера обрели сток в Северное море через Дарсский порог и Большой Бельт. Уровень воды упал почти на 15 метров. Пролив на севере Карельского перешейка осушился и стал речкой, вытекавшей из района Хейнийоки (у поселка Вещево) и впадавшей в Выборгский залив. Порог стока Ладоги стал выше – и южная часть озера была затоплена.

8 тысяч лет назад скандинавский ледник завершил таяние. Сток рек в Балтийскую котловину резко спал. Уровень ее стал ниже, и туда начали поступать соленые океанические воды. Еще один «вдох» – и Анциловое озеро превратилось в Литориновое море¹.

В дальнейшем Датские проливы обмелели – и поступление соленой воды в Литориновое море сократилось, результатом чего стало постепенное превращение его – через стадии Древне-Балтийского моря (**более 6 тысячи лет назад**) и Лимнеа (**около 6 тысяч лет назад**) – в современную Балтику, «нашпигованную» ракушками миа аренариа...

Свидетелем этих процессов был доисторический человек.

***

Несколько слов о рождении Невы: реки, которая дала наименование всему региону.

Множество событий европейской и мировой истории уже свершилось, когда ее русло только начало формироваться. До той поры оно представляло долины двух разных рек. Та, что мы называем сегодня Тосной, впадала в будущий Финский залив примерно по трассе нынешнего Морского канала. А будущая Мга текла в Ладожское озеро.

Суша в области Ладоги поднималась на севере быстрее, чем на западе – и Хейнийокская протока постепенно отмирала. Ладога стала замкнутым

¹ Следует добавить еще, что ученые выделяют фазы Литоринового моря (по имени его обитательницы улитки литторина литториа), Древне-Балтийского моря, перешедшего в стадию Лимнеа (по имени улитки лимнеа овата балтика), и, наконец, современную фазу развития Балтики – Миа (по имени ракушки миа аренариа). (А. М. Шарымов)

озером – и вода в нем заполнила долину Мги, подошла к перемычке на месте Ивановских порогов, поднялась на двенадцать метров и, наконец, прорвала перемычку.

Началась разработка русла Невы. Из воды поднялись острова, бывшие до того отмелями. В ложбины хлынула вода – и появились основные рукава Невской дельты. Произошло это примерно **за 2 тысячи лет до Р.Х., около 4-х тысяч лет назад**¹.

***

От автора-составителя: В Невской дельте образовалась река-протока, пересекающая центральную часть города, ныне называемая Фонтанкой. Ее длина 6,7 км, ширина ныне до 70 м, наибольшая глубина 3,5 м. Вытекает из Невы слева по течению, у Летнего сада, и впадает в Большую Неву к северу от Гутуевского острова.

Современное название реки связано с устройством фонтанов Летнего сада: через Фонтанку были переброшены трубы из бассейна Лиговского канала.

Современный гидроним **Фонтанка** также используется как обиходное наименование **набережной реки Фонтанки**.

Толстовский Дом находится на южном берегу реки Фонтанки. В новгородский и шведский периоды истории Приневья Фонтанку называли рекой Голодушей (первое упоминание в 1500 году). В предпетровский и петровский периоды, до 1712–1714 годов, она называлась Ериком или Безымянным Ериком и представляла собой болотную речку, образующую в своем течении острова и заводи. Затем именовалась Фонтанной рекой (речкой), с 1737 года получила современное название. На момент строительства первых мостов через Безымянный Ерик ширина водной преграды составляла около 200 - 250 метров, но, по мере освоения мелководий для строительства, ее ширина существенно уменьшилась. В 1743–1752 она была расчищена и укреплена деревянной набережной. Современные очертания зеркала Фонтанки приобрело с тех пор, как в 1780–1789 годах ее вторично расчистили и углубили, а берега одели в гранит по проекту архитектора А. В. Квасова. Были сооружены гранитные набережные, спуски и подъезды к реке. К концу XVIII века русло реки было спрямлено.

¹ Нежиховский Р. А. **Река Нева и Невская губа**. Глава: «Образование реки Невы». Л., 1981. С. 22–25. (А. М. Шарымов).

Следует обратить внимание, что в то время, когда образовалась Нева и ее дельта, уже почти половину тысячелетия в Египте стояли великие пирамиды (построенные при фараонах IV династии Древнего царства) и правили фараоны XI династии Среднего царства. Уже строились микенские дворцы и храмовый комплекс в Карнаке, а ахейцы уже вторглись в Грецию и пала последняя династия Шумера. В это время уже примерно два столетия использовали бронзу и была разработана планиметрия. При этом на острове Врангеля все еще жили мамонты. (Автор-составитель).

Новгородский и шведский периоды

Согласно книге А. М. Шарымова, основными этапами описания территории, где позже был построен Толстовский Дом, в новгородский и шведский периоды являются следующие события:

1500 год – составлена первая из дошедших до нас новгородских окладных Писцовых книг «Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 года», служащая нам основанием для топонимических представлений о древнем Приневье.

1521 год – первое документированное упоминание о торговом городе Ниене (он же – Невское Устье из писцовой книги Изжорской земли) при впадении Охты в Неву.

1634 год – дата первой из Поземельных книг и вакенбухов, относящихся к Приневью, которые хранятся ныне – почти не изученными – в Государственном архиве Финляндии

Около 1640 года – землемер Эрик Нильссон Аспегрен составил карту Невского устья и его заселения «Географическое описание земельных владений аудитор-генерала Стена фон Стенхаузена, расположенных в двух милях ниже города Ниена на Большой реке и в двух с половиной милях севернее Дугергофа...».

Около 1680 года – землемер Петер Торинг составляет «Геометрическую карту части Спасского погоста Нотэборгского уезда между деревней Ревоненной на Финском заливе и деревней Гудилов на Неве...»

1701 год – шведский кондуктор Карл Элдберг составляет «Гидрографическую карту реки Невы к востоку от рейда Ниеншанца и к западу от рейда Нотэборга до Балтийского моря, составленная в мае-июне 1701 г. кондуктором Карлом Элдбергом...»

К сожалению, специальные исследования о поселениях на месте Толстовского Дома не проводились. Эти работы – дело будущего. Однако в книге А. М. Шарымова указаны некоторые данные, позволяющие высказать некоторые предварительные предположения:

1) Начнем с того места, где к Фонтанке от Пяти Углов подходит улица Ломоносова. Примерно между улицей Ломоносова и Щербаковым переулком находилась деревня «Медина» (1500 год), «Medina» (1521, 1640 и 1680 годы). У Элдберга (1701 год) она обозначена как «Matala»: это слово по-фински означает «мелкая». Не исключено, что тут на «Голодуше» было мелководье или перевоз.

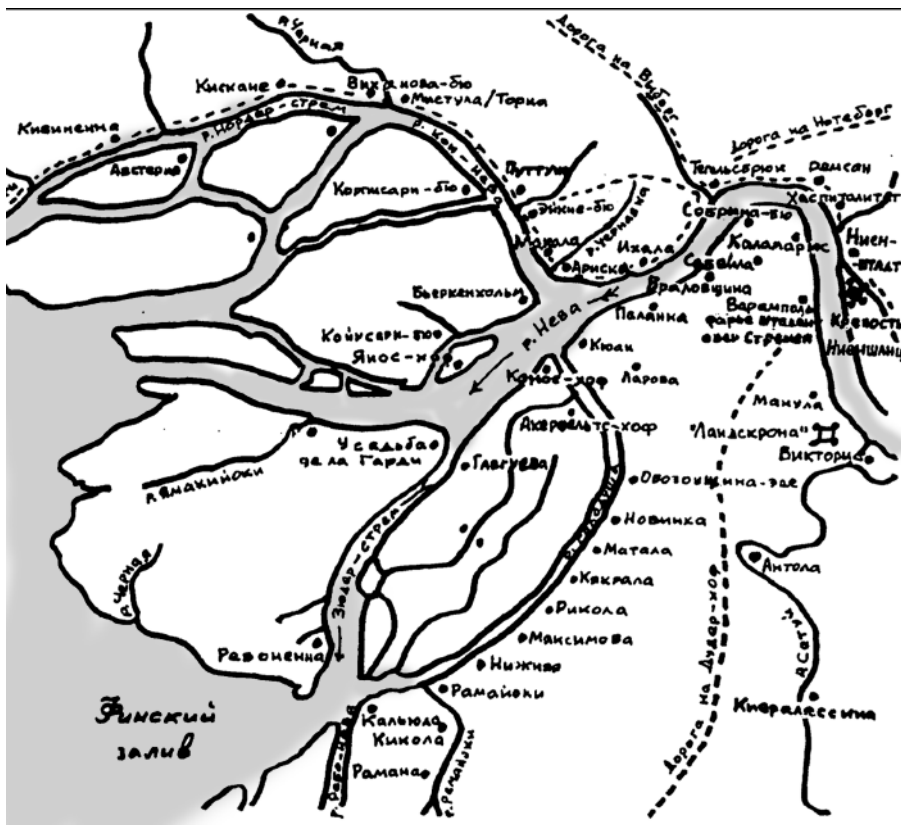

Схема расположения населенных пунктов в допетербургский период.
Примерно на месте Толстовского Дома – деревня Новинка.

Берега Фонтанки в XVIII веке

Название – скорее всего славянское, от фамилии жителя Мед(в)ин, позже преобразованного в похожее финское (Автор-составитель).

2) Примерно на том месте, где сейчас расположены дома № 52 – № 58 (в том числе и Толстовский Дом) по набережной Фонтанки (на «Голодуше») в 1521 году показана деревня «Novinka», на карте 1640 года превратившаяся уже в «Novinka-ode», то есть в «пустошь Новинку».

3) Далее, примерно на углу Фонтанки и Невского (между Графским переулком и Невским) в 1500 году показана была «Пустошь Обозовщина на Голодуше», сохранившая то же наименование «Obozovsina-ode», то есть «пустошь Обозовщина», и на картах Торинга и Элбберга 1680 и 1701 годов.³

³ Следует учитывать, что нынешняя набережная Фонтанки значительно выдвинута в русло реки и очень сильно поднята за счет подсыпок грунта в 18 и 19 веках. Склон коренного берега Фонтанки в районе Толстовского Дома начинается примерно от улицы Рубинштейна. Урез воды проходил примерно в районе перемычки третьего двора со стороны Фонтанки и центрального двора. Таким образом, деревни, расположенные на берегу Голодуши, были очень сильно отодвинуты от нынешней красной линии домов на набережной Фонтанки. Кроме того, берег был очень извилистый. (Автор-составитель).

А. Ф. Векслер
Т. Я. Крашенинникова

ИЗ ИСТОРИИ ДОМОВОГО МЕСТА

Гуляя по дворам Толстовского Дома и любуясь красотой северного модерна, невольно задумываешься, а каким было далекое прошлое этого места, что ныне числится по набережной реки Фонтанки, дом 54.

Не простая судьба была у этой реки.

Примерно к 1719 году приобрела она имя Фонтанной реки (речки), которое получила от фонтанных труб, что были протянуты над ней и вели воду от Лиговского канала (засыпанного в 1890-х годах) к фонтанам Летнего сада. На момент строительства первого моста через Безымянный Ерик ширина водной преграды составляла около 200 метров, но по мере освоения мелководий для строительства ее ширина существенно уменьшилась. В 1743–1752 она была расчищена и укреплена деревянной набережной.

Время правления императрицы Екатерины II было отмечено массовой реконструкцией уже созданных ранее городских и пригородных комплексов. По идеям разработанного генерального плана А. В. Квасова весь город должен был приобрести качества единого градостроительного ансамбля небывалого размаха. Такого масштабного подхода еще не было во всем западноевропейском градостроительстве. В эти десятилетия неблагоустроенные берега рек и каналов стали преобразовываться в уникальные по красоте и гармонии ансамбли. В рамках этой «градостроительной программы» велись работы на набережных Невы, Фонтанки, Мойки, завершалась прокладка Екатерининского и Крюкова каналов, создавались неповторимые гранитные набережные с арочными и цепными мостами, украшенными чугунным ажурным литьем. Специально формировались новые для европейской архитектуры типы ансамблей – ансамбли набережных, мостов в единстве с водными гладами. В 1780–1789 годах берега реки Фонтанки были одеты в гранит. Плавные спуски к воде и каскад мостов превратили протоку с заболоченными и заросшими берегами в красивейшую водную магистраль города.

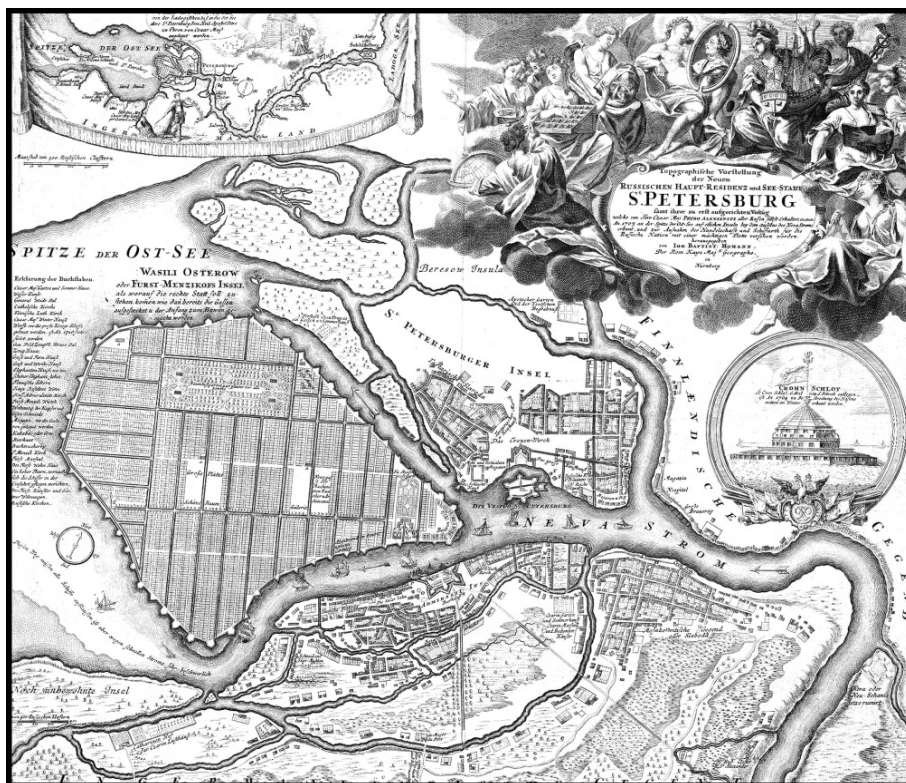
Если рассматривать карты города в период 1717–1721 годов, то увидим только лес и редкие строения вдоль реки Фонтанки. Это были разбросанные отдельные усадьбы.

За Фонтанкой находилась Московская сторона. В стоявших на берегах Фонтанки лесах укрывались разбойники, нападавшие на прохожих и проезжих.

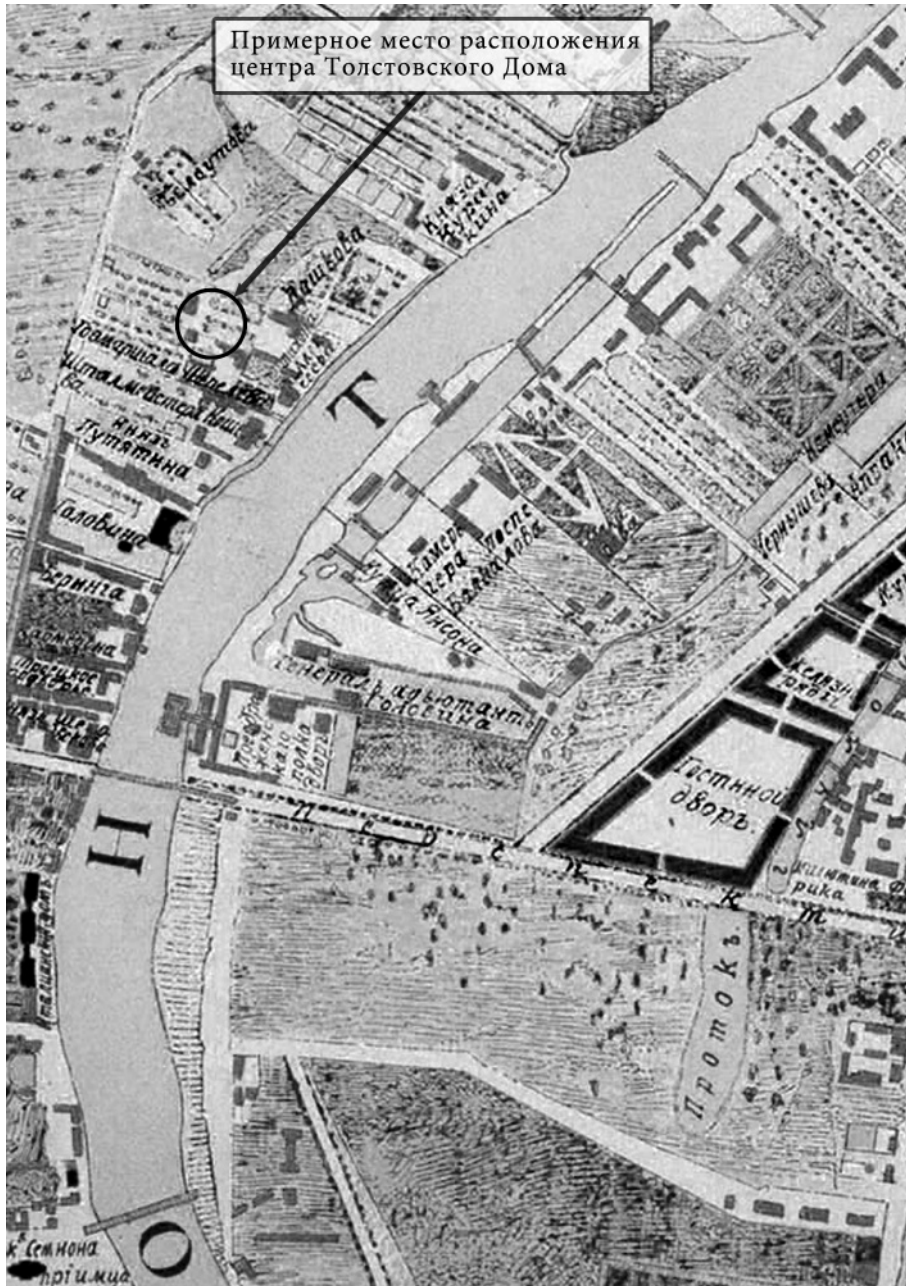
На Аничковом мосту был шлагбаум, а рядом, на берегу Фонтанки, находился Караульный дом. Здесь, у городской заставы, каждый, кто въезжал в столицу или покидал ее, должен был предъявить документы и уплатить пошлину.

Во второй половине XVIII века, в связи с дальнейшим ростом территории Петербурга, Фонтанка вошла в черту города. Несмотря на то, что в 1760-е – 1980-е годы городской чертой стал Обводный канал, Фонтанка осталась границей парадной застройки Петербурга.

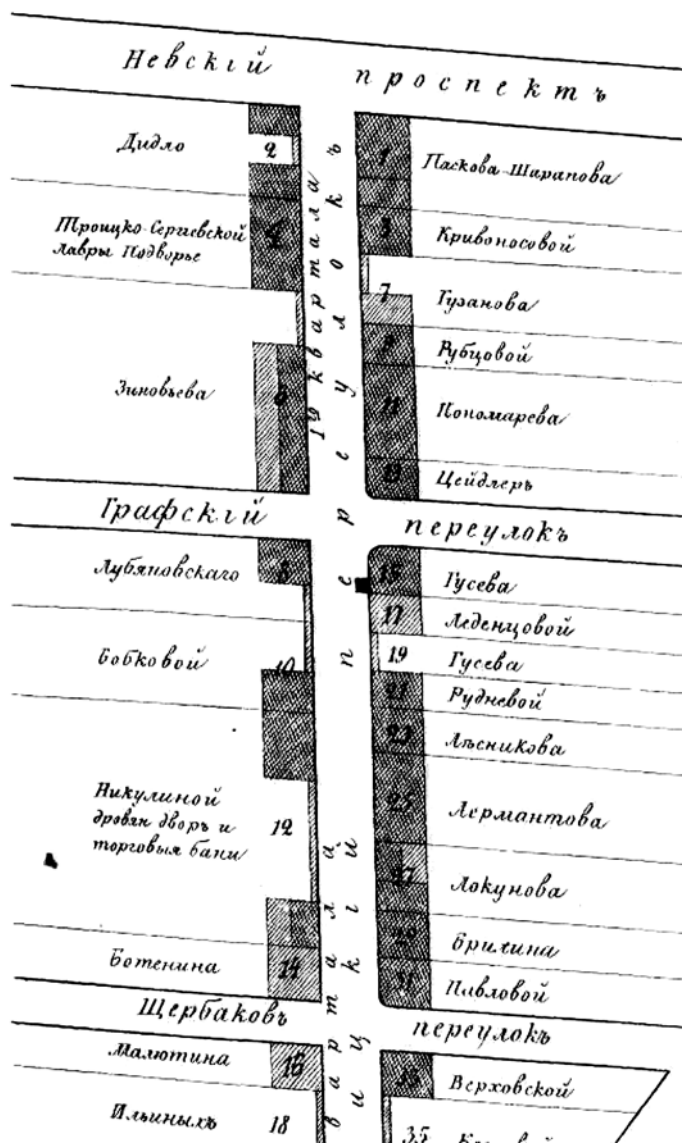
С 1738 года началось активное выделение дач знатным особам, застройка которых хорошо видна на плане Трускотта, выполненном в 1753 году. Строительство вдоль реки велось в основном по «образцовым» проектам, разработанным Д. Трезини. Некоторые усадьбы имели гавани. Сквозного проезда по берегам тогда не существовало.

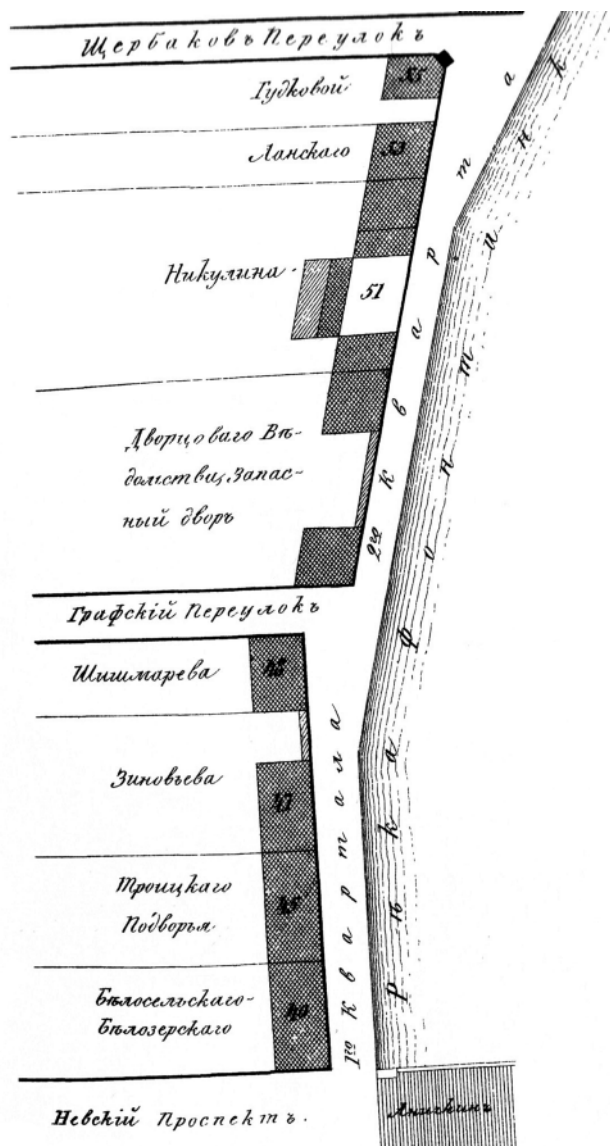
Карта Санкт-Петербурга 1738 года

Карта 1753 roga

Домовое место Толстовского Дома со стороны Троицкого переулка (ныне ул. Рубинштейна) – № 12 (Никулиной).
Н. Цылов «Атлас тринадцати частей Санкт-Петербурга» 1849 года. Московская часть.

Домовое место Толстовского Дома со стороны набережной Фонтанки – № 51 (Никулина).
Н. Цылов «Атлас тринадцати частей Санкт-Петербурга» 1849 года. Московская часть.

От Невского проспекта по левому берегу Фонтанки выстроены гачи Беринга, Головина, Утятина, Кошелева, Дашковых, Куракина и др. Отсутствие документальных данных о владельцах данного участка в 18 веке не позволяет с точностью указать расположение будущего Толстовского Дома.

Застройка участков в большей части представлена небольшими усадебными домами. Со временем, знать перебравшись в элитные районы Петербурга, а их усадьбы перешли в руки среднего слоя – мещан, купцов.

Обратившись к «Атласу тринадцати частей Санкт-Петербурга» Н. Цылова, составленного в 1849 году, видно, что на месте будущего Толстовского Дома (по Цылову дом № 51) находилась усадьба купца Василия Тимофеевича Никулина, наследника своей матери, владелицы этой усадьбы с 1822 года. Ширина участка вдоль красной линии улицы составила 47 саженей, это чуть более ста метров. Общая площадь участка около четырех с половиной тысяч квадратных саженей. Со стороны набережной построено четыре дома. По левой стороне трехэтажный дом, в глубине двора четырехэтажный дом, в котором нижние этажи каменные, а верхние деревянные. Завершали красную линию по набережной реки два небольших двухэтажных каменных флигеля. В чердачном помещении – прачечная, в подвалах – съестные мелочные лавки.

За домами достаточно хаотично расположены ледники, сараи, конюшня, сеновалы, остальная земля занята садами и огородами. На участке, выходящем на Троицкую (Рубинштейна) улицу, числился дворовой двор и торговые бани третьей категории.

В 1860 году все имущество В. И. Никулина продано жене титулярного советника Марии Федоровне Руадзе. Мария Федоровна через год выстроила новый каменный дом в четыре этажа на нижних подвалах, крытый железом, с тремя выступами для соединения с нагворным флигелем. На первом этаже четырехэтажного дома размещаются мелочные лавки и в центре магазин на два света с большим входом со сводами и тремя дверями. Домовладельцы занимают две квартиры по двенадцать комнат на втором и третьем этажах и небольшую – на шесть стоил конюшню.

Строительство и содержание домов требовало больших денег. Взятая в Петербургском кредитном обществе ссуда ушла на строительство новых зданий, и, когда задолженность по ссуде достигла 190 тысяч рублей, госпожа Руадзе взяла в долг эту сумму у несовершеннолетней дворянки Саломеи Агафоновны Акимовой. О чем свидетельствует ее заявление в Санкт-Петербургское кредитное Общество от 30 июля 1863 года:

«Я, нижеподписавшаяся, состою должной дочери дворянина девице Саломее Агафоновой Акимовой 190.000 руб., каковая сумма занята мной под залог моих каменных домов, находящихся в СПб, Московской части 2-го квартала по наб. Фонтанки под № 52 и 54 и по Троицкому пер., 15, 17 и 19, которые после

того разделены мной на четыре участка под №№1, 2, 3 и 4. Ныне, желая на основании Выс. Утвержденного Устава СПб гор. кредитного общества, означенного дома моего три участка, а именно 1, 2 и 3-й заложить в Обществе».

Но, спустя небольшое время, второй и третий участки, на которых стояли бани, вновь объединили в один. Такая практика дробления, а затем укрупнения участков была очень распространена у домовладельцев в те времена. И чаще всего это делалось для того, чтобы разделить крупный долг по выплате ссуды на более мелкие выплаты. То же самое произошло с М. Ф. Руадзе. При этом первый участок, выходящий на набережную реки Фонтанки, занимал 1759 квадратных сажен, второй – 904 квадратных сажен и третий по Троицкой улице – 1872 квадратных сажен.

При оценке имущества 21 сентября 1863 года архитектор Н. И. Климов сообщал, что *«имущество заключается в двух каменных трехэтажных домах с таковыми же четырьмя флигелями во дворе, из коих: два по три этажа – один из них с надстройкой части четвертого этажа и один в два этажа; каменных банях, состоящих из трех корпусов, и земля, числящаяся в участке третьем под банями, флигелем и двором 1872 кв. саж. На 3-м участке, выходящем на Троицкий переулок, внутри двора, стояли торговые 15-копеечные мужская, женская и нумерные бани содержателя Александра Васильева. Бани состояли из различных каменных отделений в один этаж, старой постройки. Паровой машины при водокачке не имеется, а вода поднимается лошадиной силой».*

Как всегда при оценке архитектор скрупулезно описывает все, что видит. Далее он представляет опись имущества, находящегося в банях госпожи Руадзе: *«большой медный котел, 18 тазов, 18 шаек, 3 ведра. В сторожке – икона Спасителя, 1 лампа висючая. От котла во все краны проведены медные трубы».*

Дела лучше не пошли, и имущество в 1868 году с публичных торгов продано юной кредиторше Саломее, а после ее замужества княгине Саломее Агафоновне Эристой. Сделку засвидетельствовал нотариус Ратьков-Рожнов Алексей Александрович:

«Выдана купчая жене поручика л.-гв. Гусарского полка княгине Саломее Агафоновне Эристой – на купленные ею с публичных торгов в СПб окружном суде 12.10.1868 каменные дома, называемые участками 1, 2 и 3, принадлежавших Руадзе».

В 1870 году эту усадьбу приобрел действительный статский советник Густав Иванович Франк. По его духовному завещанию и вводному листу от 27.07.1880 года имущество перешло во владение его сына Федора Густавовича Франка, гвардии полковника Виктора Густавовича Франка, доктора Германа Андреевича Донберга, баронессы Елизаветы Густавовны Ливен, баронессы Лидии Густавовны фон дер Брюгген и дочери действительного статского советника Марии Густавовны Франк.

В 1889 году наследники Г. И. Франка продали имущество жене генерал-адъютанта графине Екатерине Леонидовне Игнатъевой. Графиня вместе со своим мужем, дипломатом и государственным деятелем графом Николаем Павловичем Игнатъевым, имели в своем владении в Санкт-Петербурге около десятка домов. Граф Н. П. Игнатъев, оставив дипломатическую деятельность, проявил себя на посту министра государственных имуществ и министра внутренних дел. В своих воспоминаниях Алексей Алексеевич Игнатъев, племянник Николая Павловича, пишет:

«Когда-то Николай Павлович Игнатъев был гордостью семьи, а закончил он жизнь полунищим, разорившись на своих фантастических финансовых авантюрах».

После смерти мужа графиня Е. А. Игнатъева, в конце 1909 года, продала свое большое имение по набережной реки Фонтанки (ныне дома 52 и 54) генерал-майору графу Михаилу Павловичу Толстому. Граф М. П. Толстой пригласил ведущего архитектора Петербурга Ф. И. Лигваля и вручил в его руки свою мечту о прекрасном доме.

С 1913 года по 1918 год новый дом принадлежит вдове генерал-майора графине Ольге Александровне Толстой. Управляющим по дому был Александр Леопольдович Коль. Сама графиня Толстая О. А. проживала в это время на Моховой ул., дом 29 и занимала пост председательницы Комитета питательно-перевозочного отряда им. Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны.

Итак, пройдя через века этот участок земли по набережной реки Фонтанки от заболоченного участка, заливаемого водами Безымянного Ерика при наводнениях, трудом многих поколений превратился в прекрасный архитектурный памятник.

Литература

ЦГИА СПб. Ф.513. Оп.102. Д.5313. 52 л. 1847-1913 года.

ЦГИА СПб. Ф.515. Оп.1. Д.852, 852 «б». 1863-1917 года.

ЦГИА СПб. Ф.515. Оп.1. Д. 853 «а».

План столичного города СПб 1753 года с изображением знатнейших одного проспектов. СПб.: «Альфареет», 2007.

Цылов Н. Атлас тринадцати частей Санкт-Петербурга. М.: «Центрополиграф», 2003. – С.104, 109.

Игнатъев А. А. 50 лет в строю. М.: Воениздат, 1986. С. 8

Планы Санкт-Петербурга 1698 года, 1717-1721 года, 1725-1729 года, 1738 год.

Сорокин П. Е. О системе расселения в Приневье в допетровское время // Сельская Русь в IX–XVI вв. М.: 2008. – С. 351–362.

Весь Петербург: 1896 – 1910 годы.

М. Н. Колотило

Фонтанка возле Толстовского Дома

Александр Бенуа в 1922 году писал во вступительной статье к альбому Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой:

«У Невы два подвластных речных божества – Мойка и Фонтанка. Остроумова пожелала рядом с серией литографий, посвященных самой «богине» (Неве), посвятить также три листа красотам и этих «нимф».

... Фонтанку она нарисовала дважды – один раз у самого ее верховья, там, где она рождается в сумраке арки «Прачешного моста», рядом с летним домиком Петра; другой раз при подходе к Чернышеву мосту, в том месте, где по ее берегам

На фотографии (1912 год, К.Булла) видно, что слева от Толстовского Дома – четырехэтажный дом, а справа трехэтажный дом на месте нынешнего дома № 56

Анна Петровна Остроумова-Лебедева.
Петербург. Фонтанка.
1922 год. Автолитография. Авторская подкраска акварелью.

столько уютных старинных домов и где Петербург моментами особенно напоминает Венецию»¹.

Если посмотреть на автолитографию Остроумовой-Лебедевой, то видно, что Толстовский Дом возвышается над соседним 52 домом гораздо больше, чем сейчас. Было четыре этажа, а сейчас – пять. Кроме того, 50-й дом частично четырехэтажный, а частично – трех. Ныне он надстроен до пяти этажей, как и 52-й. Перед Толстовским Домом, на набережной Фонтанки, там, где сейчас поток машин, растут деревья. Вдоль набережной – баржи с дровами и живорыбные садки, хотя в 1922 году они, скорее всего, уже не функционировали.

¹ Бенуа А. Н. Вступительная статья к альбому / Остроумова-Лебедева А. П. Петербург. СПб., 1922.

Мая Миланова

(Болгария, парк-музей «Шипка – Бузлуджа»)

ГРАФ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ ТОЛСТОЙ – ГЕРОЙ ОБОРОНЫ ШИПКИ

Взгляд из Болгарии

14-го июня 1877 года, после объявления Русско-турецкой войны, главнокомандующий Действующей русской армии Великий князь Николай Николаевич подписывает приказ¹ 94 о назначении полковника графа Михаила Павловича Толстого командиром 3-ей ополченской бригады, в которую вошли 5-я и 6-я дружины Болгарского ополчения.

29-го июня начальник ополчения генерал-майор Н. Г. Столетов назначает полковника Толстого командиром 1-й ополченской бригады вместо назначенного командиром Сборной бригады Д. Н. Корсакова. При этом Толстой остается командиром Третьей бригады до окончания войны.

19-го июля, в бою под Старой Загорой, когда ополченским дружинам приходится отбивать многочисленные атаки противника, полковник Толстой командует участком левого фланга русской позиции. В бою сражаются 1-я и 3-я дружины, которым было доверено удерживать участок, так как за их спиной перевал, т.е. путь к отступлению. В самый критический момент полковник Толстой приказывает идти в контратаку и 1-я ополченская дружина смело идет вперед. Под звуки любимой болгарской песни «Вперед, вперед, идемте в бой» дружина отбрасывает противника. Когда отступление все же становится неизбежным, весь левый фланг отходит с большими трудностями. Несмотря на то, что использован момент ослабления турецких атак, 3-я дружина сильно обескровлена, потерпела большие потери и осталась без командира. Полковник Толстой пытается использовать 1-ю дружину как прикрытие 3-й дружины, но это оказалось тоже очень трудно, так как 1-я дружина осталась в этот момент без патронов.

После боев под Старой Загорой и безуспешных попыток овладеть Плевной, русская армия была вынуждена перейти к оборонительным действиям. На этом этапе войны особенно важной оказывается оборона уже занятых горных перевалов через Балканы, чтобы остановить турок на их пути в Северную Болгарию.

В конце июля и начале августа генерал Радецкий оставляет немногочисленный отряд, включающий в свой состав пять ополченских дружин, 36 пехотный

Портрет М. П. Толстого

Орловский полк, Казачью сотню и другие формирования, общей численностью 4368 человек при 27 орудиях.

31 июля командир ополчения генерал Столетов телеграфирует генералу Раецкому уведомление, что вынужден послать полковника Толстого в штабы VIII корпуса и Главного командования с просьбой заменить ополченцев Орловским полком, так как они находятся в бедственном положении. Вместе с этим полковнику Толстому было приказано заботиться о продовольствии ополченских дружин, сражавшихся на Шипке.

9 августа на Шипке начинаются бои. Число защитников в это время – 5 500 солдат и офицеров, а с приходом Брянского полка их уже 7 500 человек. По сравнению с противником это крайне недостаточно. Учитывая малочисленность русско-болгарского отряда генерал Столетов был вынужден организовать оборону, на обеих сторонах старой дороги в Габрово, при котором получились две позиции -Передовая и Главная. На Передовой позиции были расположены 36-ой Орловский полк, 1-я и 4-я ополченские дружины и три батареи – Большая, Малая и Стальная. Начальником позиции был назначен полковник Толстой. Именно полковник Толстой командует и распределяет защитников, отражающих атаки противника, пытающегося овладеть горой Святого Николая. Когда Шакир-паша сосредоточивает основную часть своей колонны против Стальной батареи, а другую на юго-восток, полковник Толстой оказывается подготовленным к этому, так как до этого его резерв был уже на позиции, при которой получилась двойная огневая линия.. Тем самым неуспех турецких атак на этом участке позиции был предрешен.

Ф. Ф. Депрерагович, начальник правого фланга и тыла Главной позиции, в своих *«Воспоминаниях о Русско-турецкой войне 1877-78 годов»* пишет о полковнике Толстом: *“В 6 часов утра, после отбития ряд атак, наступило краткое затишье. С горы Николая на лошади к нам прибыл Толстой и поговорив со Столетовым и Кренке опять отправился туда. А в бою он настоящий герой”*.

10 августа, когда обе стороны готовятся к решительному сражению на следующий день, русские позиции находятся под артиллерийским обстрелом.. Полковник Толстой внимательно следит за действиями турецкой артиллерии и из-за недостатка снарядов на Стальной батарее, приказывает не стрелять, когда не стреляют турки.

11 августа – важнейший день в ходе боев за Шипку. Это день, когда решается не только судьба Шипкинского перевала, но и ход дальнейшего развития военных действий. Атаки начинаются рано утром, и для русского командования становится ясно, что турки пытаются обойти позиции с трех сторон и выйти на дорогу в Габрово. В 7 часов утра турки стали наступать с востока, где были расположены ложементы 2-й, 3-й и 5-й ополченских дружин. Полковник Толстой посылает две роты из 1-й и 4-й дружин, находящихся на Передовой позиции.

Во второй половине дня противник сосредоточивает свои силы на Главной позиции. На помощь угрожаемым участкам полковник посылает с Передовой позиции две роты 1-ой ополченской дружины полковника Кесякова, а затем и 1-ую линейную роту 35-го Брянского полка. Немного позже, увидев, что его позиция не находится под угрозой атак, полковник Толстой передает ее командование в руки майора Редкина, командира 4-ой ополченской дружины, а сам с ротой Брянского полка спешит на помощь Главной позиции. К пяти часам вечера он берет командование правого фланга и приказывает перенести артиллерийскую стрельбу на турок, занимающих конец близкой рощи, западнее позиции.

12 и 13 августа полковник Толстой опять руководит отрядом на Передовой позиции. Так как вблизи Стальной батареи, но в зоне, занятой турками, находятся скалы, позволяющие противнику обстреливать позиции с близкого расстояния полк. Толстой отправляет туда добровольцев. В кровавом бою стали помогать солдатам камни, гранаты, изготовленные поручиком Киснемским и гранаты турецкого горного орудия. Кроме того полк. Толстой отправляет 30 добровольцев-ополченцев 4-ой дружины и стрельцов 13-ого стрелкового батальона прогнать неприятеля до водоисточника.

После шестидневных боев ополченские дружины, без четвертой, ввиду больших потерь были отведены на заслуженный отдых в районе деревни Зелено Дырво, у Габрово. Их заменили прибывшие русские полки 14-ой пехотной дивизии.

17-ого августа полковник Духонин, командир 55 пехотного Подольского полка, принимает командование Передовой позиции от полковника Толстого, который остается на Шипке, рядом с 4-ой дружиной.

5-го сентября Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич награждает полковника Толстого орденом «Св. Георгия» 4-й степени за его участие в обороне Шипки., где его талант организатора и руководителя проявляется в большей степени.

За проявленную им храбрость в боях за Стару Загору 19 июля 1877 года, полковник Толстой 17 сентября был награжден Золотым оружием с надписью "За храбрость".

Интересна характеристика офицеров благородного происхождения, участников Шипкинской эпопеи, данная полковником Депрераговичем в его вышеупомянутых воспоминаниях: *«...с особым респектом относился всегда я к таким личностям как Мещерский (флигель-адъютант полковник князь Мещерский Э. Н. из 14-ой артиллерийской Бригады, командир Большой батареи, павший на Шипке 5-го сентября 1877 года), как и к моим друзьям по службе – флигель-адъютанту графу Толстому и князю Вяземскому. Жизнь дорога каждому, но она еще милее тому, у которого есть "имя", прекрасное положение в настоящем, блестящее будущее и при том и средства пользоваться всем этим. И как раз именно эти люди предпочитают стать рядом с армейскими офицерами и проявить свою действительно безупречную храбрость».*

3-го октября, когда русское командование решило включить дружины Второй линии Болгарского ополчения в уже существующие ополченские бригады, полковник Толстой вновь становится командиром 3-й бригады, в которую, кроме 5-й и 6-й дружин были включены еще и 11-я и 12-я дружины. До этого полковник Толстой был отправлен генералом Столетовым в Свиштов, чтобы набрать добровольцев для этих дружин.

В результате принятого решения перейти Балканы, отряд генерала Радецкого начинает подготовку к боям с турецкой армией на перевале и под Шипка-Шейновым. Отряд разделен на три колонны – Центральная, Правая и Левая. Семь из восьми ополченских дружин, находящихся в распоряжении генерала Столетова, включены в Правую – Химитлийскую колонну генерала Скобелева.

23 декабря генерал Столетов издает приказ о том, что во время движения колонны, когда сам он будет являться командиром авангарда этой колонны, полковник Толстой должен быть командиром остальных дружин.

28 декабря, согласно приказу генерала Скобелева об атаке на Шейновский лагерь, полковник Толстой был назначен командиром штурмового отряда, в который входили 9-й и 11-й стрелковые батальоны и сборный батальон 63-го пехотного Углицкого полка. Штурмовой отряд должен был осуществить первую атаку на укрепленный лагерь противника с запада. В резерве остаются 5-я и 6-я ополченские дружины. Во время наступления полковник Толстой получает ранение, но остается в строю. Командование переходит в руки полковника Панютина, командира Углицкого полка. За участие в боях под Шейновым полковник Толстой представлен к присуждению очередного воинского звания.

Кроме уже упомянутых наград, полковник Толстой награжден орденами «Св. Станислава» 3-й и 2-й степени и «Св. Анны» 3-й и 2-й степени. Последняя его награда – опять за участие в обороне перевала Шипка в августе 1877 года – орден «Св. Владимира» 4-й степени с лентой и мечами.

После капитуляции Шейновского укрепленного лагеря, ополченским дружинам было приказано продвинуться к району действий 4-го армейского корпуса, находящегося на левом фланге наступающей на Одрин и Царьград русской армии. Полковник Толстой в это время неотлучно находился со своими пятой и шестой ополченскими дружинами.

Последнее известное документальное сведение о полковнике Толстом в Болгарии – от 25-го января 1878 года, когда он и Болгарское ополчение находятся в городе Котел.

Примечание: все даты в сообщении указаны по старому стилю.

Мая Миланова

(Болгария, парк-музей «Шипка - Бузлуджа»)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК-МУЗЕЙ «ШИПКА-БУЗЛУДЖА»

Национальный парк-музей «Шипка - Бузлуджа» один из немногих музеев под открытым небом. Он связан с одними из самых важных и эпических событий болгарской истории. Музей расположен на месте военных действий и охватывает район исторических мест обороны Шипкинского перевала во время Русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Музей представляет собой комплекс памятников, позиций, батарей и землянок, самый величественный среди которых «Памятник свободы» на вершине Шипке.

В последние пять десятилетий осуществлены ряд реставрационных и восстановительных работ. В 1969 году вблизи «Памятника свободы» был зажжен Вечный огонь, а в 1977 построена новая лестница, ведущая к «Памятнику свободы». Был восстановлен командный пункт генерала Столетова и земляные укрепления. Таким образом вершина и окружающие ее места, связанные с обороной перевала, превращаются в мемориальный комплекс, который каждый год посещают десятки тысяч болгар и иностранцев.

Большинство памятников воздвигнуто сразу после войны, а остальные в первые годы после нее. Первые русские памятники сооружены в 1878-1881 годах, а первые болгарские – в 1910 году павшим солдатам 3 и 5 ополченских дружин. По всему Шипкинскому перевалу 26 памятников. Некоторые из них расположены на труднодоступных местах, в стороне от турмаршрутов, другие известны по всей Болгарии.

Признательность болгарского народа к подвигу защитников перевала (русских и болгар), наиболее ярко выражается в величественном «Памятнике свободы», гордо возвышающемся на самой Шипке.

Памятник воздвигнут на добровольные пожертвования болгарского народа по проекту архитектора Донкова и скульптора Александра Андreeва. Его торжественное открытие состоялось 26 августа 1934 года.

Памятник имеет форму болгарской башни периода средних веков, высотой 31,5 метров, к которой ведут 890 ступеней. Над центральным северным входом бронзовый лев – символ болгарской державности. На трех стенах надписи «Шипка», «Шейново» и «Стара Загора» – места битв, напоминающих о подвиге болгарских ополченцев.

Экспозиция, расположенная на остальных этажах памятника раскрывает героизм русских и болгар в пятимесячной обороне перевала. В витринах богатая коллекция личных вещей участников боев, ордена и медали, фотографии, документы, картины, оружие, копия Самарского знамени (первого боевого знамени Болгарского ополчения). С последней площадки открывается панорама восстановленных батарей и ложементов, позиций, памятников и братских могил, сохранивших воспоминание о подвиге и самопожертвовании шипкинских героев.

Особое место в истории Шипкинских боев, да и в экспозиции музея, занимает командир Передовой позиции полковник граф Михаил Павлович Толстой. На площадке, посвященной Шипкинским сражениям в августе 1877 года находится большой портрет графа рядом с портретом полковника А. О. Липинского, командира Главной оборонительной позиции. Портреты созданы к столетней годовщине боев (в 1977- 1978 годах) болгарским художником Борисом Неновым.

Национальный парк-музей «Шипка» ежегодно посещают почти сто тысяч гостей разных стран и национальностей. Большая часть из них болгарские и русские туристы. В Памятнике посетители знакомятся с историей драматических событий, с экспонатами, слушают лекции о подвигах шипкинских защитников, узнают их имена.

Среди них особым уважением пользуется имя героя Шипки – полковника графа Михаила Павловича Толстого.

М. Н. Колотило

ПАМЯТНИК ГЕРОЮ БОЛГАРИИ

Идея памятника графу Михаилу Толстому в центральном дворе Толстовского Дома

В 2011 году родилась идея создать памятник графу Михаилу Павловичу Толстому в центральном дворе Толстовского дома. Эту идею горячо поддержал Владимир Ильич Толстой – генеральный директор Музея-усадьбы Л. Н. Толстого

Памятник Свободе на Шипкинском перевале.
По его образу и подобию предлагается
создать небольшой памятник
графу Михаилу Павловичу Толстому в
центральном дворе Толстовского Дома

«Ясная Поляна». К нему присоединился Национальный парк-музей «Шипка-Бузлуджа» (Болгария). Памятник генерал-майору графу М. П. Толстому предлагается создать в виде уменьшенной стилизованной копии Памятника Свободы на Шипкинском перевале, который должен хорошо гармонировать с архитектурой Толстовского Дома. На гранях памятника должны быть названия мест, в сражениях за которые участвовал Михаил Павлович и названия боевых наград, полученных им за эти сражения.

К сожалению, ни губернатор Санкт-Петербурга, ни городская администрация пока никак не отреагировали на эту идею.

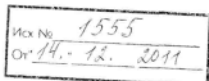
Пользуясь случаем, прошу поддержать идею создания памятника и писать письма в поддержку этой инициативы на имя губернатора Санкт-Петербурга.

МУЗЕЙ-УСАДЬБА А. Н. ТОЛСТОГО

Ясная Поляна

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ
И ПРИРОДНЫЙ ЗАПОВЕДНИК

Губернатору Санкт-Петербурга

Г.С. Полтавченко

Многоуважаемый Георгий Сергеевич!

В 2012 году исполняется сто лет одному из красивейших и известных домов Санкт-Петербурга, всемирно известному Толстовскому дому, построенному по заказу генерал-майора графа Михаила Павловича Толстого.

В этом же году исполнится 135 лет со дня совместных сражений русского и болгарского народов против иноземных захватчиков на Шипкинском перевале. Одним из наиболее почитаемых героев этого сражения является генерал-майор граф Михаил Павлович Толстой.

Убедительно просим Вас в преддверии вышеуказанных памятных дат рассмотреть возможность установки памятника генерал-майору графу Михаилу Павловичу Толстому в центральном дворе Толстовского дома.

Идея памятника родилась во время совместных исторических поисков музея «Ясная Поляна» и председателя ТСЖ «Толстовский дом» искусствоведа Марины Колотило (автора книги «Толстовский дом. Люди и судьбы», которая стала лауреатом историко-литературной премии Святого Благоверного князя Александра Невского).

Памятник М.П.Толстому предлагаем исполнить в виде уменьшенной копии Памятника свободы на Шипкинском перевале, который должен хорошо сочетаться с архитектурой Толстовского дома и напоминать о славных исторических деяниях одного из достойнейших жителей Санкт-Петербурга.

С уважением,

Директор Музея-усадьбы

Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»

В.И.Толстой

Россия, 301214, Тульская обл., Шекснинский р-н, п/о Ясная Поляна
тел.: (4872) 23-98-32; 23-91-18; 23-03-82; тел./факс: (4872) 38-67-10; 38-67-09
e-mail: yaspol@tgc.tolstoy.ru; yaspol@tula.net

Издательский отдел: тел. (4872) 39-31-96
Отдел туризма: тел./факс (4872) 39-35-99; 47-67-12; e-mail: tour@tolstoy.ru; valeria@tolstoy.ru

Архитектор Толстовского Дома Федор Лигваль

В. Г. Лусовский

АРХИТЕКТОР ТОЛСТОВСКОГО ДОМА

Дом, построенный в 1910–1912 годах по заказу графа М. П. Толстого, спроектировал Иоган Фридрих (или Фредрик) Лигваль – швед по национальности, но русский по рождению и воспитанию; недаром коллеги и знакомые называли его Федором Ивановичем. Дом Толстого стал одним из крупнейших произведений мастера; он обозначил своего рода вершину его творческого пути, сконцентрировал в своем облике те черты, которые прекрасно характеризуют «почерк» выдающегося представителя эпохи модерна, каким был Лигваль.

По аналогии с улицей зодчего Росси, представляющего, однако, совсем иную эпоху, – замечательную анфиладу парадных дворов Толстовского Дома нередко именуют «улицей зодчего Лигваля». Творение мастера безусловно заслужило такое наименование. Но оно кажется не совсем точным: ведь внутриквартальное пространство Толстовского Дома – это, скорее, не улица, скованная по сторонам непрерывными рядами строений, а именно пространство – живое, развивающееся, многоплановое, дающее возможность при перемещении по нему получить массу разнообразных, сменяющих друг друга впечатлений. В расчете на создание таких впечатлений и проектировалось это пространство. Оно действительно представляет собою анфиладу, включающую несколько дворов, словно нанизанных на одну ось, слегка изгибающуюся и проходящую от одного уличного фасада до другого. Благодаря ее изгибу в гигантский «интерьер» дома как раз и вносится ощущение живости словно самостоятельно существующего организма. Соединяемые (и вместе с тем разделяемые) громадными арками, двory как будто передают друг другу некую эстафету, ненавязчиво, но неуклонно направляя движение человека, радуя его взор последовательно раскрывающимися панорамами и деталями. Анфиладность созданной Лигвалем системы – это композиционный прием, свойственный преимущественно дворцовому строительству; он нацелен на то, чтобы привести в архитектурное решение настроение торжественности и грандиозности. Вряд ли можно оспорить мнение о том, что и двory Толстовского Дома наделены такими же свойствами.

Сказанное выше позволяет настаивать на том, что Толстовский Дом является собой не просто «улицу», а целый «город Лигваля» – тем более если учесть, что он и в самом деле состоит из нескольких многоэтажных корпусов (то есть представляет собой целый комплекс построек), а основная анфилада дворов дополняется в ее центре еще и поперечным «ответвлением». Последнее из названных звеньев общей композиции сродни тем «курдонерам» (то есть парадным дворам), которые петербургские архитекторы начала XX века неоднократно вводили в состав проектировавшихся ими крупных зданий. Федор Иванович Лигваль сделал это первым, когда в самом начале своей карьеры создавал проект еще одного «дома-комплекса» на Каменноостровском проспекте (на участке под №1-3), формально ставшего собственностью матери зодчего Иды Балтазаровны Лигваль. Стремление не просто поставить на отведенном для этого месте те или иные строения, предназначенные для выполнения определенных функций, а еще и найти способ преобразовать прилегающее пространство, внести в облик города примечательный акцент – это свойство таланта Ф. И. Лигваля обнаруживает несомненно присущую ему градостроительную жилку.

Возводить не только отдельные постройки, но и менять (конечно, к лучшему) структуру обширных территорий, решая сложные градостроительные задачи, – к такому развитию своей творческой деятельности стремится каждый архитектор, обладающий соответствующими способностями. Но далеко не каждому удается реализовать подобное стремление на практике. Особенно трудно было рассчитывать на это в условиях «строительного бума» рубежа XIX и XX столетий, когда главное требование из тех, что собственники земельных участков предъявляли авторам архитектурных проектов, заключалось в необходимости как можно плотнее застроить эти участки с целью извлечения из их эксплуатации максимального дохода. Тем самым существенно ограничивалось проявление композиционного мастерства, направленного в архитектуре прежде всего на организацию пространства; разработчики проектов непропорционально большое внимание вынуждены были уделять решению проблем, связанных с внешним украшением зданий.

Стиль модерн, утвердившийся в российской строительной практике в конце 1890-х годов, такой ситуации был принципиально враждебен. Сторонники этого направления, сформировавшегося несколько раньше в странах Западной Европы, поставили перед собой цель научиться по-настоящему «управлять» пространством, используя для этого новейшие достижения науки. Обычай опираться при решении новых задач на опыт исторических стилей, закрепившийся в архитектуре эклектики второй половины XIX века, модерном был категорически отвергнут. Между тем как раз принцип «историзма» лежал в основе системы архитектурного образования, принятой в петербургской Академии художеств, где Ф. И. Лигваль

овладевал «секретами» своей сложной профессии. Хранительница классических традиций, Академия заняла по отношению к модерну непримиримую позицию. Однако общий высокий уровень профессионализма, обеспечивавшийся академической школой, позволял наиболее способным ее воспитанникам достаточно свободно усваивать уроки модерна и даже входить в число наиболее видных представителей «нового стиля» (так часто называли модерн в России). А признанным лидером петербургского варианта модерна довелось стать именно архитектору Толстовского Дома.

Фредрик Лигваль родился в Петербурге 20 мая (1 июня по новому стилю) 1870 года в семье «портных дел мастера» Иогана Петера Лигваля, приехавшего в Россию из Швеции в 1859 году и сумевшего сделать здесь прекрасную деловую карьеру: он стал одним из официальных «поставщиков Двора Его Императорского Величества». Мать будущего архитектора Ида Амалия урожденная Фельшау была шведкой, но родилась она в Петербурге. С городом на Неве и его культурой Федор Лигваль, таким образом, оказался связанным органически. И не удивительно, что «петербургский характер» проявился в творчестве мастера столь же явственно, что и шведские интонации: благородная сдержанность и, если можно так выразиться, особая интеллигентность, присущие зданиям, построенным по проектам Лигваля, позволяют им, отнюдь не утрачивая своеобразие, хорошо сочетаться с классическим Петербургом.

Художественные способности юного Лигваля выявились, по всей вероятности, рано, и это предопределило его дальнейший путь. В 1882–1888 годах он учился во 2-м петербургском реальном училище, затем в течение года посещал занятия в Центральном училище технического рисования барона Штиглица, а в 1890 году поступил на архитектурное отделение Академии художеств. На годы пребывания Федора Ивановича в этом прославленном учебном заведении пришлось очередная реформа принятой в нем системы обучения, результатом чего стало образование при Академии Высшего художественного училища с мастерскими под индивидуальным руководством ведущих педагогов. В таких мастерских воспитанники училища должны были заканчивать курс разработкой «выпускной программы» – то есть итогового учебного проекта, называемого в наше время дипломным. Ф. И. Лигваль выбрал своим руководителем Леонтия Николаевича Бенуа – крупного мастера-практика и превосходного знатока исторических стилей, обладавшего солидным опытом педагогической работы. Из академической мастерской Л. Н. Бенуа Ф. И. Лигваль и был выпущен осенью 1896 года со званием художника архитектуры (или художника-архитектора).

Поработав после этого некоторое время под руководством своего учителя в его проектной мастерской, Лигваль приступил к самостоятельной строительной практике. Первое же его крупное произведение – дом-комплекс на Каменноостровском проспекте, возводившийся с 1899 по 1904 год, – принесло

молодому архитектору широкую известность и признание коллег. Пространственным ядром несимметричной по планировке группы корпусов архитектор сделал озелененный парадный двор, раскрытый к проспекту. Благодаря его созданию существенно повысился уровень благоустройства как всего участка в целом, так и расположившихся здесь квартир. Но при этом сократилась, конечно, плотность застройки, что сделало неизбежным и уменьшение прибыли, получаемой от сдачи в наем дорогого жилья. Однако, поскольку молодой мастер проектировал фактически для себя, он пошел на финансовые потери ради повышения качества градостроительного решения, открывшего к тому же дополнительные возможности для достижения заметного художественного эффекта.

Расчлененности внутриквартального пространства в данном случае хорошо отвечает динамичная компоновка асимметричных архитектурных масс, разнообразная «графика» фасадов, их усложненная пластика. Мастер виртуозно использовал свойства естественного камня и цементной штукатурки, примененных в качестве облицовки кирпичных стен. В контрастную «игру» фактур облицовочных материалов вовлечены и металлические элементы конструкции, оставленные открытыми глазу. Исключительно интересны немногочисленные, но очень эффектно выполненные декоративные детали, подчеркивающие «северный» характер созданного зодчим архитектурного образа. Комплекс на Каменноостровском проспекте явился первым в Петербурге образцом «северного модерна», убедительно показавшим, что Лигваль способен решать достаточно сложные градостроительные задачи не только рационально, но и художественно выразительно.

«Северным модерном» принято называть такую разновидность общеевропейского стиля, которая получила распространение в странах северной и отчасти восточной Европы, включая Петербург. В «северном модерне» нашли определенное отражение черты традиционной культуры этого региона, сохранившие, в частности, тесную связь с национальным эпосом и народным искусством. Выявлению «северной» специфики в большой мере способствовал материал – камень местных пород, а кроме того, и дерево, широко использовавшееся в загородных постройках. Региональные особенности, выражавшиеся через материал, а также при помощи характерных деталей и форм, «вплетались» в типичную для модерна сложную и подвижную пространственную систему, придавая романтический оттенок возникавшим в результате произведениям. Появление романтического настроения, окрашенного в ностальгические тона, почти неизбежно сопровождало творческие поиски, шедшие в подобном направлении. Недаром в Финляндии и Швеции в качестве названия для обозначения этого круга архитектурных работ утвердилось название «национальный романтизм». Его шведские сторонники нередко подчеркивали

сходство своих построек с историческими сооружениями, из которых олицетворением самой сути национальной культуры чаще всего признавался старинные замки с их могучими, максимально обобщенными и «непроницаемыми» формами.

В своих работах 1900-х годов Ф. И. Лигваль, продолжая линию «северного модерна», оказывался ближе то к аналогичным образцам финской архитектуры (как, например, в композиции дома Мельцера, стоящего на углу Большой Конюшенной улицы и Волынского переулка), то к произведениям мастеров Швеции, выполненным в духе национального романтизма. По понятным причинам шведская основа достаточно определенно выявлена в облике доходного дома Шведской церкви Св. Екатерины на Малой Конюшенной улице (дом № 3). Сходные интонации можно ощутить и в композиции очень выразительного по пластике дома Циммермана на Каменноостровском проспекте, занимающего участок под № 61. Но уже на фасадах не только этого дома, построенного в 1906–1907 годах, но и возведенного немного раньше дома Либих на Моховой улице (№ 14) Лигваль поместил детали, ясно указывающие на их классическое происхождение. Это были знаки своего рода перерождения «нового стиля» под влиянием неуклонно набиравших силу неоклассицистических тенденций. В этом процессе Федор Иванович сыграл весьма видную роль, спроектировав первые в Петербурге сооружения, внешний облик которых свидетельствовал о решительном повороте к ретроспективизму. Ими стали здания Азовско-Донского банка (Большая Морская ул., 5) и Второго общества взаимного кредита (Садовая ул., 34), построенные в 1907–1909 годах. Их просторные операционные залы, где использованы металлические каркасные конструкции, по общему решению и отточенной графической манере в декоративной отделке еще близки стилю модерн, но представительные фасады уже открыто заявляют о своей классической природе.

Ряд проектов зданий различного назначения, созданных Ф. И. Лигвалем в начале 1910-х годов, сближает родственная трактовка крупных форм, выполненных в характере, очень близком шведскому национальному романтизму. В этом факте, вероятно, можно видеть проявление «голоса крови», желания отразить в своих произведениях и собственную этническую принадлежность. Именно к этой группе относится дом М. П. Толстого; в нее входят также гостиница «Астория», занимающая ответственное в градостроительном отношении место на Исаакиевской площади, и доходный дом Э. Нобеля на Лесном проспекте (№ 20). Всем этим сооружениям свойственны немного приглушенные, суровые интонации в образном решении, хорошо передаваемые обобщенными, скупой детализированными объемами и примененной в отделке фасадов темной камневидной штукатуркой. И во всех трех упомянутых случаях Лигваль использует в композиции приемы и формы, близкие классике – причем классике опять-таки

шведской, представленной величественными памятниками «Ваза-ренессанса» XVI века. Наиболее эффектно это сделано как раз в Толстовском Доме – в его грандиозных аркадах со сводчатыми проходами. Ведущую тему дома-комплекса на Фонтанке Ф. И. Лигваль намеревался развить в еще более крупных масштабах в композиции колоссального жилого комплекса страхового общества «Россия»; к его строительству, намеченному на участке, ограниченном Каменноостровским проспектом, улицами Лицейской (ныне Рентгена) и Архиперейской (теперь Льва Толстого), приступить так и не удалось.

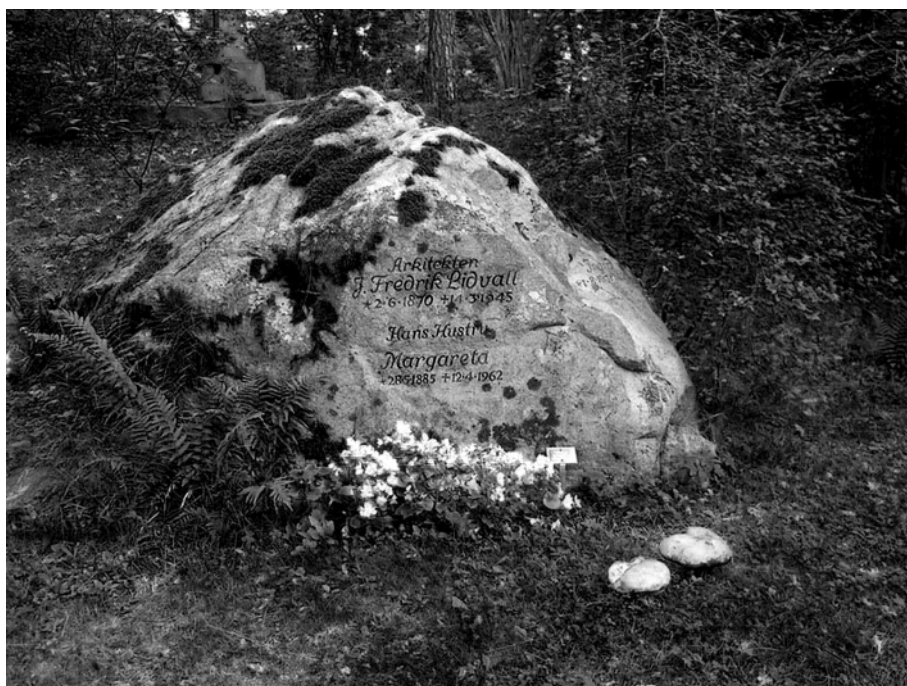
Создавая проекты крупных доходных домов и гостиницы «Астория», Ф. И. Лигваль до некоторой степени смог, надо полагать, реализовать свой потенциал мастера градостроительной темы. Еще раз прикоснуться к такой теме ему довелось накануне мировой войны, когда вместе с И. А. Фоминым – лидером петербургской неоклассики – он начал работать над проектом большого приморского района города на острове Голодай, вошедшего в историю под названием «Новый Петербург». Но и этот замысел в задуманном виде реализации не дождался. Память об участии Лигваля в этом проекте сохраняют только два однотипных дома, построенных в 1912–1914 годах при въезде с Железноводской улицы на полукруглую площадь – парадный центр запланированного ансамбля.

Вскоре после октябрьского переворота 1917 года Ф. И. Лигваль, спасая жену и троих детей от революционных потрясений, настоял на отъезде родных в Швецию; спустя некоторое время он и сам уехал на историческую родину. Впрочем, со слов дочери архитектора Ингрид известно, что он надеялся еще вернуться в Петроград с тем, чтобы продолжить работу с сотрудниками своей мастерской, располагавшейся в одном из корпусов комплекса на Каменноостровском проспекте. Однако надеждам сбыться было не суждено. Федор Иванович, превратившийся опять в Йогана Фредерика, остался жить в Швеции вплоть до кончины в 1945 году. Там, по другую сторону Балтийского моря, ему удалось продолжить архитектурную деятельность, но развивалась она далеко не так успешно, как в Петербурге. И все-таки некоторые стокгольмские здания, спроектированные при участии Федора Ивановича, благодаря ему приобрели и сохраняют до сих пор такой характер, который может живо напомнить о «петербургском почерке» мастера.

Литература.

- *Лигваль Ингрид.* Русская семейная хроника / Публикация М. Г. Талая, послесловие Б. М. Кирикова // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. М.-СПб.: «Феникс», 1993. С. 65–87.
- *Лисовский В. Г.* Мастер петербургского модерна: страницы творческой биографии Ф. И. Лигваля. // Строительство и архитектура Ленинграда. – 1980. – № 1. – С. 34–38.

- Лисовский В. Г. Федор Лигваль и его петербургские сотрудники / Шведы на берегах Невы. Сборник статей. Стокгольм: Шведский институт, 1998. С.168–176.
- [Оль А. А.] Ф. И. Лигваль. СПб, Изд. «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг», 1914. – 17 с., илл.
- ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7773. Жилой комплекс страхового общества «Россия». Неосуществленный проект Ф. И. Лигваля.

Могила Федора Лигваля в Стокгольме на Юрскольмском кладбище

Б. М. Куриков

ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ ТОЛСТОВСКОГО ДОМА

Огромный дом графа М. П. Толстого, крупнейшее сооружение Федора Лигваля¹, расположен на вытянутом сквозном участке. К набережной и к улице обращены его сдержанно элегантные, классицистически упорядоченные фасады. Они сделаны несимметричными и завершены массивными, но невыразительными мансардами. Доминантой, оптическим фокусом являются высокие трехпролетные арки, «триумфальные» по масштабу. Эти аркады открывают глубину участка, где разворачивается неповторимое зрелище взаимосвязанных дворовых пространств, привлекающее законченностью композиции, продуманной драматургией зрительных впечатлений. Здесь царит особая атмосфера, полная эстетического благородства. Три больших двора соединены между собой такими же величественными аркадами, направляющими непрерывное движение, плавное перетекание пространства. Внутренние фасады ни в чем не уступают внешним, во многом повторяют их облик и отделку, возвышая тем самым «интерьер» квартала до парадного стильного ансамбля.

Главное в доме Толстого – не фасады и не объемы, а само пространство, заключенное между ними. Лигваль убедительно показал, что именно дворы составляют сердцевину и сущность жилого дома, объединяя его изнутри. Вместе с тем он превратил анфиладу дворов в репрезентативный внутриквартальный проезд, проходящий от улицы до набережной через четыре одинаковые аркады. Дворы активно раскрыты во внешнюю среду, но при этом не теряют своей уютной замкнутости. Важная особенность генерального плана заключается в том, что эта анфилада нанизана не на прямую ось, а делает излом посередине. Такое «искривление пространства», при котором весь участок не просматривается насквозь, порождает непредсказуемое развитие архитектурного сюжета. Когда

¹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 5313; Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. VII. СПб., 1912. С. 62–67; Чертежи обмеров с натуры деталей внутренней обработки жилых домов в г. Ленинграде мастеров архитектуры В. А. Шуко, А. Е. Белограда, Ф. И. Лигваля...

в перспективе одной аркады открывается под углом другая, а с некоторых точек – и третья, возникает иллюзия нескончаемого чередования – в дугообразном движении – повторяющейся композиционной темы. Это создает удивительный, почти театральный эффект. Средний двор имеет глубокое ответвление – своего рода внутренний курдонер трапецевидной формы, образующий дополнительную перпендикулярную ось.

Избранная Лигвалем пространственно-планировочная схема объяснялась не только новыми композиционными идеями, но и необходимостью вписать жилой массив в сложный по конфигурации протяженный участок, имеющий излом и выступ. Продольные корпуса рационально размещены не по межевым линиям, а с отступом от них, что позволило избежать устройства брандмауэров и дать квартирам двустороннюю ориентацию. Вдоль границ с соседними участками оставлены узкие промежутки – черные дворы, куда обращены окна лестниц, второстепенных комнат и кухонь. «Закулисные» части дома своей откровенной утилитарностью составляют контраст парадным дворам, которые играют роль внутренней «улицы», а средний, с курдонером, – небольшой «площадью» посреди квартала. Один из тыльных фасадов оказался случайно открытым в разрыве застройки со стороны Щербакова переулка и вошел таким образом в окружающую среду. Оттуда он воспринимается в правдивой простоте своих строго функциональных форм.

Дом Толстого создавался в период, когда Лигваль обратился к модернизации классицистических приемов. Стилистику этого произведения можно определить как классицизирующий модерн. Архитектор интерпретировал в свойственной ему деликатно графичной манере мотивы ренессанса, барокко и классицизма. Популярный критик Г. К. Лукомский назвал фасады «итальянизованными», отметив «барочный элемент деталей». Классицистическое начало просматривается и в стремлении к охвату пространства единообразными корпусами, и в картинных перспективах, и в регулярности построения фасадов, и во введении порталов, ордерных элементов, филенок, сандриков, арабесок. Однако живописная смена зрительных планов, динамизм перетекающего сквозь аркады пространства, отказ от прямолинейно-осевой ориентации выражают дух исканий модерна. Лигваль не ставил задачи реконструировать исторический стиль, достичь иллюзии старины. Классицистические формы служат скорее внешней мотивацией тяги зрелого модерна к строгой упорядоченности, а также целям представительности. От модерна идет и чувство «правды» материала, активной роли цвета и фактуры.

Графичный характер всех фасадов отвечает преобладанию стеновой плоскости с единообразным ритмом окон. В нижнем ярусе – ярко-красный кирпич, выше – зернистая серая штукатурка, на поле которой выделены тоном и плоским рельефом скромные детали, взятые из арсенала итальянского ренессанса и раннего

русского классицизма. Изящная каллиграфичность, присущая почерку Лидваля, обратилась здесь в суховатую хрупкость декора. Выразительны сочетания кирпичных простенков с резными порталами из серого песчаника, известняковыми пилястрами и пилонами арок. Теплая, чуть неровная поверхность кирпичной кладки напоминает об особом пристрастии к этому материалу шведских архитекторов начала XX века. Пластические элементы внутренних корпусов – граненые выступы на изломе среднего двора, несильно выступающие эркеры, лоджии с дорическими полуколонками и галереи с прямоугольными столбиками – не претендуют на доминирующую роль. Простые, архитектурно не обработанные мансарды лицевых фасадов дома Толстого выглядят случайными и неуместными утилитарными наслоениями. Если фасад, обращенный к Фонтанке, решен плоскостно, в едином модуле, то противоположный, со стороны улицы, прорезан внизу широкими витринами и дополнен несимметричными ризалитами по краям. Из-за малой ширины улицы основная часть фасада заглублена, а на красную линию выступают только пониженные ризалиты. Подобный прием нередко встречался в строительстве модерна, но первым в Петербурге его внедрил зодчий-эклектик М. А. Макаров, спроектировавший по такой схеме в 1873 г. два дома на той же улице (№ 25 и 27).

Сквозной лейтмотив всего комплекса – великолепно скомпонованные тройные арки с широким средним проездом, равным по высоте трем этажам, и узкими проходами по сторонам, прорезающими два этажа. Пилоны и аркады сложены из плит известняка. Обрамления боковых арок с пилястрами и обелисками наложены на стены как монументальные аппликации. Арочные композиции повторяются восемь раз на фасадах всех поперечных корпусов, придавая внешнему облику и внутриквартальному пространству доходного дома торжественно парадное звучание.

Тема тройной арки, вобравшая в себя глубинную классическую традицию, вызывает цепь исторических ассоциаций. Основные прототипы ее восходят к эпохе Возрождения. Вероятно, Лидваль вспоминал и тройные аркады, соединяющие дворы виллы Папы Юлия III в Риме *La Villa delle Finanze*, и высокую арку с боковыми пролетами, завершающую перспективу улицы Уффици во Флоренции, созданную *Д. Вазари*. Форма трехчастной ячейки с аркой посередине и округлыми проемами над малыми просветами – это так называемый «мотив Палладио». Но у Лидваля этот мотив масштабно укрупнен и обращен в проезд. В «ренессансную» композицию вплетены рельефы в характере рококо. Лидвалевские аркады – это вольно перефразированные архитектурные цитаты, введенные в структурный контекст доходного дома периода модерна. Они выполняют двоякую роль: взаимосвязи пространств и монументализации обыденной жилой среды.

Вместе с тем Лидваль опирался и на творческие находки своих современников. Так, тему гигантской арки, распаивающей с улицы глубинную

перспективу двора, он подхватил у П. Ю. Сюзора – автора домов Ратьковых-Рожновых на Пантелеймоновской (Пестеля) и Кирочной улицах (1898–1900). Огромной аркой ранее объединил дворы Л. В. Шмеллинг в доме З. Н. Юсуповой, расположенном также на Фонтанке (1902–1904). Небольшой трехарочный проезд был устроен в 1906 г. на Литейном проспекте, 46.

Проект дома Толстого Лигваль представил в марте 1910 года, возведение и обустройство здания продолжалось три строительных сезона. Летопись строительства запечатлена на фасадах поперечных корпусов и в портале среднего двора: «1910», «1911», «1912». Одновременно архитектор построил дом Э. Нобеля на Лесном проспекте, 20, где также завершил внутриквартальный проезд тройной аркадой. Лигваль умел пробуждать и использовать творческие возможности своих сотрудников. По свидетельству Е. Ф. Эделя, композиция дворов была разработана совместно с Д. Д. Смирновым. Это косвенно подтверждается чертами сходства дворовых фасадов дома Толстого с общим характером рисунка, граненым углом, вогнутыми гранями эркеров и размещенными по вертикали лоджиями дома Ю. К. Додоновой (Большой пр. В. О., 38/11), сооруженным Смирновым в 1914–1915 годах. Вслед за Лигвалем к теме трехарочного проезда обратились Л. В. Котов (дом А. Т. Михайловой на Боровой ул., 61), В. Н. Орлов (гостиница «Метрополитен» на Лиговском пр., 43–45), С. С. Кричинский (дом эмира Бухарского на Каменноостровском пр., 44б) и А. Л. Лишнецкий (дом Ш. З. Иоффа на Загородном пр., 24), причем последний безусловно отталкивался от дома Толстого, включив аркады и в лицевой, и в дворовый корпуса. Но никто из них не смог соперничать с Лигвалем в искусстве организации пространств.

В доме Толстого были разные типы квартир. В основном – большие, из шести-восьми и более комнат, рассчитанные на состоятельных съемщиков. Архитектор устроил и малометражные однокомнатные квартиры, разместив их в корпусе с коридорной планировкой, замыкающем средний двор. Столярная отделка и меблировка были выполнены фабрикой акционерного общества «Н. Буман» (город Або, Финляндия).

Сегодня в доме Толстого старые оконные заполнения заменяются современными стеклопакетами. Новые детали резко отличаются от первоначального рисунка переплетов грубо примитивными формами. Они искажают выверенную детализацию фасадов, омертвляют их оригинальные черты. Массовые замены второстепенных, на первый взгляд, элементов исторической застройки превратились в стихийное эстетическое бедствие.

М. Н. Колотило

ПРОПАВШИЕ КВАРТИРЫ

Эволюция нумерации квартир и помещений в Толстовском Доме

Система нумерации квартир в Толстовском Доме изначально была очень стройная и продуманная. Однако среди этой системы при постройке дома почему-то «пропали» более сотни номеров квартир.

Если бы «пропали» номера, в которых присутствует чертова дюжина, то это можно было бы списать на суеверие. В Америке отсутствуют 13-е, 113-е, 213-е и тому подобные номера в гостиницах и домах. В Америке отсутствуют даже тринадцатые этажи! Однако в Толстовском Доме все квартиры с номерами, в которых есть чертова дюжина, на месте. Неужели более ста номеров квартир «пропали» по ошибке?

Просто невозможно представить себе, что такой промах допустил педантичный архитектор Федор Иванович Лигваль или еще более педантичный и аккуратный представитель заказчика Александр Леопольдович Коль.

Так что же произошло?

Для того, чтобы это понять, надо прежде всего рассказать о системе нумерации квартир в этом доме. Итак все по порядку.

Начнем с подъездов.

Нумерация подъездов Толстовского Дома по своему характеру и сути – это практически нумерация отдельных домов, стоящих вплотную вдоль своеобразной улицы, которую иногда историки архитектуры поэтически называют «улицей зодчего Лигваля». Если встать лицом к Толстовскому Дому на улице Рубинштейна, а потом пойти по «улице зодчего Лигваля» в сторону Фонтанки, то справа от вас будут нечетные номера подъездов (1-й, 3-й, 5-й, ... 15-й), а слева будут четные подъезды (2-й, 4-й, 6-й, ... 14-й). Есть еще подъезд служебного корпуса (так называемого «Литера Ц»), который исторически не имел нумерации, но мы его ныне условно называем 16-м подъездом.

Обозначение корпусов Толстовского Дома после постройки производилось латинскими буквами (литерами) «А», «В», «С» (т.е. в русском произношении «а»,

«бэ» и «цэ»). Корпусом (или литерой) «А» именовали всю правую сторону дома (если смотреть с ул. Рубинштейна) с нечетными номерами подъездов. Корпусом (или литерой) «В» именовали левую сторону с четными номерами подъездов.

Изначально Толстовский Дом со стороны Троицкой улицы (ныне улицы Рубинштейна) занимал два домовых места с номерами 15 и 17. Следовательно, его нумерация и стала 15-17. (Ни в коем случае не 15/17, как иногда неграмотно пишут, забывая, что это не угловой дом, имеющий по одной улице номер 15, а по другой улице номер 17). Исходя из двойного номера, в первоначальных документах иногда «литер А» обозначался как дом №15, а «литер В» обозначали как дом №17.

Служебный корпус («литер Ц»), который мы ранее уже упомянули, именовали соответственно следующей буквой (литерой) латинского алфавита «С», которая в советское время стала писаться так, как ее воспринимали на слух «Ц» («цэ»). Вероятно, это связано с безграмотностью технических работников при советской власти.

В советское время также произошла трансформация наименования корпусов «А» и «В» основного здания Толстовского Дома. Они как-то незаметно слились в один корпус «А».

Таким образом, сейчас в Толстовском Доме есть только корпус «А» и корпус «Ц».

Нумерация квартир Толстовского Дома имеет своеобразную систему, которая напоминает гостиницу или корабль. Все номера квартир были при постройке **трехзначные**. Первая цифра обозначала этаж, на котором располагалась квартира. Вторая и третья цифра номера обозначали «стояк», в котором располагалась квартира. По вертикали, одна под другой располагались квартиры, имеющие одинаковые вторую и третью цифру. Нумерация «стояков» в основном здании (без служебного корпуса – «литера Ц») начиналась с 01 и заканчивалась числом 64. Например, в 14-м подъезде на каждом этаже располагаются две квартиры. На первом – 163 и 164. На втором – 263 и 264. И так до шестого этажа, где располагались квартиры 663 и 664. Кроме «основных» квартир, существовали еще мансардные квартиры над несколькими «стояками». Их точная нумерация пока что неизвестна. По всей видимости (точных данных нет), они имели нумерацию с первой цифрой семь, а вторая и третья соответствовали «стояку», в котором она располагалась. Особенностью «мансардных» квартир на седьмых этажах было наличие входа в квартиру только с черной лестницы, но эти лестницы имели небольшие служебные лифты. Все парадные лестницы заканчивались на шестом этаже.

В «литере Ц» нумерация квартир изначально была построена по такому же принципу, как и во всем Толстовском Доме. Для тех, кто не знаком с Толстовским Домом, рассказываю, что служебный корпус (изначально

предназначенный для проживания сотрудников, обслуживающих дом) построен отдельно от основных корпусов Толстовского Дома и имеет не шесть, а только четыре этажа. Никакие номера «пропавших» квартир для обозначения помещений в этом корпусе не нужны. Их нумерацию продолжили со «стояка» 65, так как нумерация основного здания заканчивается «стояком» 64. Однако номеров квартир, начинающихся на цифру один (165, 166, 167 и так далее), не было. На первом этаже служебного корпуса располагались прачечная и гаражи. На втором этаже располагались квартиры, начиная с № 265, а на третьем и четвертом – соответственно с № 365 и № 65. Самый большой номер «стояка» – 72-й.

«Пропавшие» номера квартир, с которых мы начали свой рассказ, начинаются после 33-го «стояка» в 15-й парадной и оканчиваются перед 51-м «стояком» во 2-й парадной. Таким образом, в Толстовском Доме еще при постройке «потерялись» семнадцать «стояков», в которых должно было быть, как минимум, по шесть квартир в каждом. «Пропало» аж **сто две** полноценные квартиры! Запомним этот факт и продолжим рассказ об эволюции системы нумерации квартир Толстовского Дома.

Начало изменения системы нумерации. Жесткой границы между понятиями квартира и нежилое помещение в Толстовском Доме не существует уже давно. При графе и графине Толстых изменение статуса помещения не влекло за собой изменение его номера. Однако, изменение статуса помещения при советской власти влекло за собой, как правило, и изменение его номера. Нежилым помещениям начали присваивать номера с индексом «Н» (то есть – «нежилой»). Этот процесс начался в Толстовском Доме после 20 августа 1918 года, когда в РСФСР была отменена частная собственность на недвижимость в городах. Толстовский Дом «национализировали», то есть попросту отняли у владелицы – графини Ольги Александровны Толстой.

В 1921 году начали отнимать уже и движимое имущество. 19 ноября был принят декрет о конфискации и переходе в собственность РСФСР всего движимого имущества граждан, «бежавших за пределы республики или скрывающихся до настоящего времени». Все вещи из квартир выселяемых, а также бежавших жильцов, были сложены огромной кучей в сквере со стороны Шербакова переулка прямо под открытым небом. Каждый желающий мог выбрать и забрать все, что ему понравится...

Власть взяла курс на выселение буржуазии и замену прежних жильцов на представителей пролетариата, но Толстовский Дом как фешенебельный, привлекал к себе так называемую «советскую номенклатуру». Однако даже этот интерес «новых хозяев» не спас Толстовский Дом от безумного эксперимента советской власти по превращению комфортабельных квартир в жуткие

коммуналки. Начались перепланировки с дроблением комнат на части «временными» перегородками и попытками уменьшить коммунальную скученность за счет деления квартир на две или на три квартиры. Таким образом, нарушилась стройная и четкая нумерация квартир. Появились квартиры (помимо мансардных), имеющие вход только с черной лестницы.

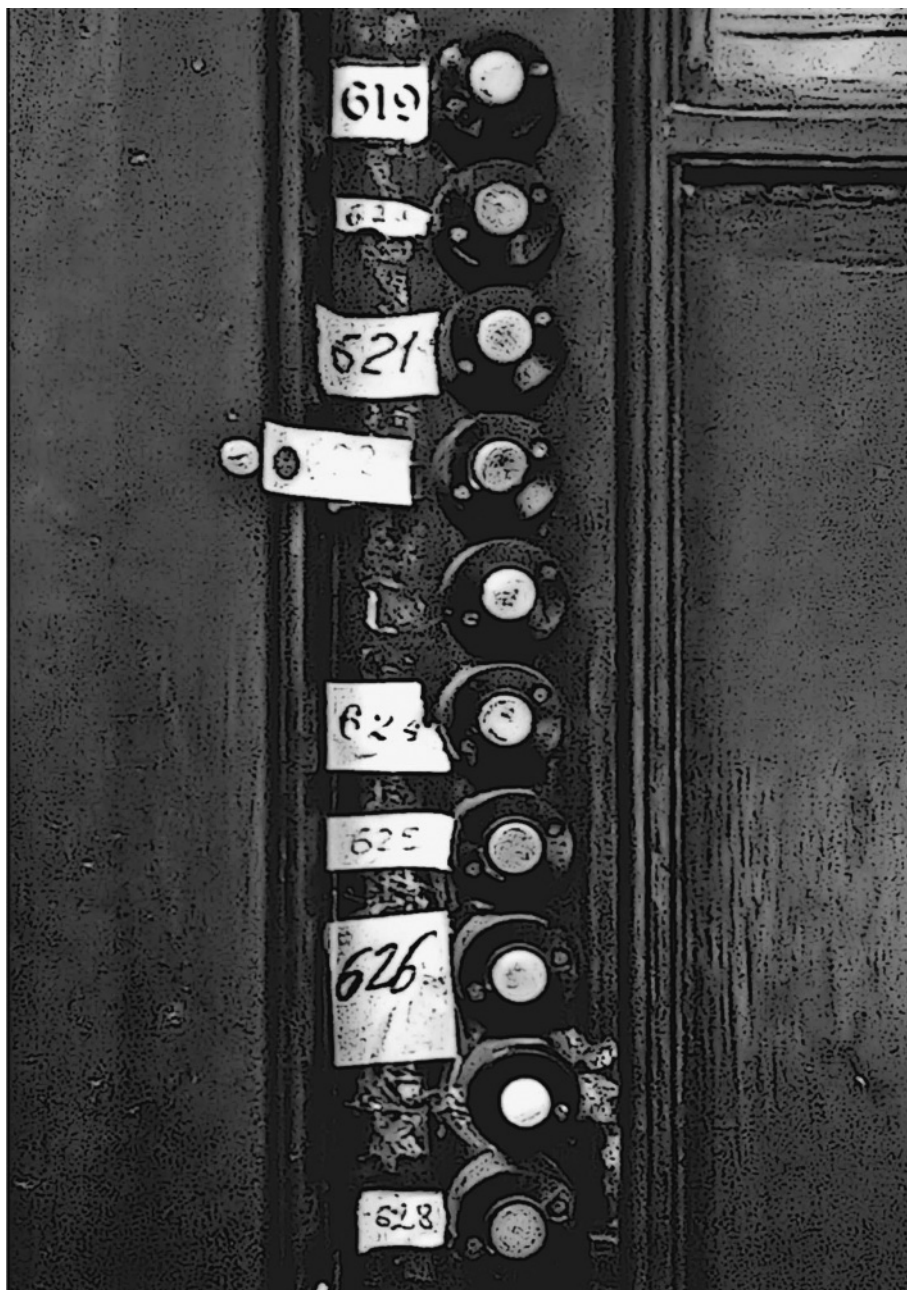
В жилых квартирах иногда располагались конторы, консульские отделы, столовые, театральные студии и общественные организации, а в нежилых, наоборот, создавали квартиры.

Например, в квартире 108 располагалась студия Александринского театра, которую возглавлял Николай Смолич. Однако основной тенденцией было преобразование нежилых помещений в квартиры. В доме исчезли дворничские, колясочные, прачечные, швейцарские, бильярдные, котельные... Даже гаражи и складские помещения были превращены в жилые квартиры. Например, квартира 168 в литере «Ц» была создана из трех гаражей.

Исходя из того, что «литер Ц» не имел пятого и шестого этажей, в Толстовском Доме не было квартиры с номером 666. В одном из документов появлялась квартира с таким номером, но это или ошибка, или присваивали подобный номер какой-то «деленке», который потом исчез после нового объединения квартир. Однако каким-то мистическим образом «дьявольскую» роль 666 номера стал выполнять номер 660. Как будто бы его проклял выдающийся востоковед Д. М. Позднеев (послуживший Михаилу Булгакову прообразом Воланда), живший в этой квартире. Профессор Позднеев был расстрелян в 1937 году, и всех жителей, которых подсаляли, «уплотняя» и третирруя его родных и близких, неизменно преследовал какой-то злой рок. С ними случались несчастья и многие из них погибали при различных обстоятельствах. Квартиру как будто бы заколдовали, а как писал Михаил Булгаков, «колдовству, как известно, стоит только начаться, а там уже его ничем не остановишь».

Среди номеров квартир, вновь «созданных» из нежилых помещений и в результате дробления больших квартир, оказались присвоенными и некоторые изначально отсутствовавшие номера «потерянных» квартир.

Великая Отечественная война. Очень интересная тема – это влияние событий Великой Отечественной войны на Толстовский Дом и на преобразование его помещений. Например, квартира 106 была превращена в долговременную оборонительную точку (ДОТ) с пулеметной амбразурой, в которую было преобразовано окно возле арки. Из этой амбразуры прекрасно просматривался (и соответственно простреливался) вход во дворы Толстовского Дома со стороны улицы Рубинштейна. Пока что не удалось найти фотографии этого ДОТа, но сохранилась фотография булочной на углу улиц Рубинштейна и Ломоносова (на Пяту Углах), которая также была превращена в ДОТ.

Часть чердачных помещений была превращена в пункты дежурств команд местной противоздушной обороны (МПВО), а часть подвалов – в бомбоубежища. С жителями Толстовского Дома прямо во дворах проводились занятия по противоздушной и химической обороне.

Надо отметить две характерные особенности периода войны. Во-первых, ни один снаряд, бомба или «зажигалка» в Толстовский Дом не попала. Во-вторых, во время войны не произошло каких-либо изменений в системе нумерации квартир.

Постсоветский период. С начала 1990-х годов процесс преобразования помещений пошел в обратном направлении. Многие квартиры были превращены в офисные помещения и мини-гостиницы (причем во многих случаях совершенно незаконно). Преобразованным в офисы на законных основаниях квартирам на первом этаже были присвоены двузначные номера с индексом «Н».

В настоящее время городские чиновники всеми правдами и неправдами продают нежилые помещения: подвалы, чердаки, технические помещения и даже водомерные узлы, разрушая инфраструктуру Толстовского Дома. Далеко не всегда покупатели этих не подлежащих продаже помещений адекватные и вменяемые люди. Один из «новых хозяев» сначала устроил во вновь купленном подвале дискотеку, а потом (после жалоб соседей) начал рубить транзитные домовые коммуникации, идущие через «его» подвал.

Хотя не будем говорить о грустном. Давайте лучше обсудим, из-за чего же изначально «пропали» сто с лишним квартир.

Легенда о «пропавших» квартирах была рассказана мне Мариной Владимировной Маневич, одной из жительниц Толстовского Дома. С ее слов, хозяином и заказчиком дома графом Михаилом Павловичем Толстым изначально планировалось строительство «второй очереди» Толстовского Дома. По словам М. В. Маневич, она даже видела планы и эскизы, согласно которым дом должен был быть соединен арочными переходами, перекинутыми через Троицкую улицу (ныне улицу Рубинштейна) с огромным корпусом, расположенным на другой стороне улицы. Эта версия тем более вероятна, что «разрыв» в нумерации происходит именно в районе второй парадной, выходящей на улицу Рубинштейна.

Вторым возможным вариантом продолжения строительства могло быть домовое место номер 52 со стороны набережной Фонтанки. Надо учитывать, что дом 52 по Фонтанке также принадлежал графу М. П. Толстому и составлял единый жилой комплекс с Толстовским Домом. Мало того, он имел единое обслуживание и управление с Толстовским Домом, которое осуществлял Александр Леопольдович Коль. Однако второй вариант, хотя и возможен (т. к. разрыв номеров идет и со стороны Фонтанки, после 33-го «стояка»), но менее вероятен из-за малой площади этого домового места.

Грандиозный замысел Федора Лигваля (если версия М. В. Маневич верна), даже трудно себе представить.

Прежде всего надо учесть, что в настоящий момент в Толстовском Доме всего около трехсот квартир. Из этих трехсот квартир только около половины «полноценные» большие квартиры. Остальные – это бывшие «меблированные комнаты», дворничьи, колясочные, швейцарские, гаражи, мансарды и т. п. Таким образом, если добавить более ста «полноценных» квартир, то площадь дома должна увеличиться в полтора-два раза.

Замысел Федора Лигваля, если легенда верна, был на тот момент просто фантастическим и беспрецедентным по своему размаху. Даже для столицы Российской империи! К сожалению, этому грандиозному проекту помешала смерть графа Михаила Павловича Толстого в 1913 году, Первая Мировая война и последовавшие за ней события.

Конечно же, изучение истории этого неосуществленного замысла – очень интересная и перспективная задача, ожидающая своего исследователя и летописца. Возможно, что она преподнесет некие уроки и даст подсказки современным градостроителям.

Е. Д. Юхнева
М. Н. Колотило

ФИЗИОЛОГИЯ ТОЛСТОВСКОГО ДОМА

Опираясь на разработанную знаменитым петербурговедом Н. П. Анциферовым концепцию, можно сказать, что жилой комплекс «Толстовский Дом» имеет множество признаков некоего самостоятельного организма. Он представляет из себя «город в городе». Как в социальном организме, можно выделить «анатомию», «физиологию» и «психологию (душу)» Толстовского Дома, рассматривая его генезис как рождение историко-культурного организма.

В данной работе авторы попытались представить только физиологию Толстовского Дома.

К началу XX века были изобретены и стали технически возможны практически все известные нам бытовые удобства, внедрялись все бытовые новинки, и жилище было особенно разнообразным по своему внутреннему устройству. Говоря современным языком, в это время в городе появились сложные инженерные сети, коммуникации и оборудование, но уровень оснащённости доходных домов этими новинками был крайне неравномерный.

Физиология Толстовского Дома рассматривается в сравнении с физиологией Петербурга в целом и его отдельных доходных домов начала XX века, то есть того времени, когда был построен Толстовский Дом.

Отопление.

К XX веку доходные дома в основном отапливались все еще дровами. К 1900 году всего 6% петербургских домов (из 9597 – всего 609 домов) имели не дровяное отопление. Причем только треть этих домов (183 из 609) полностью отказалось от дровяного отопления. Остальные пользовались смешанным типом отопления: на парадных лестницах, в престижных квартирах 2 и 3 этажей были установлены радиаторы парового, водяного отопления или отопления горячим воздухом; дровяное отопление сохранялось в дешевых квартирах верхних этажей, мансард и подвалов, а также в хозяйственных и кухонных помещениях престижных квартир.

Самым распространенным из не дровяных способов отопления было паровое отопление 40% (в 244 домах из 609), чуть менее – водяное отопление 37% (в 226

домах из 609). (Наше современное отопление – водяное, хотя в быту мы называем его ошибочно паровым). Горячий воздух для отопления использовался только в 23% домов (139 домов из 609). Система труб с горячим воздухом шла внутри стен или под полом, согревая помещения через небольшие отверстия (10х10 см), расположенные в углу пола или в нижней части стены. Отверстия прикрывались красивыми металлическими решетками, препятствующими попаданию мусора в систему отопления, но не мешающими горячему воздуху попадать внутрь помещений.

Центрального отопления в нашем понимании как общегородского не существовало, но сам термин часто встречается в дореволюционных изданиях и обозначает единую отопительную систему для всего дома. В подвале устанавливался котел с оборудованием для угольной топки (упоминания об электрическом нагревании котла – единичны), радиаторы располагались в каждом помещении. Самыми распространенными были вертикальные радиаторы – вертикальная труба с вертикальными лопастями, отходящими от нее по кругу во все стороны. Вот как описал такой радиатор Вагим Шефнер в своей книге «Сестра печали» в главе «Наше жилье»:

«В углу торчал старинный радиатор водяного отопления; он был зеленый, вертикальный и напоминал кактус».

В Толстовском Доме отопление было водяным. В подвалах дома было 10 котельных с котлами на угле. Котельные подавали горячую воду в радиаторы отопления, расположенные в жилых квартирах, служебных помещениях, на парадных и черных лестницах. На парадных лестницах стояли радиаторы типа «кактус». В квартирах были чугунные радиаторы «гармошки» высотой один метр, почти такие же, как современные. Кроме того, в квартирах были радиаторы «гармошки» высотой полтора метра, которые располагались в переходных коридорах.

В котельные был вход из служебных квартир по винтовой лестнице. Сейчас винтовая чугунная лестница сохранилась в квартире 163.

Для хранения угля использовались специальные помещения в подвалах, рядом с котельными. Загрузка угля в эти хранилища осуществлялась через специальные двери, которые сейчас выглядят как подвальные окна, имеющие большую высоту, нежели соседние окна.

Приготовление пищи.

Во всех кухнях Толстовского Дома были гровяные плиты. Это были прямоугольные кухонные плиты (размером 1х2 аршина, высотой 1 аршин), которые белились или облицовывались керамической плиткой. Отделкой печей были белые поливные (глазурованные) изразцы. (К 2012 году, то есть спустя сто лет, такая печь сохранилась только в одной квартире). Дрова для них хранились в подвалах.

Кроме печей для приготовления пищи, в разное время использовали керосинки, керогазы, примусы и спиртовки. В советское время спиртовки (спиртовые горелки) были огромной редкостью и «роскошью», зато появились газовые плиты и иногда электрические плитки с элементами накаливания в виде «пружинок».

Вентиляция.

Еще с середины 19 века по Строительному уставу форточка в одном из окон помещения была обязательна. Но из-за боязни простуды от сквозняка ими пользовались крайне редко. Тепло берегли и не только простые горожане, но и вполне просвещенные. Поэтому даже в конце XIX века в специальных журналах приходилось подробно объяснять элементарные вещи: насколько полезен для здоровья человека свежий воздух, как необходимо проветривать комнаты.

К началу XX века стали распространяться фрамуги, правда, они назывались не так, а громоздко описательно: «откидные под углом 45 градусов форточки с боками, закрытыми ширмами из жести». Хотя воздух из них поднимался к потолку, а не дул прямо в комнату, как из обычных форточек, ими также мало пользовались.

В Толстовском Доме мы можем видеть абсолютно особый вид вентиляции – это приточная вентиляция через специальные каналы в стенах. Забор воздуха происходил через заборные отверстия в сечении примерно 15 на 15 сантиметров, расположенные на фасадах между окнами на уровне подоконников. Эти отверстия сверху прикрыты металлическими «kozyрьками», чтобы в них не попадал дождь и снег, а сам канал перекрыт металлической решеткой из стальных прутьев, чтобы в них не забиралась птица. В квартиру вентиляционный канал приходил уже под потолком, а со стороны квартиры закрывался самозакрывающейся заглушкой с противовесом. Чтобы ее открыть, надо было потянуть за шнурок, привязанный к металлической петле в верхней части заглушки. Шнурок можно было зацепить за крючок в стене, и через вентиляшку воздух самотеком поступал в квартиру. Если шнурок отпустить, то вентиляшка под действием противовеса захлопывалась.

Кроме приточной вентиляции, в Толстовском Доме существует вытяжная вентиляция в прихожих, ванных, туалетах, кухнях, коридорах и проходных комнатах. Входные отверстия в каналы вытяжной вентиляции расположены под потолком и закрыты со стороны квартиры металлической решеткой. С внутренней стороны (со стороны канала) эти отверстия могли перекрываться специальными металлическими жалюзями, управляющимися при помощи шнура, аналогично приточной вентиляции. Каналы вытяжной вентиляции выведены выше конька крыши.

Освещение.

Важной вехой в освещении жилищ было изобретение А. Н. Лодыгиным и П. П. Яблочковым в 1870-е годы электрических ламп накаливания с угольным

стержнем. Первая центральная электрическая станция в Петербурге была спроектирована инженером-технологом А. А. Трошким, которому помогал А. С. Попов, будущий изобретатель радио, только что окончивший физико-математический факультет Петербургского университета по специальности инженер электрических машин. Электростанцию смонтировали в конце 1883 года на деревянной барже, пришвартованной к левому берегу Мойки в 30 метрах ниже Полицейского моста. Такой оригинальный способ объяснялся тем, что исключал покупку чрезвычайно дорогой земли в центре города, удобством доставки по воде топлива – английского угля, близостью воды для технических нужд и полной противопожарной безопасностью. На барже были установлены паровой локомобиль и динамо-машина постоянного тока мощностью 35 киловатт. Спустя два года на барже установили еще два локомобилia и 11 динамо-машин мощностью 220 киловатт. Обслуживанием электростанции были заняты 22 человека.

В это же время вторая электростанция была размещена в деревянном доме на Невском проспекте, во дворе дома № 27. Чуть позже третья станция была смонтирована на железной барже, пришвартованной у правого берега Фонтанки выше Аничкова моста.

К началу XX века электричество вырабатывали три крупных общества (“Общество 1886 года”, “Гелиос” и “Гуэ и Шманцер”, построившие электростанции на Васильевском острове, на Калашниковской набережной и на Фонтанке) и было множество самостоятельных электрогенераторных установок (только в незаречной части города их насчитывалось около 30), дававших ток для почти 30 тысяч лампочек накаливания.

Каждая станция давала ток различных параметров: первое общество – трехфазный, а два других – простой переменный; первые два – 50 периодов, а последнее – 42,5 периодов в секунду; вольтаж в распределительных сетях также был различным у всех трех станций. Параметры тока мелких установок тоже не отличались однообразием.

Сначала электричество использовалось для уличного освещения (с 30 декабря 1883 года Невский пр., Б. Морская ул.), затем для освещения общественных зданий (с 1886 года Городской думы, Благородного собрания на Невском., 15, Кредитного общества и других учреждений) и лишь с 1887 года для бытового освещения (отдельные жилые дома вдоль Невского пр. и прилегающих улиц)

Первоначально электрическое освещение в помещениях оплачивалось с лампочки. Так, в 1887 году за лампо/час платили 2,5 копейки за лампочку мощностью 10 свечей, 3 с половиной копейки – за 16 свечей и 5 коп – за 25 свечей. Позже были созданы электросчетчики, и с 1890 года расчет стали производить по их показаниям. Плата за киловатт/час колебалась от 21 до 35 копеек – стоимость электрического освещения при помощи лампочки накаливания (с угольной нитью) было дороже керосинового в 4 с половиной раза.

С 1890-х годов существовали так называемые "экономические" лампочки (с металлическими: танталовыми, вольфрамовыми и другими нитями). При использовании последних в 4 раза снижалось потребление электроэнергии. И стоимость освещения становилась равной керосиновому. Распространению "экономических" лампочек препятствовали электрические компании.

В начале XX века 14% домовладений (1375 из 9635) были электрифицированы. Квартирное освещение имели только 5% домов (529), гораздо более было распространено электрическое освещение дворов 11% (1081) и лестниц 12% (1141).

Электрическое освещение входит в моду, становится престижным. В. Авсеенко в рассказе "Новоселье" описывает господина, который *"чрезвычайно любит все современное, новое и поэтому давно уже мечтал завести у себя электричество"*. И когда мечта его сбылась, он устроил званый вечер для демонстрации электрического чуда: он *«подбежал к двери, где скрывались под портьерой электрические кнопки, и повернул одну из них. Мгновенно вспыхнули четыре боковые лампы, ...мягкий, ровный свет электричества привел всех в восхищение. Новые волны легкого, ровного, серебристого света залили гостей. Bravo! Bravo! – раздались восклицания. Кто-то захолопал в ладоши, другие подхватили. Произошло что-то вроде овации. Спрашивали, во сколько обошлась установка, и почему платили за час горения»*.

Электричество становится темой светских разговоров. *«Немцев тоже не похвалили: зачем изрыли для своих кабелей Петербургские улицы. Кто-то попробовал за них вступить, что без немецкого "Гелиоса" не было бы электрического освещения, но с ним не согласились, мы обошлись бы без немцев»*.

Электричество было не только темой модных разговоров, но даже модных танцев, как в рассказе В. Авсеенко «Будут танцевать»:

«В настоящем свете на всех балах будут танцевать "Электрик", только "Электрик". Тут есть одно па, в котором дама изображает электрический ток в плечах. Надо отогнуть плечи немного назад, вот так, и изобразить дрожь... Это прелесть что такое!»

Толстовский Дом был полностью электрифицирован. Электричеством освещались и квартиры, и лестницы, и дворы. Проводка была вся навесная, теперь практически повсеместно (за исключением нескольких фрагментов) замененная на внутреннюю. Навесная проводка была из двух скрученных проводов на фарфоровых изоляторах. Не сохранились, естественно, старинные счетчики и местная подстанция с распределительным щитом.

Но, кроме электричества, обязательно в каждой квартире были керосиновые лампы. Во-первых, они были необходимы при перебоях с электричеством, а во-вторых, петербуржцы не могли отвыкнуть от переносных керосиновых ламп.

Керосиновая лампа, изобретенная в середине 19 века польским ученым Игнацием Лукасевичем, появившаяся в России в 1860-е годы, стала самым

распространенным источником света к концу XIX века. В керосиновой лампе используется пламя паров керосина. Из резервуара керосин по фитилю поднимается вверх, где испаряется и горит. Для создания направленного потока воздуха служит металлическая решетка, через которую воздух поступает в лампу, колпачок, создающий узкую щель для прохода пламенных газов, и стекло, защищающее пламя и поддерживающее тягу внутри лампы. Керосин сначала называли «минеральным маслом». Керосиновые лампы были подвесные, настольные, переносные. Многочисленные конструкции керосиновых ламп делились на две основные группы: с плоским фитилем и с круглым фитилем.

В 1895 году доктор Ауэр фон Вельбах предложил «калильный колпачок» из солей бария и цезия, который надевался на керосиновую горелку, делая свет ровнее и ярче. Нагреваясь, колпачок раскалялся до ослепительно белого свечения. Сила света регулируется керосиновой лампой. Калильная сетка изготовлялась из плетеного хлопчатобумажного чулка, пропитанного водным раствором солей. Сетка обжигается, при этом вся органическая часть ее сгорает, и остается один скелет из солей редких металлов. Значительно реже применялся известковый цилиндр. С 1902 года после доработки колпачков русскими техниками они стали использоваться в быту в керосиновых лампах. Калильный колпачок увеличивал светоотдачу керосиновой лампы в 4,5 раза. По стоимости керосиновая лампа была самая экономичная, почти столько же стоило освещение электрической лампочкой с вольтовой дугой, а вот свет распространявшейся в Петербурге электрической лампочки накаливания был дороже почти в 5 раз.

Но, несмотря на относительную дешевизну, на освещении очень экономии.

Во-первых, старались максимально использовать дневной свет, для этого над внутренними дверями квартир устраивались световые окна, через которые освещались темные проходные комнаты, прихожие, коридоры и ваннные комнаты. Они сохраняются во многих квартирах и сейчас, хотя иногда в закрашенном виде.

Во-вторых, очень экономно пользовались освещением. Лампы вообще вешали низко, а над столом – на уровне лица. Старались, чтобы в квартире горела одна лампа. Достаточно обычная картина для квартиры средних петербуржцев: в гостиной, за столом дети-гимназисты учат уроки, рядом отец читает газету, мать занята рукоделием – и все это происходит под единственно горящей во всей квартире лампе. Также в целях экономии широко пользовались переносными керосиновыми лампами.

Водоснабжение.

Водопроводы в Петербурге существовали с основания города, но они служили для подвода воды к фонтанам. Создание бытового водопровода в Петербурге предприняло частно-коммерческое «Акционерное общество С.-Петербургских водопроводов», созданное в 1858 году. Все участки земли на левом берегу Невы,

в центре города, естественно, были уже все раскуплены или за них запрашивали баснословные цены. Тогда на помощь акционерам пришла императорская семья, пожертвовавшая для строительства водонапорной башни участок земли перед Таврическим дворцом, что привело к уничтожению канала и бассейна «Ковш» и закрыло чудесный вид на Неву из окон дворца. Мрачная неоготическая 50-метровая водонапорная башня (Шпалерная ул., 56), возведенная по проекту архитектора И. А. Мерца, заслонила собой великолепный дворец. Она похожа на средневековый донжон. К юбилею города в ней открыли Музей воды и пристроили стеклянный панорамный лифт, сильно искадивший ее облик.

Эта водонапорная башня стала образцом в архитектурном и в техническом плане для подобных сооружений во всей России. В Петербурге сохранились водонапорные башни в Уткиной заводи, в Рыбацком, в Галерной гавани и в Царском Селе.

Вода паровыми насосами поднималась в резервуар наверху башни, а потом самотеком растекалась по трубам всей центральной левобережной части Петербурга – между Невой, Обводным каналом и р. Пряжкой. Строительство началось в 1859 г. Пробный пуск водопроводной системы был произведен 30 сентября (ст. стиль) 1863 года, спустя три года началось постоянное водоснабжение. Длина водопроводной сети была тогда 108 верст. Мощность водопровода – 1,5 миллиона ведер воды в сутки.

Также частными были три водопроводные системы Правобережья. Английское акционерное общество проложило водопроводные сети и начало водоснабжение в 1875 году на Петербургском и Васильевском островах, а в 1876 году на Выборгской стороне.

Только через четверть века пользования водопроводом городские власти решились выкупить у акционеров в 1891 водопроводные сети левобережья, а в 1893 году – правобережья, которые перешли в ведение «Городской исполнительной комиссии по водоснабжению С.-Петербурга».

Водопроводные трубы были чугунные, а домовые и квартирные – свинцовые. Умывальники перекрывались вентиляным краном или даже шаровым, появившимся в конце 19 века. Грязная вода попадала в фаянсовую, металлическую или мраморную раковину, распространившуюся с 1860-х годов. Из раковины вода сливалась по трубе домового канализации в выгребную яму. Раковины соединялись прямыми, без сифона и решетки, трубами с выгребными ямами, и поэтому, как замечали современники, *«снабжали квартиры воздухом, профильтрованным через экскременты и клоачную жидкость»*.

В Толстовском Доме такого не было, так как изначально все раковины имели неразборный сифон с водяным «замком», представляющий из себя U-образный изгиб, в котором образовывалась водная пробка, и в квартиру не попадал запах из канализационных труб. Все канализационные трубы имели вентиляционный

выход над крышей. Это также предотвращало попадание в квартиры запахов из канализации.

Ванны.

Ванны из всех квартирных удобств были наименее распространены. К началу XX века половина даже «барских» квартир не имела ванны. Делались они из различного материала: ванны бывали мраморные, фаянсовые, чугунно-эмалированные, медные (луженые), оцинкованные. Ваннeе комнаты практически всегда были с окном. Нагревалась вода, и отапливались ваннeе комнаты обычно дровами.

Распространенность в Петербурге в 1890 г.

Квартиры	с водопроводом	с ванной
1 комн. кв.	25%	0,1%
2 комн. кв.	53%	0,3%
3-5	76%	8%
6-10	93%	57%
более 10 комн.	97%	70%

В Толстовском Доме многие ваннeе комнаты были с окном и площадь их была 9 квадратных метров. Отопление ваннeе комнаты и нагрев воды – централизованные, от котельной. Ванны чугунно-эмалированные, в виде орлиной лапы на шаре. Биде не было. Умывальники имели вентильные краны и фаянсовую раковину, а в кухне – эмалированную.

Ватерклозеты.

Ватерклозеты – это клозеты с водяным смывом. Первым в Петербурге появился ватерклозет системы «Монитор» по цене 6 рублей. Он представлял собой металлическую воронкообразную чашу, выходная труба которой при впадении в трубу домово́й канализации перекрывалась специальным клапаном при помощи педали или ручки. Аналогичным устройством мы пользуемся до сих пор в поездах дальнего следования. Этот тип ватерклозетов еще не имел сливного бачка, и при нажатии специальной ручки (реже – педали) вода из водопроводной трубы поступала прямо в приемную чашку и затем в открывшееся отверстие. Когда ручку отпускали, вода переставала поступать, и клапан-сковородка закрывался, почти не пропуская в квартиру канализационных газов. Этот тип ватерклозета был к концу 19 века почти вытеснен следующей более совершенной системой.

Наиболее распространенной стала так называемая «русская система», или «русский горшок» по цене 6 рублей и 73 копейки, состоявшая из чугунного воронкообразного горшка, соединенного трубой с накопительным бачком для

Ванная комната в Толстовском Доме. Фото К. Буллы. 1916 год.

воды. Это нововведение восторженные современники сравнивали с Ниагарским водопадом. Вторым изобретением было колено (сифон) фановой трубы, оставшаяся часть воды, в котором абсолютно не пропускала никаких запахов. «Теперь в туалетных комнатах благоухают только розы», – высокопарно заключали современники. Собственно, этой системой мы пользуемся до сих пор, и вот уже 100 лет ничего принципиально нового не придумано. Дизайнерские же украшения начались еще тогда, в конце XIX века, постепенно стали входить в обиход английские ватерклозеты «Торнадо» и «Пьедестал».

Распространенность в Петербурге в 1890 г.

Квартиры	с ватерклозетом
1 комн. кв.	12%
2 комн. кв.	37%
3-5	67%
6-10	92%
более 10 комн.	96%

Ватерклозеты стали обязательным атрибутом барских квартир. Половина квартир средних петербуржцев имела ватерклозеты.

В Толстовском Доме в квартирах было по **два(!)** ватерклозета.

Один был в ванной комнате (а в больших квартирах в отдельном от ванной комнаты помещении) – для хозяев. Это была, как писали тогда в рекламах, «фаянсовая чаша особой ладьеобразной формы» и с «оригинальной каплевидной формы ручкой, свисающей с бачка на изящной цепочке». Одна такая ручка была найдена при прочистке ливневой канализации в 2012 году.

Второй ватерклозет располагался возле черной лестницы и, как правило, был отделен от кухни и комнаты для прислуги небольшим коридорчиком. Он предназначался для прислуги, и его дизайн был попроще.

Трубы для спуска нечистот были в большинстве домов деревянные (80%), реже так называемых «каменные», то есть кирпичные (20%), которые выкладывались при строительстве дома. Остатки кирпичных труб иногда можно увидеть как два параллельно торчащих ряда кирпичей, идущих сверху вниз вдоль лестничных окон. Внешняя стенка трубы обычно отбита. Крайне редко встречались гончарные трубы, и как нечто удивительное упоминаются железные трубы, внутри эмалированные. Трубы эти вели в выгребные ямы. Это была домовая канализация.

Канализационные трубы Толстовского Дома изначально были абсолютно уникальными – чугунными. Выгребные ямы располагались на задних дворах между черными лестницами, таким образом, одна яма обслуживала два подъезда.

Телефон.

Устройство петербургской телефонной сети на основе утвержденных 25 сентября 1881 условий устройства и эксплуатации городских телефонов было предоставлено частной фирме «Белла» на срок 20 лет, по истечении которого телефонная станция и все оборудование переходило городу.

Телефон был роскошью, особенно для 128 абонентов первой городской телефонной станции (Невский, 26). Трубка первых телефонов была одновременно для передачи и приема, и у аппаратов висело забавное объявление: «Не слушайте ртом, не говорите ухом». Абонентная плата первоначально была чрезвычайно высокой – 250 рублей в год, за эти деньги можно было снять 2-3 комнатную квартиру на окраине. Поэтому количество абонентов росло крайне медленно, и после двадцатилетнего существования телефона в интересующий нас период в Петербурге было всего 4,5 тысячи абонентов, то есть телефон имела одна семья из 100. У жильцов верхних этажей телефонов не бывало, поэтому верхних жильцов вызывали для разговора по телефону в контору, как писали в своих воспоминаниях Д. А. Засосов и В. И. Пызин. Только в 1901 году, когда петербургский телефон от американской фирмы «Белла» перешел в собственность города, абонентная плата была снижена в 5 раз и стала всего 50 рублей. Еще через 15 лет количество номеров достигло 56 тысяч, то есть каждая шестая семья или 17 семей из 100 имели телефон.

Телефон воспринимался исключительно как элемент престижа, но не утилитарной потребности. Наличие телефона – это знак принадлежности к высшему сословию. Эта знаковость и вызывала насмешку у писателя-сатирика В. Авсиенко в рассказе «Новоселье»:

«Телефон тоже ему поставили, и он несколько раз в день непременно куда-нибудь звонит и даже все покупки в лавках делает не иначе, как по телефону.

– Знаешь, – говорит он жене, – закажем по телефону, непременно лучшее дадут, потому что понимаешь, все-таки внушительности больше».

Телефоны в Толстовском Доме были практически во всех квартирах.

Внеквартирное благоустройство.

Что являлось для нас, живущих уже в XXI веке, жилищной единицей? Для современных людей – это квартира или комната. Современная квартира – абсолютно автономное жилище, то есть все процессы жизнедеятельности индивидуума могут совершаться исключительно внутри нее. В ощущении автономности квартиры причина такого уникально-абсурдного явления современности, как приватизация квартир. В невозможности автономного существования отдельно взятой квартиры не всегда успешно пытаются убедить жителей Толстовского Дома ТСЖ «Толстовский Дом». Осознание этой непреложной истины у многих «упертых» и

малоосведомленных жителей наступает очень часто только после какой-нибудь коммунально-бытовой «катастрофы», когда происходит «просветление»: «Моя квартира, оказывается, не обладает автономной системой отопления, водоснабжения, канализации, газоснабжения, электроснабжения, индивидуального вывоза мусора и уборки общедомовой территории, один я не могу убрать снег и сбить сосульки, а также в моей квартире нет индивидуального лифта!»

Да, для решения подобных вопросов необходимо как-то договариваться с соседями и решать проблемы сообща. Отдельно взятая квартира не обладает индивидуальной физиологией так же, как не обладает отдельной физиологией мой большой палец на правой ноге. Правда когда наступают на этот палец, то нехорошо мне в целом.

Для россиян XIX века само понятие «жилищной единицы» было значительно разнообразнее: койка (или даже полукойка), угол, каморка, комната, квартира, изба, дом, особняк. Самой распространенной жилищной единицей (86%) была арендованная квартира, которая была совершенно не автономной, а частью домовладения. При подробном рассмотрении внеквартирного благоустройства мы видим, что ни один из процессов жизнедеятельности индивидуума не мог совершаться исключительно в квартире. Автономной жилищной единицей было только домовладение. Границы жилища были чрезвычайно размыты. В индивидуальном пользовании квартиронанимателя находилось собственно жилище, часть сгровяника, погреба, помещений для коров и лошадей. Коллективно жильцы пользовались чердаком (сушили белье), прачечной, ледником, отхожими местами на лестнице и во дворе, дворовым краном или колодезем, помойной и мусорными ямами. Петербуржец был тысячами нитей привязан к дому, двору, домовладельцу и соседям.

Как указано в контракте Пушкина с княгиней Волконской, он занимал в ее доме *«от одних ворот до других нижний этаж из одиннадцати комнат состоящий со службами, как-то: кухнею и при ней комнатою в подвальном этаже, взойдя во двор направо; конюшнею на шесть стойлов, сараем, сеновалом, местом в леднике и на чердаке, и сухим для вин погребом, сверх того две комнаты и прачечную, взойдя во двор налево в подвальном этаже во 2-м проходе».*

Итак, мы видим на примере этого контракта, что в аренду сдавалось кроме жилого еще множество помещений, без которых в XIX веке невозможно было прожить.

Приглашаем Вас пройтись по лестницам и дворам, заглянуть на чердак и в подвал.

Лестницы

В каменных доходных домах были преимущественно каменные лестницы. Освещение лестниц было обязательным. В обязанности домовой прислуги входило

следить за этим. Обычно новые способы освещения опробовали сначала именно на лестницах, только после этого оно могло стать квартирным. Характерно распространение электрического освещения в Петербурге в 1900 году. По данным переписи, всего электричество было в 1375 домовладениях, что составляло 14% от всех домовладений Петербурга. Из них чуть более трети домовладений (512) освещались полностью электричеством, в остальных же электричеством освещались лишь дворы и лестницы, а в квартирах продолжали пользоваться керосиновыми лампами. Обратная ситуация, чтобы электричество было только в квартирах, встречалась чрезвычайно редко – всего в 1% домовладений.

В дворовых квартирах иногда была одна лестница, которая исполняла и хозяйственную роль, по ней же поднимались и посетители. Обычно же квартира из двух и более комнат имела выходы на две лестницы: парадную и черную. По парадным лестницам ходила только «чистая публика»: хозяйка квартиры, их гости, доктора, гувернантки и учителя. Черные лестницы использовали для хозяйственных нужд, на них были отхожие места, стояли помойные ведра.

Парадная лестница

Парадные лестницы с улицы украшались цветами, на пологих, широких ступенях обязательно были ковры. Входящих встречал швейцар. В рекламных объявлениях того времени единственное, что указывало на качественную характеристику квартиры, было не количество комнат, а именно состояние парадной лестницы. Лестница являлась своеобразной визитной карточкой квартиры. Сформировался даже несколько нелепый рекламный штамп – «мраморная лестница с ковром и швейцаром».

Мраморных лестниц в Толстовском Доме не было – это не предусматривалось стилистикой модерна. Не было и ковров.

Швейцарские помещения были в большинстве подъездов. Сейчас они используются для технических нужд или превращены в небольшие жилые квартиры.

Лестницы обычно отапливались, чаще всего каминами. В Толстовском Доме лестницы отапливались так же, как и квартиры, радиаторами водяного отопления. Это были радиаторы «кактусы», установленные в полукруглых нишах на поворотах лестничных маршей.

В большинстве проходных домов в начале XX века на лестницах использовалось газовое освещение. На некоторых лестницах до сих пор сохраняются на стене почти под самым потолком небольшие кронштейны, которые поддерживали газовую трубочку. Но вскоре газовое освещение, не успев распространиться, было успешно вытеснено электричеством. В Толстовском Доме лестницы изначально освещались электрическими светильниками.

Чистка крыши Толстовского Дома промышленным альпинистом Никитой Воробьевым

Лифт, пожалуй, относился скорее не к благоустройству, а к знаковым предметам роскоши. В рассматриваемое нами время только начинали появляться подъемные лифты.

Как показатель барственности квартиры всегда указывалось в объявлениях наличие подъемной машины (словом лифт практически не пользовались), даже если речь шла о квартире в бельэтаже.

Первые пассажирские лифты были гидравлическими. В 1880-х годах стали появляться электрические лифты, где на лебедку наматывался канат, на котором висела кабина. Эти лифты были экономичнее своих предшественников. В начале XX века стоимость одного полного хода кабины электрического лифта на 3 пассажиров в шестиэтажном доме была полторы копейки, тогда как гидравлического – шесть с половиной, то есть в 4 раза дороже. Швейцар поднимал жильцов в лифте, за что каждый платил по 2 рубля в месяц.

В Толстовском Доме изначально были установлены **пятнадцать (!)** электрических лифтов по парадным лестницам и **четыре (!)** электрических служебных лифта по черным лестницам.

Стоимость самой установки лифтового оборудования в шестиэтажном доме колебалась от 4 до 6 тысяч рублей и зависела от декоративного убранства. Кабины лифтов богато декорировались ценными породами дерева, украшались резьбой и инкрустациями, внутри бывали даже кожаные или бархатные диванчики. Ограждения шахт лифтов выполнялись из кованого железа или художественного литья. Петербургские лифты интересны и как памятники инженерной мысли, и как памятники бытовой истории, и как произведения декоративного искусства.

В Толстовском Доме фрагменты решеток лифтового ограждения по парадным лестницам сохранились во всех подъездах с лицевой стороны, как примыкание к шахте лифта со стороны перил. Никаких элементов решетки вокруг шахты лифтов не сохранилось ни в одном подъезде. Сами дубовые лифтовые кабины сохранились в нескольких подъездах, но от их роскошного убранства, естественно, не сохранилось и следа. Лифт по парадным лестницам доходил до последнего, шестого этажа. Вход в чердачные помещения (седьмой этаж) был только с черных лестниц, четыре из которых (черные лестницы № 8, 10, 11 и 12) были оборудованы служебными лифтами.

Окна парадных лестниц иногда украшались витражами. При распространении в Петербурге стиля модерн на рубеже XIX и XX веков витражи получили особенно широкое распространение в декоративном оформлении особняков, доходных домов, общественных зданий. До этого периода витражи использовали исключительно в культовой архитектуре. Несмотря на светское использование, техника изготовления витражей осталась неизменной в течение тысячи лет. Как принято было в домах, выстроенных в стиле модерн, витражи украшали окна во всех парадных подъездах Толстовского Дома. Сохранились элементы витражей в

нескольких подъездах, а в 14-м подъезде полностью отреставрированы витражи между 1-м и 2-м и между 2-м и 3-м этажами.

По гигиеническим соображениям полы лестничных площадок покрывались метлахской плиткой. В каждом подъезде (или на каждом этаже) старались делать свой орнамент. Полы площадок лестниц Толстовского Дома тоже выстланы метлахской плиткой. Как правило, на каждом этаже была одна плитка с клеймом (как сейчас бы сказали – с логотипом) завода-производителя.

Парадные лестницы дворовых квартир в обычных доходных домах были не столь роскошны. При проектировании они делались несколько шире черных лестниц, и перила их отличались более или менее витиеватым кованым рисунком. Однако в Толстовском Доме не было никаких отличий между парадными лестницами, ведущими с улиц, и парадными лестницами, ведущими в дом с парадных дворов.

Черные лестницы.

Главное отличие парадных от черных лестниц было не в их архитектурном устройстве, а в их использовании.

По черной лестнице ходила прислуга, разносчики, дворники. По ней приносили в квартиру дрова и выносили мусор и помойные ведра.

Помойные ведра в обычных домах ставили у квартирных дверей на черных лестницах. Иногда в самом низу, под лестницей, были мусорные, реже помойные ямы.

Д. В. Григорович в 3 главе «Петербургских шарманщиков» так описывает черную лестницу:

«Взбираешься по шаткой лестнице, украшенной по углам (у каждой двери) кадкою, на поверхности которой плавают яичные скорлупы, рыбий пузырь и несколько угольев; вообще лестницы эти, не считая уже спиртуозного запаха (общей принадлежности всех петербургских черных лестниц), показывают совершенное неуважение хозяев к тем, которым суждено спускаться и подниматься по ним».

В обычных доходных домах черные лестницы – крутые, темные, сырые, грязные, «на всех их поворотах, – писал Достоевский, – нагромождена... бездна всякого жилецкого хлама, так что чужой, не бывалый человек, попавши на эту лестницу в темное время, принужден был по ней полчаса путешествовать, рискуя сломать себе ноги и проклиная вместе с лестницей и знакомых своих, неудобно так поселившихся».

«Грязная черная лестница, хронически запечатлевшая на себе запах горелого масла, кошек и керосина», – так характеризует лестницу в главе 1 части «Волшебной сказки» Л. А. Чарская.

На черных лестницах обычных домов существовали отхожие места пролетной

системы и распространяли жуткую вонь. Ими пользовались жильцы квартир, не имевших ватерклозета, и прислуга из квартир, где ватерклозеты были. Находились отхожие места на площадке лестницы рядом с окном в неглубокой нише без дверки. Если в доме не было капитального ремонта, эти ниши и каменные стульчаки с заложенными дырками сохраняются до сих пор и представляют собой романтическую скамью в нише, на которой сейчас многие с удовольствием присаживаются отдохнуть.

В Толстовском Доме на черных лестницах была абсолютно иная картина.

Все они были с каменными ступенями на мощных металлических балках, и естественно, «шаткими» отнюдь не были.

Воздух был абсолютно чистым, так как в Толстовском Доме отхожих мест для прислуги на черных лестницах не было (напомним, что в квартирах при кухнях для них был специальный ватерклозет).

Все окна на черных лестницах были с форточками. Между вторым и третьим, а также между пятым и шестым этажами на всех черных лестницах были окна с дверью на балконы, предназначенные для чистки одежды и выбивания ковров. Ныне все балконы на черных лестницах демонтированы по решению жилищной инспекции из-за аварийного состояния в 2009 году. Публичное обещание губернатора Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко о восстановлении балконов за счет города до сих пор не выполнено.

Отопление черных лестниц производилось от радиаторов водяного отопления (также как квартир и парадных лестниц). Освещение черных лестниц было электрическими светильниками.

Все входы на черные лестницы и окна черных лестниц выходят в черные дворы или световые колодцы в проездах на черные дворы.

Входная дверь с черной лестницы в квартиру в обычных доходных домах вела, как правило, в кухню. В Толстовском Доме во всех квартирах вход с черной лестницы был через две двери (между дверями 70-ти сантиметровой тамбур) и вел сначала в небольшой коридор, из которого были двери в комнату для квартирной прислуги, ватерклозет для прислуги и в кухню.

На черных лестницах обычных домов располагались дровяники, которые представляли собой небольшие кладовки с дверкой на лестничных площадках у дверей квартир или под окнами. Дрова, немного подсохшие в них, брали непосредственно для отопления квартиры. Поскольку в Толстовском Доме дрова для отопления не требовались, а нужны были только для топки кухонных плит, дровяники на черных лестницах Толстовского Дома были только в подвальных помещениях.

Подвалы

Иногда подвалы доходных домов использовались для жилья, но это в

Петербурге встречалось редко, всего 5% подвалов. И то это было в основном жилье для обслуживающего персонала дома. В подвалах Толстовского дома никаких жилых помещений не было. Там располагались гровяники, котельные, хранилища угля, водомерные узлы и ледники.

В подвалах доходных домов ледники располагались очень редко. Лед хранился в специальных деревянных срубках. Таявший лед слишком увлажнял воздух, что, во-первых, портило фундамент дома, а во-вторых, квартиранты первого этажа страдали от сырости. Из-за этого ледники обычно располагались в погребах, находившихся во дворах.

В Толстовском Доме ледники располагались в подвалах, но перекрытия между подвальными помещениями и первым этажом были мощными и выполненными из железобетона. Сырость от ледников на первые этажи не проникала. Мощностъ и прочность подвальных перекрытий позволила в более поздние времена превратить подвалы в бомбоубежища. Кроме того, входы в ледники были вынесены в отдельные прямки во дворах, то есть входы в них не было ни с парадных, ни с черных лестниц (чтобы не проникала сырость).

Стирали в **прачечных**, которые были необходимой принадлежностью кажлого дома. Размещались они в обычных домах в подвалах, высота помещений не превышала 4 аршин (2,85 м), что тогда казалось безумно низко. Подвальные окна почти не пропускали свет, приходилось пользоваться искусственным освещением, но из-за густого пара в прачечных всегда было полутемно. Пол бывал обычно плиточный (крайне редко – бетонный, покрытый сверху чистым цементом или асфальтом), задерживающаяся в его неровностях грязная мыльная вода через плохо заделанные швы проникала в грунт. Сточный колодец, устроенный в полу, не всегда имел водяной затвор, и потому газы из сточных труб попадали в помещение. Обыкновенно в прачечной устраивался очаг с двумя или более чугунными водогрейными котлами с крышками. Для стирки использовались деревянные на ножках лоханки размером 20 на 24 вершка и глубиной 5,5 вершка. К ним были приделаны полочки для мыла и грязного белья.

Иногда в прачечных были и более глубокие (до 12 вершков – полметра) лохани или специальные баки для полоскания белья. Но чаще белье носили полоскать в реках и каналах, где были сделаны портомойни – деревянные плоты саженой 8 в длину и 4 в ширину, (17 на 8 метра) соединенные с набережной деревянными лестницами. Посередине портомойни – 3 или 4 бассейна. В проточной воде этих бассейнов полоскали белье. Вода в каналах настолько грязна и наполнена такими помоями, что *«нужно быть лишенным всякой брезгливости и понятия чистоплотности, чтобы полоскать только что вымытое белье в такой грязи»*.

Вход в прачечные в обычных доходных домах был с черных лестниц и находились они в подвальных помещениях.

В Толстовском Доме входы в прачечные были тоже с черных лестниц, но

располагались они в **чердачных помещениях** (на седьмом этаже). Всего было 16 прачечных, т. е. для каждого подъезда (включая служебный корпус «Ц») была своя прачечная.

Чердаки

Часть чердаков в Петербурге использовалась под жилье (2%), остальные же чердаки использовались для хозяйственных нужд. Для хранения мебели, вещей, дров. Сушили белье тоже на чердаках. Прачечная и чердаки были общие для всех жильцов. Поэтому устанавливалась известная очередь, за которой наблюдал дворник.

В Толстовском Доме жилых чердаков не было, за исключением нескольких так называемых «мансард художников». По всей видимости, изначально они предназначались для проживания прачек, так как расположены рядом с бывшими прачечными.

Дворы

По переписи 1881 года две трети дворов были мощеные (цз 9261 – 6002). Помните, как у А. Белого в романе «Петербург» в главе «Жители островов поражают вас»:

«И вот незнакомец – на дворишке, четырехугольнике, залитом сплошь асфальтом и отовсюду притиснутом пятью этажами многооконной громадины. Посредине двора были сложены отсыревшие сажени осиновых дров».

В парадных дворах Толстовского Дома абсолютно иная картина. Вымостка дворов Толстовского дома изначально была деревянными торцами. Торцовое мощение просуществовало до 1924, когда во время сильнейшего наводнения большинство торцов «всплыло» и было в дальнейшем полностью заменено асфальтом. В парадных дворах – зеленые насаждения, расположенные по краям своеобразной центральной улицы, которую позже знатоки Петербурга поэтически назовут «улицей зодчего Лигваля». В центральном дворе посередине была восьмиугольная клумба.

Дворы доходных домов обязательно освещались. В Толстовском Доме изначально существовало электрическое освещение. Возле всех подъездов в парадных дворах располагались по два огромных кованых светильника, сохранившихся до настоящего времени. Некоторые светильники были несколько изменены. Например, светильники возле девятого подъезда, которые изначально были закреплены на вертикальных стойках, в настоящее время находятся на грубых «самодельных» цепных подвесах, изготовленных в советское время. Из-за этого плохо видны красивые каменные маскароны в верхней части портала.

Большую площадь двора обычного петербургского доходного дома занимали **дровянику** – деревянные сараи, часто двухэтажные. Дрова для отопления обычно

заготавливали на весь отопительный сезон. Но иногда дворы-колодцы были настолько малы, что в них не было места для сараев. Тогда дворники прямо с подвог разносили дрова жильцам. В Толстовском Доме в качестве дровяных сараев использовали подвалы, но дров заготавливали намного меньше, чем в других домах. Дрова использовали только для кухонных печей. Обогрев всего дома осуществлялся водяным отоплением от котельных, расположенных в подвалах.

В южной части дворов доходных домов, куда никогда не заглядывает солнце, располагались **погреба с ледниками**, в которых хранили запасы провизии.

В Толстовском Доме провизию для повседневных нужд хранили в холодном шкафу, представлявшим собой нишу с прямоугольным отверстием для проветривания. Кроме того существовал шкаф-кладовка в каждой кухне, имеющий небольшое окно-форточку для вентиляции. В Толстовском Доме существовали еще и квартирные холодильники в виде специальных шкафчиков-тумбочек, в которые между стенками через специальные отверстия загружали небольшие кусочки льда. Единственную сохранившуюся тумбочку-холодильник можно увидеть в создающемся общественном музее «Толстовский Дом».

Ледники находились чаще в отдельно стоящих погребах, углубленных в землю, или в подвалах домов, в специальных деревянных срубках, что было хуже, поскольку таявший лед слишком увлажнял воздух, что, во-первых, портило фундамент дома, а во-вторых, квартиранты первого этажа страдали от сырости.

Внутри ледники были устроены чрезвычайно просто: хранящиеся подукты раскладывались на глыбах льда. Медицинская полиция с возмущением отмечала: «Мясо и всякую другую провизию кладут прямо на лед, без посуды», что вело к заболеваниям.

Лед для ледников вырубался на Неве или Невках, а из Фонтанки, Мойки и каналов брать лед было запрещено из гигиенических соображений. Лед нарезался большими параллелепипедами (метра полтора длиной, сантиметров 70 толщиной) и потом развозился по домам. Ледяной промысел требовал большой физической силы и сноровки, поскольку, вырубая куски льда и вытаскивая их легко было поскользнуться и утонуть в проруби. Вокруг прорубей, где вырубали лед, устраивались изгороди, а на ночь для безопасности зажигали огни, поскольку движение транспорта и пешеходов по льду было достаточно интенсивным.

Вот как описывают заготовку льда для ледников Д. А. Засосов и В. И. Пызин в 1 главе своей книги «Из жизни Петербурга 1890-1910 годов. (Записки очевидцев)»:

«К весне на Неве и Невках добывали лед для набивки ледников. Лед нарезался большими параллелепипедами, называемыми "кабанами". Сначала вырезались длинные полосы льда продольными пилами с гирями под водой. Ширина этих полос была по длине "кабана". Затем от них пешнями откалывались "кабаны". Чтобы вытащить "кабан" из воды, лошадь с санями пятили к майне, дровни с удлиненными задними копыльями спускались в воду и подводились под "кабан".

Лошади вытаскивали сани с “кабаном”, зацепленным за задние копылья. “Кабаны” ставились на лед на попа. Они красиво искрились и переливались на весеннем солнце всеми цветами радуги. Работа была опасная, можно было загубить лошадь, если она недостаточно сильна и глыба льда ее перетянет; мог потонуть в майне и человек, но надо было заработать деньги, и от желающих выполнять такую работу отбоя не было: платили хорошо. Майна ограждалась легкой изгородью, вечером вокруг майны зажигались фонари, чтобы предупреждать неосторожных пешеходов и возчиков.

Набивали ледники льдом особые артели. Эта работа была также опасна и требовала особой сноровки. “Кабаны” опускали вниз, в ледник, по доскам на веревках, а там рабочие принимали их и укладывали рядами. Бывали случаи, когда “кабан” срывался со скользкой веревки и калечил рабочих, стоящих внизу».

Водопровод

В начале XX века исчезли во дворах баки для воды, которые наполняли водовозы. В большинстве дворов были водопроводные краны, ими пользовалась домовая прислуга и жильцы подвальных и мансардных этажей, где отсутствовали квартирные водопроводы.

В Толстовском Доме изначально все помещения от котельных в подвалах до прачечных на чердаках снабжались водой из водопровода.

Канализация

Во дворах обычных доходных домов еще в начале XX века стояли общие **ретурадники**, которыми пользовались дворники, швейцары, уличные торговцы и жильцы подвальных этажей. Это был небольшой деревянный домик с дыркой в полу над выгребной ямой, очень похожий на современное гачное удобство.

Удаление экскрементов из **выгребных ям** производилось вычерпыванием черпаком (в редчайших случаях – насосами) в открытые бочки или ящики. Кроме городского ассенизационного обоза, размещавшегося на Васильевском острове, было множество частных золотарей. Для открытия подобного промысла не надо было никаких особых разрешений. Имеется у человека лошадь, телега и возможность купить ящик, который стоит 40 рублей, вот он и становится золотарем. В летнее время нечистоты удалялись из города при помощи городских и частных особых ассенизационных лодок, стоявших по рекам Смоленки и Ждановки. Лодки эти имели особое устройство: наполнялась только средняя их часть, носовая и кормовая части оставались свободными. В носовой части чаще всего устраивалось временное жилье для рабочих. Каждая лодка вмещала до 300 возов нечистот, с воза бралась плата 30 копеек. Увозились нечистоты ранним утром далеко за Лахту, где и спускались в море.

Воздух дворов был полон запахами нечистот из негерметично закрытых

выгребных ям. В среднем на двор приходилось 3 выгреба, которые опорожнялись значительно реже, чем требовалось по предписаниям медицинской полиции, о чем свидетельствовали многочисленные штрафы.

Городская сливная канализация в центральных губерниях России была только в двух губернских городах (Москва и Калуга) и в пяти уездных. Просит обратить внимание, что общегородская сливная канализация отсутствовала в столице – в Петербурге! Обычно протяженность труб городской сливной канализации была невелика и охватывала район только центральных улиц. Нечистоты по этим трубам отводились куда-нибудь в овраг, находившийся в черте города. Смысла в подобного рода канализации было немного – нечистоты из одного района (центрального) города переправлялись в другой, где концентрировались в одном месте (у выхода канализационной трубы). Поэтому некоторые гигиенисты были противниками канализации, справедливо считая ее еще более губительной, чем вывоз нечистот в различные места.

В отличие от сливной, **дождевая канализация** была практически в каждом городе. Дождевая канализация могла представлять систему канав, идущих вдоль улиц. Иногда сверху канав настилали доски и получался тротуар. Крайне редко, в крупных городах, например, в Петербурге и Москве, для дождевой канализации были проложены деревянные трубы.

Часть домовладельцев для спуска нечистот начала использовать общегородскую дождевую канализацию. Массовость и неискоренимость этого явления была признана властями и даже законодательно закреплена. В ст. 34 Обязательных постановлений, принятых 2 августа 1884 года, вопреки ст. 53 и 111 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, было разрешено спускать туда нечистоты из клозетов и простых отхожих мест, но оговаривалось, что при присоединении к дождевой канализации должны устраиваться особые заградительные решетки для задержания твердых нечистот (но даже это простое требование игнорировалось – осадочные колодцы дождевой канализации на перекрестках улиц превратились в выгребные ямы). Это решение властей вело, как бы мы сейчас сказали, к экологической катастрофе. Деревянная дождевая канализация имела щели и неплотные стыки (до одного пальца шириной) поскольку делалась из самого дешевого материала: горбыля и барочного леса. Проникновение в окружающую почву дождевой воды было нормально, но когда по этим щелястым трубам пошли нечистоты, санитарные врачи забили тревогу – эпидемии стали распространяться на целые районы, причем иногда фиксировалось совпадение с направлением дождевой канализации.

Ту же опасность представляли и выгребные ямы – только 20%, по данным медицинской полиции, было из непроницаемого материалов: из цемента, реже из керамики или железа, остальные выгреба делались тоже из барочного леса и за редким исключением даже не обмазывались глиной, как требовалось по Обязательному постановлению 1884 года.

Мусор бытовой

Помойные ведра обычно ставили у квартирных дверей на черных лестницах, чтобы не иметь это зловоние в кухне. Мусорные (для сухого мусора) и помойные (для пищевых отходов) ямы бывали во дворах или в виде избушек с открывающейся дверкой, или в виде ларей с крышкой. Реже они находились в специальном помещении в самом доме (обычно под черной лестницей).

Мусорщики занимались вывозом мусора и уборкой мертвых животных, а тряпичники сборанием костей и стекол. В 1871 году Городская дума заключила на 20 лет контракт с купцом Мосягиным, по которому он получал исключительное право на вывоз палого скота. Для переработки животных продуктов им был построен завод.

Мусор вывозился на свалки, которые располагались на реке Карповке, у Галерной гавани, а наиболее известная свалка находилась у Забалканского проспекта, на месте современных домов 73–83, и называлась “горячим полем”, потому что отбросы прели, разлагались, и над полем стоял зловонный и густой туман. В санитарных целях, обычно летом, в сухую погоду, свалки сжигались, и зловонный туман смещивался с дымом, гарью и копотью тлеющего мусора.

Существовала специальная артель, которая занималась выведением тараканов.

Курятники, конюшни, коровники в петербургских дворах – явление достаточно распространенное. К началу XX века в Петербурге было более 60 тысяч лошадей в личном владении. Коров держала каждая шестая семья. Причем коров держали не только для себя, но и для продажи молока. Большинство молочных лавок Петербурга торговали плохим по качеству молоком, полученном от коров, постоянно стоявших в полутемных, непроветриваемых стойлах на задних дворах. Именно поэтому особенно ценились молочные и сливочные лавки, привозящие молоко, сливки, сметану и сыры с загородных ферм.

«Всякая домашняя птица и животные свободно разгуливают по двору, гадят и пачкают почву, и мы к этому совершенно равнодушны! Из-под конюшен и коровников сочится темно-коричневая мутная и вонючая жижа и пропитывает всю почву, которая таким образом превращается в культурный бульон для жизнерадостного процветания всяких тифозных, холерных, дифтеритных и чахоточных микробов. И вот пошел дождик, размыл все это, рассиропил жижицу, оживил микробов обильным потоком и густой струей все это сносится в прелестную реку и расхлебывается с удовольствием береговым населением», – писал Б. Португалов.

В большинстве дворов был колодец с поилкой для скота.

Естественно, ни коровников, ни курятников, ни конюшен во дворах Толстовского Дома не было.

Часть двора обычных домов занимали каменные или деревянные каретные сараи. Иногда при постройке дома каретный сарай планировался внутри самого дома. В начале XX века во дворах стали появляться гаражи, которые зачастую переоборудуются из каретных сараев.

В Толстовском Доме изначально существовало шесть гаражей, занимавших весь первый этаж в служебном корпусе «Ц».

Петербургские дворы, катастрофически уменьшившиеся за XIX век, были плотно застроены различными хозяйственными сооружениями. Воздух дворов был наполнен запахами нечистот из выгребных и помойных ям, стоил. Но окна всех жилых комнат петербуржцев выходили во двор. Это было естественно для квартир, располагавшихся в дворовых флигелях. Но что интересно, в барских квартирах, занимавших уличные корпуса, жилые комнаты (спальни, детские, кабинеты) были всегда обращены во двор. Парадные же помещения, в которых находились чрезвычайно редко, выходили окнами на относительно чистые улицы. Воздух дворов был настолько плох, что жильцы не считали возможным проветривать помещения через форточки, несмотря на постоянные настоятельные призывы гигиенистов.

В Толстовском Доме, благодаря огромным аркам и хорошо продуманной вентиляционной системе, воздух в квартирах был изначально свежий и чистый, что являло разительный контраст с другими доходными домами. Возможно, во многом это определяло популярность Толстовского Дома среди нанимателей квартир.

Домовая прислуга

Наличие домово́й прислуги (обслуживающего персонала), ее количество и качество являлись важным показателем благоустроенности жилища. Домовая прислуга (дворники, швейцары, водопроводчики) обслуживала дома и получала жалование от домовладельца. Полотеры, трубочисты, золотари, маляры домово́й прислугой не являлись – они не получали постоянного жалования от домовладельца, а только оплату за выполненную разовую работу.

Домовая прислуга была исключительно мужская. Показателем благоустройства домов служит относительное число домово́й прислуги (дворников и швейцаров) к населению. Так, в 1 участке Московской части, где располагался Толстовский Дом, домовая прислуга составляла 2,6% от всего населения.

Сейчас по норме Петербургу необходимо 23 тысячи дворников, т. е. менее 0,5%, а фактически их всего 11 тысяч. Стоит ли удивляться, состоянию наших дворов и лестниц.

Проживала домовая прислуга в обычных доходных домах, как правило, в подвалах и на чердаках. Для проживания домово́й прислуги в Толстовском Доме

был построен специальный жилой четырехэтажный корпус со служебными квартирами на втором, третьем и четвертом этажах. Служебные квартиры при этом были со всеми удобствами. Вот вам и «капиталистические хозяева-кровопийцы». Сейчас это так называемый «Литер Ц».

Дворники

*Аничков мост, где кони Клодта,
Реки веселый поворот,
Вон дева, ждущая кого-то,
И дворник, спящий у ворот.*

В. Княжнин. «Фонтанка», 1914

На такой большой дом, как Толстовский Дом (более 300 квартир), в среднем по Петербургу полагалось 10 дворников; на лето, когда работ было меньше, могло оставаться по 8 дворников.

Дворники имели жесткую иерархию. В младшие дворники шли обычно молодые здоровые крестьяне, пришедшие на заработки в город. С утра до вечера убирали они улицу перед домом, дворы, черные лестницы, разносили жильцам дрова по квартирам.

Уборка улиц, площадей и садов отнимала много времени и сил. Прежде всего потому, что транспорт был почти исключительно конный и на мостовых оставалось много следов от лошадей. Но чистота поддерживалась, особенно в центре. За чистотой следила не только полиция, но и санитарная инспекция. Никакой механизации не было. Летом у каждых ворот стоял дворник с метлой и железным совком. Он тотчас же подбирал навоз, пока его не размесили колеса телег. При сухой погоде улицы поливались. В центре – из шлангов, подалее – из леек и ведер, так как шланги были дорогие.

Зимой тротуары очищались «под скребок», с обязательной посыпкой песком. Лишний снег с улиц сгребался большими деревянными лопатами-движками в кучи и валы вдоль тротуаров. Сбрасывать снег в каналы и реки не разрешалось. Снег отвозился на специально отведенные свалки, что обходилось дорого. Поэтому у домов стояли снеготаялки: большие деревянные ящики, внутри которых – железный шатер, где горели дрова. Снег накидывали на этот шатер, он таял, вода стекала в канализацию. (Деревянный ящик не горел, так как всегда был сырой.) Уборка улиц от снега производилась рано утром, а при больших снегопадах – несколько раз в день. Все это делалось, разумеется, только в центре города. На окраинах снег до самой весны лежал сугробами.

Жили дворники артельно в дворничьих, семьи их обычно оставались в деревне. Летом, когда работы было меньше, дворники по очереди ездили в деревню.

Кроме жалования от домовладельца, они могли получать вознаграждение от жильцов за услуги, не входящие в их обязанности: выколотить ковер, передвинуть мебель, перенести багаж, поднять корзины с выстиранным бельем на чердак и т. д. Также за каждым дворником были закреплены определенные лестницы или квартиры, с которых он получал чаевые при поздравлении с Рождеством, Пасхой, именинами. Одевались дворники по-городскому: сапоги, пиджак, жилетка, фуражка. Работали в фартуках. Поработав младшим дворником и скопив в городе денег, большинство крестьян возвращались к себе в деревню.

Те, кто оставался в городе насовсем, обычно становились дежурными дворниками. С бляхой и свистком они дежурили у ворот, следили за порядком, не пускали во двор шарманщиков и разносчиков, не разрешали выносить вещи без сопровождения жильца. Они же на ночь запирали ворота и сидели в подворотне, дожидаясь запоздалых жильцов, от них получая дополнительный доход к жалованию от домохозяина. Вот как эту сцену описывает В. А. Гиляровский в главе «Драматурги из “Собачьего зала”» из книги «Москва и москвичи»: «Кто еще? – прохрипели со двора. Калитка отворилась, со двора пахнуло зловонием, и мы прошли мимо дворника в тулупе, с громадной глубиной в руках...». А это отрывок из в главе «Опять печальный и грустный» романа А. Белого «Петербург»:

«Александр Иванович звонился множество раз у ворот своего сурового дома; дворник не открывал ему; за воротами на звонок лишь отвечивал лаем пес; издали одиноко подал голос на полночь полуночный петух; и – замер».

Старшим дворником становился через много лет службы самый расторопный, усердный и сообразительный дворник, к которому домовладелец испытывал особое доверие. Ведь в его ведение отдавался дом. Он сам уже не выполнял физической работы, а руководил работой дворников, общался с жильцами, некоторые домохозяева поручали ему даже сбор квартплаты. Став старшим дворником, обычно привозил он свою семью из деревни. Ему полагалась отдельная дворничья. Хозяйское жалование было выше примерно в два раза, чем у младших дворников.

В своих воспоминаниях Д. А. Засосов, чей отец был управляющим большого домовладения братьев Тарасовых, подробно описал жизнь дворников:

«У Тарасовых было два старших дворника и около 30 младших, обслуживавших все домохозяйство. Старшие дворники подбирали из родни или земляков себе подручных – младших дворников, здоровых, нестарых крестьян, которых деревня выбрасывала в город на заработки. В большинстве это были неграмотные или малограмотные люди, от них требовались большая сила, трудолюбие, чистоплотность и честность. Жили они по дворничьим, обыкновенно без семей, своего рода артелью. Харчи им готовила “матка”, жена старшего дворника. Старшие дворники получали по 40 рублей, младшие – по 18–20 рублей. Старшие дворники были начальством, они не работали, а распоряжались и

наблюдали за работой дворников. Был такой старший дворник Григорий, толстый рыжий детина, большая умница, получивший среди жильцов прозвище “министр”. Каждое его слово было дельно, он умел правильно обходиться с подчиненными, дворники его уважали и боялись. Порядок на его участке был образцовый. Дворники с утра до вечера убирали улицы, дворы, лестницы, разносили дрова по квартирам (в домах Тарасовых центрального отопления, ванн и лифтов не было). Особенно доставалось этим труженикам зимой при снегопадах: надо было скребками вычистить все панели, посыпать их песком, сгрести в кучи снег с улиц и дворов, на лошади отвезти снег в снеготаялку. Во дворе были две бетонные ямы, куда поступала из бань отработанная теплая вода, в них ссыпали снег, он таял, вода уходила в канализацию. Летом дворникам было легче, они до очереди могли уезжать в деревню: кто на пахоту, кто на сенокос, кто на уборку. Жалованье им шло, артель выполняла работу и за них. Кроме своего жалованья они получали чаевые за услуги жильцам: выколачивали ковры, завязывали и выносили вещи при отъезде жильцов на дачи, носили корзины с бельем на чердаки. Жили они очень экономно, копили деньги для деревни, где у них оставались семьи. Доход у них был также от “поздравлений” с Новым годом, с Пасхой; они знали, кто когда именинник, и обходили жильцов, проживающих по отведенной каждому лестнице. За такие поздравления им не только давали на чай, но и угощали водочкой и закуской. Многие из них старались одеться по-городскому, завести хромовые сапоги, пиджак, жилетку, гарусный шарф».

Швейцары

Швейцар в поклоне не уменьшил рост.
В. Маяковский. 1916 г.

Также из дворников с возрастом можно было стать швейцаром. Особое внимание обращалось на благообразие внешности и солидность. Отставные военные, ценимые за выправку и бравый вид, также часто становились швейцарами.

Основной функцией швейцара было следить за чистотой и порядком на лестнице. Швейцары топили каминные или печные, обогревающие вестибюль и лестницу, убирали парадную лестницу (черную убирали дворники), натуральными мозаичными площадками для блеска постным маслом, чистили медные ручки дверей. Ночью по звонку запоздавшего жильца отпирала дверь. Если приходил незнакомый человек, они спрашивали, к кому он идет, и указывал нужную квартиру, если кто-нибудь незнакомый выносил вещи, они спрашивали хозяев и тогда только выпускали. В его ведение находился лифт, обычно швейцары выполняли функцию лифтеров, не допуская жильцов к управлению сложной подъемной машиной. Обычно швейцар получал почту, а от него письма разбирались жильцами. С появлением телефонов аппараты ставились для

общего пользования жильцов, обязанностью швейцаров стало приглашать к телефону.

Хозяин выдавал швейцарам обмундирование – ливрею, фуражку с золотым позументом, швейцары традиционно носили окладистые бороды.

Швейцары пользовались доверием хозяев квартир, часто при отъездах на дачи им оставляли ключи от квартиры, поручали поливать цветы. Как правило, кроме жалованья от хозяина они получали деньги еще и от квартирохозяев. Они старались как можно лучше обслужить своих жильцов, оказывать им разные услуги.

Те парадные, на которых не было швейцаров, на ночь запирались, и обслуживали их ночные дежурные дворники, вызываемые по звонку.

Количество швейцаров в доме соответствовало количеству парадных лестниц, выходящих на улицу. В объявлениях о сдаче барских квартир особо подчеркивалась «лестница с ковром и швейцаром» как качественная характеристика квартиры и соответственно ее цены.

Водопроводчики

С распространением водопровода в последней четверти XIX века в крупных домовладениях, от 50 квартир, стали появляться водопроводчики. Это был совершенно другой тип домовой прислуги. Обычно это был городской грамотный рабочий, разбирающийся в сложном санитарно-техническом оборудовании, получающий высокую плату от домовладельца, в полтора-два раза превышающую доходы старшего дворника. Водопроводчики с семьей жили в служебной квартире в литере Ц (на заднем дворе).

Оценка физиологии Толстовского Дома через 100 лет

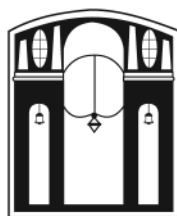
Толстовскому Дому в 2012 году исполнилось 100 лет, и по прошествии этого периода времени можно смело сказать, что архитектор Федор Лигваль в начале XX века создал совершенную «машину» для жизни. Она была абсолютно уникальной по своим техническим характеристикам в то время, и можно с уверенностью сказать, что большинству современных домов еще очень далеко до ее уровня даже спустя сто лет.

Конечно же, есть и недостатки. При постройке дома были предусмотрены всего шесть гаражей, и те переделаны при советской власти в жилые квартиры. Не предусмотрел Федор Лигваль, что в XXI веке на такой дом нужны будут 250-300 гаражей. А кто из нас может предусмотреть все на сто лет вперед.

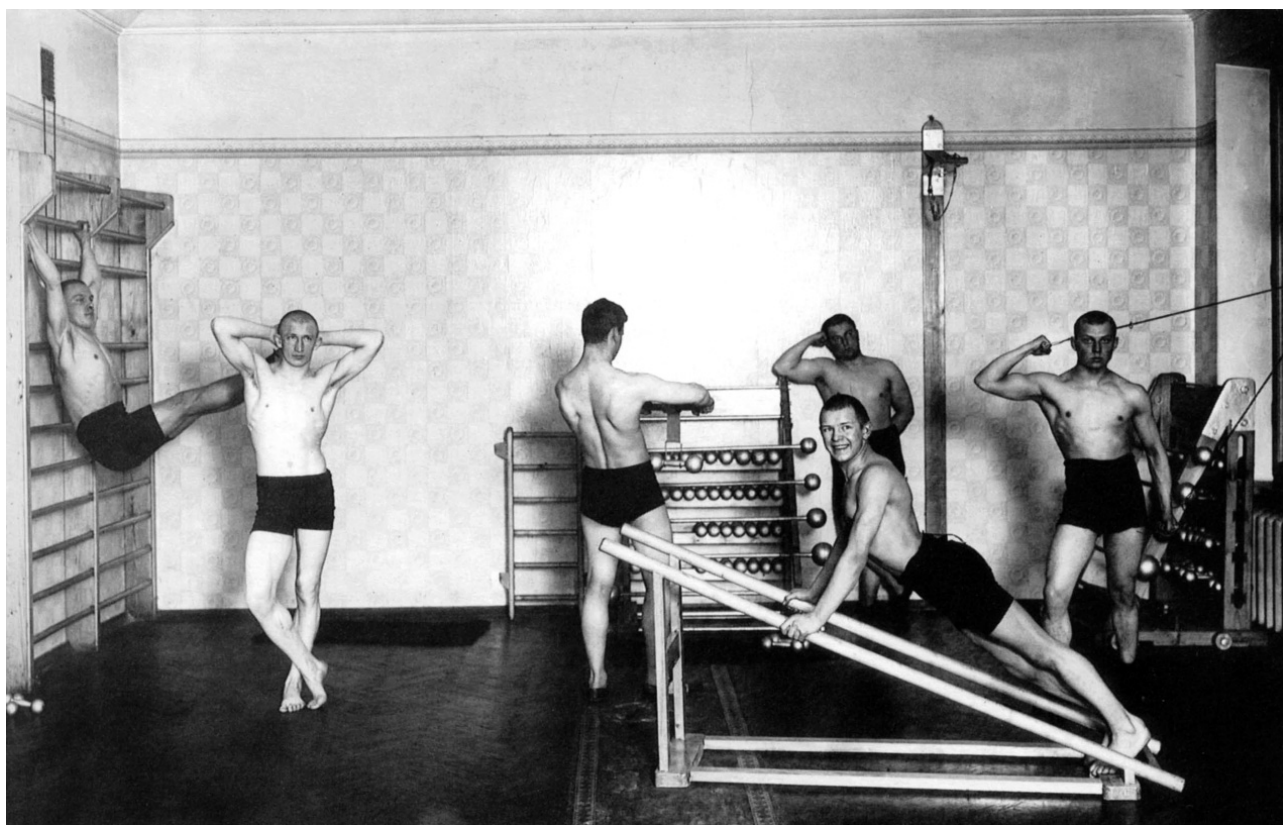
Жителям Толстовского Дома, наверное, пора осознать, что физиология существует у дома в целом, поэтому необходимо максимально осторожно совершать какие-либо действия, связанные с изменением его жизнедеятельности. В Толстовском Доме – как на корабле. Необдуманные действия может совершить один, а тонуть будут все вместе.

Образ трубочиста связан с приметой, что встреча с ним приносит удачу и счастье.
Трубочист в четвертом поколении Сергей Курносов на крыше Толстовского Дома.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ
ТОЛСТОВСКОГО ДОМА
И РЕВОЛЮЦИОННАЯ
СУМЯТИЦА

Посетители заведения А. Л. Круазье «Институт красоты».
Петербург, Толстовский Дом, квартира № 153. 1913 год. Фотограф Карл Булла.

С. Е. Глезеров

ИНСТИТУТ КРАСОТЫ В ТОЛСТОВСКОМ ДОМЕ

Волею судьбы дом графа М. П. Толстого оказался причастен к событиям спортивной истории нашего города и страны начала прошлого века. Это была эпоха, когда спорт постепенно превращался из элитного занятия в общедоступное.

«Спорт уже перестал быть, как раньше, роскошью, доступной только богатому классу, – говорилось в 1909 году в журнале “Спортивное слово”. – Он начал проникать и в массу трудящихся: приказчиков, рабочих и даже крестьян». «Петербуржцы с каждым годом все больше и больше увлекаются спортом. Лет двадцать тому назад спортом у нас занимались только англичане и шотландцы, – замечал в начале XX века обозреватель “Петербургской газеты”. – Теперь все слои общества занимаются спортом».

Именно тогда многие стали задумываться над тем, что в России слишком много увлекаются отвлеченным философствованием, «мудрствованием», и очень мало уделяют внимания собственному телу и физическому здоровью.

«Скоро ли, наконец, в России повсюду поймут, что спорт не баловство, а необходимость для жизни человека, как пища и сон?» – задавал риторический вопрос автор публикации в журнале «Спортивное слово». А обозреватель «Спортивной жизни» возмущался тем, что до сих пор «большинство русского общества смотрит на спорт как на предмет праздной забавы, доступный только людям со средствами, располагающими своим временем. Какой ложный взгляд! Посмотрим на другие страны – Германию, Швецию и особенно Англию, где спортивные упражнения также сделались общенародными и популярными, как национальная гордость, как религиозный культ, как всякая другая неотразимая душевная и телесная потребность»...

Итак, в ноябре 1911 года в Петербурге открылось заведение, ставшее для горожан почти что сенсацией. Это было нечто вроде «института мужской красоты». Официально оно называлось «High life's hall for physical culture», или «Институт красоты и культуры человеческого тела». Разместился институт в знаменитом доме Толстого - на Троицкой ул., дом 15-17 (ныне ул. Рубинштейна), в 153 квартире.

В. И. Пионтковская

В самом стремлении к красоте, конечно, ничего сенсационного не было: в столице в то время существовало немало «кабинетов de Beaute», но все они были предназначены исключительно для дам. Чтобы мужчины озаботились своей красотой – это было что-то новое.

Культ тела вообще не был характерен для России, где на первое место ставилась традиционная русская духовность. Европейская культура несла индивидуализм и уважение своего физического естества, и «институты красоты» пришли к нам именно оттуда.

Нуждались ли петербуржцы в специальной «культуре тела»? По мнению директора открывшегося заведения, доктора А. Л. Круазье, несомненно, да. «Главный дефект интеллигента-петербуржца – его “животик”». Нигде нет такого

большого количества мужчин с животиками, как в Петербурге. И странно, и смешно, что некоторые гордятся своими животами, как когда-то русские бояре гордились своими глинными бородами», – замечал Круазье.

В то же время, по его убеждению, среди простого народа в России гораздо больше красивых, здоровых с виду, хорошо сложенных мужчин, чем во многих странах Европы, где ему довелось побывать. И это несмотря на почти полное равнодушие к занятию гимнастикой и спортом! «В Швеции, где на гимнастику смотрят как на государственную необходимость, где гимнастика и некоторые виды спорта, как всеобщая грамотность, для всех обязательны, все-таки куда меньше красивых в смысле стройности и здорового вида мужчин», – признавался Круазье.

Гимнастике доктор придавал большое значение, а потому включил ее в программу своего института. Как гласила реклама, в заведении широко применялись различные процедуры с использованием горячей и холодной воды, пара, душа, массажа. Все это имело своей задачей «при условии строгой гигиены

М. М. Петипа

и комфорта индивидуальное развитие мускулатуры тела согласно нормам красоты и силы», а также исправление физических «недочетов», как-то: полноты, исхудания, дряблости и сутуловатости.

«Из рыхлой, отяжелевшей, толстой фигуры петербуржца предприимчивое учреждение будет производить Аполлонов Бельведерских, и в самый кратчайший срок», – с иронией писали столичные журналисты. Действительно, «ясные и положительные результаты» гарантировались за 26 уроков. При этом институт работал с 9 утра до 10 часов вечера.

Впрочем, не все однозначно восприняли появление в Петербурге этого нового заведения. «Петербургская газета» провела даже анкетирование известных в столице дам – деятелей культуры, предложив им ответить на вопрос: что делает мужчину красивым?

Как выяснилось из ответов, мужская красота не всегда может служить залогом успеха. «Мужчина должен был джентльменом. В этом его красота», – заявила популярная артистка театра «Палас» Кавецкая. А вот мнение актрисы театра «Пассаж» В. И. Пионтковской: «По-моему, только выдержка и элегантность делают мужчину красивым. Красивых мужчин в общепринятом смысле в Петербурге один на тысячу».

«Лично я не признаю специальной мужской красоты, – признавалась артистка Императорского балета М. М. Петипа. – Я ценю в мужчине больше качества его характера: благородство, характер, сильную волю, мужество. Эти качества и некрасивого мужчину делают красивым, независимо от того, “культивирует” он свое тело гимнастикой и спортом или нет»...

С. Е. Глезеров

СПОРТИВНЫЙ КЛУБ «САНИТАС» И ЛЮДВИГ ЧАПЛИНСКИЙ В ТОЛСТОВСКОМ ДОМЕ

Людвиг Адамович Чаплинский был одной из интереснейших фигур спортивной жизни времен «блестательного Санкт-Петербурга». Принадлежал он к числу убежденных сторонников любительского спорта: считал, что спортом могут и должны заниматься люди всех профессий, и прежде всего люди умственного труда. В 1912 году он создал атлетическое общество «Санитас» («Здоровье»), принимавшее в свой состав всех желающих заниматься атлетикой, независимо от социальной и национальной принадлежности. И только спортсменов-любителей, а не профессионалов.

Родители Чаплинского были польскими повстанцами, высланными царским правительством в Сибирь. Вообще, польское происхождение для Чаплинского и его окружения играло немалую роль. Ведь поляки занимали в ту пору значительное место в спортивном движении Петербурга. Под влиянием сокольского движения в Чехии и Галиции возникло общество «Польский Сокол», которое сотрудничало с петербургской русской организацией «Сокола».

Польская община Петербурга и по сей день очень гордится тем, что многие известные питерские спортсмены имели польские корни. Среди них были доктор Владислав Францевич Краевский – «отец русской тяжелой атлетики», Владислав Алексеевич Пытлясинский – один из первых российских силачей, с успехом вышедший на всемирную арену. Подобные достижения воспринимались современниками не только как спортивные дела: они служили доказательством национального самоутверждения народов, находившихся под «гнетом» Российской империи.

Правда, факт репрессий родителей вовсе не помешал в 1901 году Людвигу Чаплинскому с похвальным листом окончить красноярскую губернскую гимназию и приехать учиться в Петербург. Еще будучи студентом-политехником, он увлекся атлетическим спортом и в 1902 году принял участие в создании спортивного кружка при институте. Для достижения этой цели он добился ассигнования значительных средств, на которые оборудовали отделы гимнастики, атлетики, бокса, фехтования и лаун-тенниса.

Сотрудники журнала «Сила и здоровье». Нижний ряд, слева направо: доктор медицины В. Н. Песков, редактор журнала Г. И. Трунн, А. К. Боанэ, Е. И. Михайловская. Верхний ряд, слева направо: С. М. Фихтенгольд, И. С. Марголин (секретарь редакции), председатель общества «Санитас» Л. А. Чаплинский. Фото 1910-х годов

Закончив учебу, Чаплинский поступил на службу в банк. Карьера молодого человека складывалась удачно, работа была денежной, так что он смог снять квартиру в Толстовском Доме. Однако, работая в банке, Чаплинский не оставлял своих спортивных занятий. В самой большой комнате своей квартиры он оборудовал превосходный спортивный зал, приобрел штанги, гантели, гири и ковер для борьбы. Зал стал местом тренировок и встреч многих друзей Чаплинского, а также спортивных «звезд» Петербурга.

Тяжелая атлетика стала главным делом Чаплинского. Он много занимался сам, три года подряд (в 1913, 1914 и 1915) был чемпионом России по тяжелой атлетике. Завоевал третий приз на первенстве мира 1915 года. Занимался он и другими видами спорта – боксом, фехтованием, прыжками, борьбой, греблей. Прославился Людвиг Чаплинский и как отличный организатор. Он проводил соревнования по тяжелой атлетике среди юниоров по весовым категориям.

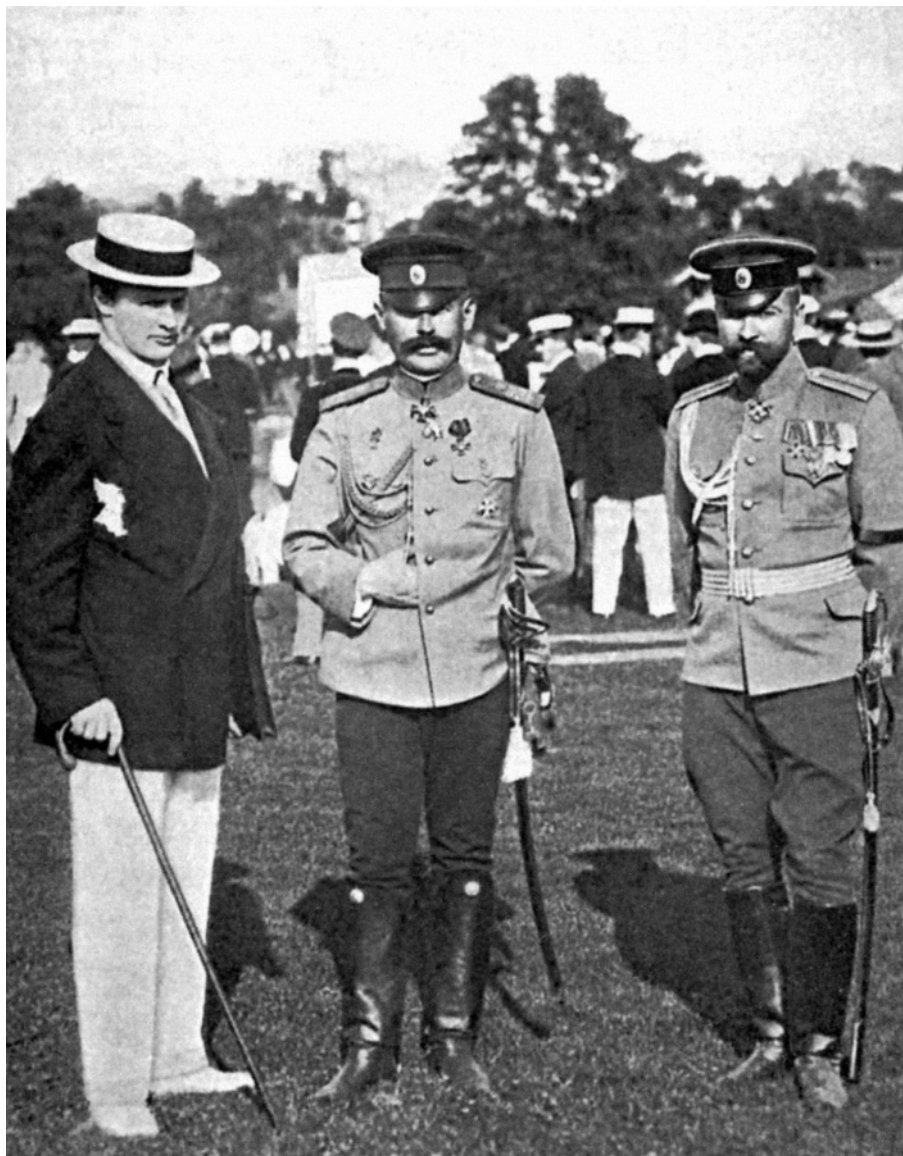
В 1913 году он стал председателем созданного первого Всероссийского союза тяжелой атлетики, активно участвовал в организации первых всероссийских

олимпиад в Киеве и Риге – в 1913 и 1914 годах. Не только в Петербурге, но и во многих уголках России Чаплинского знали как деятельного пропагандиста тяжелой атлетики. Последним его детищем было всероссийское спортивное товарищество «Спортивная жизнь», издававшее журнал «Стадион».

Всероссийский и Всемирный союзы тяжелой атлетики, созданные по инициативе Чаплинского, способствовали организованному выходу русских атлетов-любителей на европейскую арену, а также появлению первых официально признанных мировых рекорсменов. Ими стали петербуржцы Л. Чаплинский и П. Херудзинский, москвич Александр Бухаров, рижанин Ян Краузе, которого в Европе называли «атлетом-феноменом».

Первая мировая война не оставила в стороне Людвига Чаплинского. Летом 1916 года он отправился добровольцем на фронт – в артиллерию. Возвратясь в июне на некоторое время в Петроград, он с воодушевлением делился впечатлениями фронтовой жизни. «Спортсмену окопная жизнь нипочем», – говорил он. В начале октября 1916 года газеты донесли печальную весть: «смертью храбрых пал на фронте один из видных русских спортсменов петроградец Людвиг Адамович Чаплинский»...

Главнаблюдающий за физическим развитием народонаселения Российской империи генерал-майор В. Н. Воейков (в центре), председатель Всероссийского союза легкой атлетики капитан В. И. Сарнавский (справа) и председатель петербургского общества «Санитас» Л. А. Чаплинский (слева). Иллюстрация из журнала «Русский спорт», 1914 год.

А. Б. Николаев

КОНТРАЗВЕДЧИК ВЛАДИМИР ЯКУБОВ – ЖИТЕЛЬ ТОЛСТОВСКОГО ДОМА¹

Одним из жителей «Толстовского Дома» был В. М. Якубов. К сожалению, пока не установлено, в какой из квартир этого дома он проживал. До сегодняшнего дня не было написано и биографии этого человека, хотя упоминания о нем частенько встречаются в работах, посвященных истории российской контрразведки. И это не удивительно! В царской России он дослужился не только до полковничьего чина, но и был начальником Контрразведывательного отделения Штаба Петроградского военного округа (КРО ШПВО), награжден орденами св. Станислава 3-й и 2-й степеней, св. Анны 2-й степени, св. Владимира 4-й степени.

Родился **Владимир Михайлович Якубов** 17 февраля 1868 года в семье потомственного дворянина. Образование получил в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе и 3-м военном Александровском училище по 1-му разряду.

В 1888 году направлен в 3-й кубанский пластунский батальон².

Хорунжий с 7 августа 1887 года, сотник с 7 августа 1891 года³.

В 1894 году Якубов был прикомандирован к штабу Отдельного корпуса жандармов «для испытания по службе и дальнейшего перевода в корпус», а в апреле 1895 года переведен в Отдельный корпус жандармов⁴.

С 11 апреля того же года он был назначен адъютантом Рязанского губернского жандармского управления, а с 7 апреля 1897 года – исполняющим дела помощника начальника Донского областного жандармского управления⁵ по Усть-Медведицкому и Хоперскому округам⁶.

¹ При подготовке данной статьи мне оказывали различную помощь Е. А. Деревнина, С. В. Волков, А. А. Иванов, Ю. Х. Тотров и П. А. Трибунский, за что я их и благодарю.

² *Старков Б. А.* Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб., 2006. С. 182.

³ *Абисогомян Р.* Роль русских военных деятелей в общественной и культурной жизни Эстонской республики 1920–1930-х гг. и их литературное наследие. Диссертация на соискание ученой степени *magister atrium*. Тарту, 2007. С. 116.

⁴ *Старков Б. А.* Указ. соч. С. 182.

⁵ *Абисогомян Р.* Указ. соч. С. 116.

⁶ *Абрамов В.* Контрразведка: шит и меч против Абвера и ЦРУ. М., 2006. С. 241. *Колпакиги А., Север А.* Спецслужбы Российской Империи: уникальная энциклопедия. М., 2010. С. 322.

Штаб-ротмистр с 6 декабря 1897 года.

С 28 января 1900 года помощник начальника Подольского ГЖУ.

С 7 января 1902 года помощник начальника Полтавского губернского жандармского управления по Лубенскому и Миргородскому уездам⁷, а с мая 1903 года помощник начальника того же управления в Полтаве⁸. С 16 октября 1906 года помощник начальника того же ГЖУ в Полтавском, Константиноградском, Кобелякском и Миргородском уездах.

В 1908 года был переведен в Санкт-Петербург, где с 28 июля того же года состоял в резерве при Санкт-Петербургском губернском жандармском управлении⁹.

Служба в Петербурге проходила успешно. Вскоре он дослужился до подполковника (с 26 февраля 1909 г.). По словам историка российской контрразведки Б. А. Старкова, «В. М. Якубов особо отличился, когда вместе с начальником Санкт-Петербургского охранного отделения М. Ф. фон Коттенем оказал «Военному министерству весьма ценное содействие по ликвидации военно-шпионских дел барона Унгерна фон Штернберга и капитана Постникова»¹⁰. Эти дела, ликвидированные соответственно в 1910 и 1911 гг.¹¹, видимо, были учтены при новом назначении подполковника Якубова, но уже на должность, связанную непосредственно с контрразведкой. Как пишет Старков, «для быстрого обмена информацией и для взаимодействия контрразведывательных подразделений военных округов с 1 ноября 1911 г. при Особом делопроизводстве Огенквара ГУГШ¹², которое возглавлял профессиональный разведчик Н. А. Монкевиц, начало работу Центральное регистрационное бюро». Руководителем ЦРБ и был назначен В. М. Якубов. Любопытно, что оно располагалось в д. 13/6 по Саперному переулку¹³, т. е. там же, где в 1908 – 1912 гг. проживал Якубов¹⁴. Заметим, что официально он числился помощником делопроизводителя Особого делопроизводства Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ. Руководя ЦРБ, В. М. Якубов создал картотеки, которые содержали, как пишет Старков, «сведения регистрационно-статистического значения по военному шпионажу, полученные от всех отделений контрразведки». Всего было пять картотек, которые наполнялись следующими карточками учета: «а) на лиц, причастных к военному шпионажу; б) на лиц,

⁷ Абисогомян Р. Указ. соч. С. 116.

⁸ Абрамов В. Указ. соч. С. 241; Колпакиди А., Север А. Указ. соч. С. 322.

⁹ Абисогомян Р. Указ. соч. С. 116.

¹⁰ Старков Б. А. Указ. соч. С. 182.

¹¹ Там же. С. 183–184.

¹² Огенквар ГУГШ – Отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба.

¹³ Старков Б. А. Указ. соч. С. 182.

¹⁴ Весь Петербург на 1909 год. Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. СПб., 1909. С. 926; Весь Петербург на 1910 год. СПб., 1910. С. 992; Весь Петербург на 1911 год. СПб., 1911. С. 1047; Весь Петербург на 1912 год. СПб., 1912. С. 1057.

подозревавшихся в нем; в) на лиц, уволенных из контрразведки; г) на лиц, предлагавших ей свои услуги, но по каким-либо причинам отвергнутых; д) на лиц, чьи имена появлялись в газетах в связи с данными о шпионаже»¹⁵. Не исключено, что существовали правила (инструкции), по которым велись эти картотеки, заполнялись карточки. Можно лишь предположить, что эти карточки, во-первых, шли под литерами «А», «Б» и т.д., во-вторых, были разных цветов. Дело в том, что использование литер и расцветки было присуще для правоохранительных органов царской России¹⁶, выходцем из которых и являлся Якубов. Кстати, разноцветные карточки учета использовались КРО ШПВО при составлении картотек в 1917 году¹⁷. Точно же известно, что «карточки учета должны были храниться в течение 50 лет»¹⁸.

В 1913–1914 гг. подполковник Якубов проживал по адресу – ул. Надеждинская, д. 13¹⁹. В 1914 году он выехал из Петербурга к новому месту службы – в Одессу. Этому предшествовали следующие события: в 1913 году ЦРБ было присоединено к Санкт-Петербургскому городскому КРО²⁰; ²¹, переименованному в апреле 1914 года в КРО ГУГШ²². Числясь прикомандированным с 5 июня 1914 года к Одесскому жандармскому управлению²³, Якубов возглавил КРО Штаба Одесского военного округа²⁴. Трудно сказать, была ли отправка Якубова в Одессу почетной ссылкой. Скорее всего, новое назначение можно рассматривать, во-первых, как повышение, во-вторых, как временную меру,

¹⁵ Старков Б. А. Указ. соч. С. 184.

¹⁶ См. подробн.: *Перегудова З. И.* Источник для изучения социал-демократического движения в России (материалы фонда Департамента полиции) // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 95.

¹⁷ В частности, большевистский раздел «особой картотеки на представителей различных партий и групп, действовавших в России до октября 1917 года» КРО ШПВО включал около 500 карточек красного цвета и назывался среди контрразведчиков «красной картотекой» (Иванов В. Компроматы красной картотеки. Что искал Сталин в ленинградских архивах // Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки. 1998. С. 28).

¹⁸ Старков Б. А. Указ. соч. С. 184.

¹⁹ *Весь Петербург на 1913 год.* СПб., 1913. С. 744; *Весь Петербург на 1914 год.* СПб., 1914. С. 778.

²⁰ Во главе Санкт-Петербургского городского КРО стоял подполковник ОКЖ В.А. Ерандаков (Абрамов В. Указ. соч. С. 6).

²¹ *Каширин В.* Разведчики военного шпионства. Контрразведка последнего императора // Родина. 2008. № 12. С. 29.

²² *Абрамов В.* Указ. соч. С. 7. После реформирования в начале августа 1915 года КРО ГУГШ получило наименование Центрального военно-регистрационного бюро. Возглавлял его подполковник ОКЖ князь В.Г. Туркестанов (Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004. С. 35–36)

²³ *Абисогомян Р.* Указ. соч. С. 116.

²⁴ *Попова С. С.* Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010. С. 582.

направленную на то, чтобы в дальнейшем использовать его на службе по контрразведке в столице.

Сведений о деятельности Якубова в Одесском военном округе в годы Первой мировой войны сохранилось немного. Известно, что в сентябре 1914 года в поле его зрения попал некий Юлий Энгель, занимавшийся переадресовкой писем от разных лиц на имя Германа Вольфа. Якубов для установления адресатов разослал «циркуляры в соответствующие округа». В результате этого контрразведка Минского военного округа сумела выйти на помещика Пинского уезда, лесопромышленника Лейзера Розенберга. В ходе его разработки были получены «данные о методах и формах работы немецкой разведки»²⁵. С 1915 г. Якубов был помощником начальника разведывательного отделения штаба 7-й армии²⁶.

В 1916 году Якубов был отозван в Петроград, где с 20 июня того же года числился прикомандированным к Петроградскому губернскому жандармскому управлению. Исполняющий дела генерал-квартирмейстера генерал-майор Генерального штаба М. И. Занкевич писал 15 марта 1917 г., что В. М. Якубов «как один из опытейших офицеров по службе контрразведки был назначен начальником Контр-разведывательного отделения при Штабе Петроградского военного округа»²⁷. С 5 октября 1916 г. полковник Отдельного корпуса жандармов²⁸. В 1916 – 1917 гг. Якубов проживал по адресу: наб. Фонтанки, д. 54²⁹.

Вступив в должность начальника КРО ШПВО, В. М. Якубов способствовал развитию системы внешнего контршпионажа. В. Абрамов утверждает, что в том числе и по его инициативе «были организованы т. н. «контрразведывательные пункты» в Швеции, Дании, Голландии, Швейцарии, занимавшиеся наблюдением за резидентурами немецкой и австрийской разведок в этих странах, внедрением агентуры»³⁰. Аргументируя насущную потребность развития системы внешнего контршпионажа, В. М. Якубов писал в докладе на имя начальника штаба ПВО 25 июня 1916 г.: «Считая, что борьба с иностранным шпионством имеет своей целью не только принятие тех или иных общих мероприятий, препятствующих развитию в пределах России иностранного соглядатайства <...>, но, главным образом, агентурное освещение деятельности вражеских разведывательных органов и отдельных лиц за границей и в империи, полагалось бы особенное внимание в

²⁵ *Надгачаев В.* Военная контрразведка на Западном фронте в период Первой мировой войны // Армия. Журнал Вооруженных сил Республики Беларусь. 2003. № 1. С. 34.

²⁶ *Абрамов В.* Указ. соч. С. 241; *Колпакиди А., Север А.* Указ. соч. С. 323.

²⁷ Цит. по: *Попова С. С.* Указ. соч. С. 582.

²⁸ Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов исправлен по 10 октября 1916 г. Пг., 1916. С. 352.

²⁹ *Весь Петроград на 1917 год.* Адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг., 1917. С. 800.

³⁰ *Абрамов В.* Указ. соч. С. 9.

деле борьбы с иностранным военным шпионством уделить развитию местной и заграничной агентурной сети»³¹.

В дни Февральской революции 1917 года органы контрразведки в Петрограде были подвергнуты разгрому. Важную роль в уничтожении старой контрразведки сыграла Военная комиссия Временного комитета Государственной думы (ВК ВКГД). В частности, ВК ВКГД отдала приказ об аресте всего состава КРО ШПВО. 28 февраля 1917 г. в 10 час. 45 мин. председатель ВК ВКГД депутат IV Думы Б.А. Энгельгардт подписал приказ на имя наездника Сергея Архипова «арестовать на Знаменской ул., 41 контрразведочное отделение штаба округа и начальника сего отделения полк[овника] Якубова (Фонтанка, 54)». Для выполнения задания Архипову был выделен отряд в 50 человек³². Видимо, приказ был выполнен уже после того, как толпа разгромила помещение КРО. Во всяком случае, Якубов писал 7 марта 1917 г., что 28 февраля его вечером привезли в Государственную думу, где он доложил депутату М. И. Пападжанову о разгроме КРО. Видимо, именно Пападжанов, занимавший тогда пост председателя Комиссии Временного комитета Государственной думы по принятию задержанных военных и высших гражданских чинов (Высшая следственная комиссия – ВСК), снял с Якубова показания. Затем, по словам Якубова, он встретился с членом Временного комитета Государственной думы М. А. Карауловым, который выдал ему пропуск³³. Судя по всему, Якубов заявил о своем переходе на сторону революции и подчинении КРО ШПВО Военной комиссии ВКГД. Тогда же или несколько позднее ВК ВКГД заняла своими караулами помещение КРО ШПВО³⁴.

Вместе с тем в ВК ВКГД были силы, заинтересованные в смещении и аресте всех жандармов, находившихся на службе по Военному ведомству. В начале марта член ВК ВКГД капитан А. А. Чиколени записал для памяти: «Арестовать жанг[армского] полковника Якубова»³⁵. 6 марта П.И. Пальчинский подписал за председателя ВК ВКГД предписание за № 1371 на имя корнета Егеазарова «немедленно арестовать жандармского полковника Якубова и препроводить в Следственную комиссию». В левом нижнем углу подлинника документа от руки приписано: «Принят III/6-1917 г. чл[еном] Госуд[арственной] д[умы] [Ф. В.] Черячукиным»³⁶. Якубов писал о

³¹ Цит. по: *Иванов А. А.* Рожденная контрреволюцией: борьба с агентами врага. М., 2009. С. 47.

³² *Ф. Д.* Февральская революция в Петрограде (28 февраля – 1 марта 1917 г.) // Красный архив. 1930. Т. IV–V (XLI–XLII). С. 81.

³³ ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 166. Л. 4.

³⁴ *Никитин Б. В.* Роковые годы. М., 2000. С. 5–6.

³⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 55. Л. 33.

³⁶ Там же. Л. 26; В деле имеется и отпуск предписания (Там же. Л. 27). См. также об аресте В. М. Якубова: *Николаев А. Б.* 1) Временный комитет Государственной думы, Временное правительство и вопросы контрразведки в феврале-марте 1917 года // Из глубины времен. 2000. № 12. С. 22–23; 2) Революция и власть: IV Государственная Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года / Научн. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2005. С. 456–457.

своем аресте следующее: «6 марта явился в Военную комиссию с рапортом. Встретив меня капитан Чиколини, узнав, что моя фамилия Якубов, заявил, что я должен быть арестован, т.к. служу в Корпусе жандармов. Я возразил – я служу в контрразведке уже 6 лет и к Охр[анному] отд[елению] и Жанд[армскому] упр[авлению] не имею отношения». Якубов утверждал, что показал Чиколини пропуск, выданный Карауловым. Но оказалось, что предписание Пальчинского обладало большей силой, чем пропуск за подписью Караулова! Якубов писал: «Чиколини пропуск посмотрел, но все же приказал меня арестовать»³⁷. Содержался Якубов в комнате № 36 Таврического дворца³⁸ и состоял за Высшей следственной комиссией³⁹.

В защиту Якубова выступил исполняющий дела генерал-квартирмейстера М. И. Занкевич, который в дни Февральской революции, являясь начальником войсковой охраны Петрограда, оказался в сговоре с одним из руководителей восстания – А. И. Гучковым⁴⁰. В своем письме от 15 марта 1917 г. в ВСК Занкевич дал высокую оценку профессиональным качествам Якубова как контрразведчика. В этот же день ВСК выдала В.М. Якубову пропуск за № 369 на право выхода из Таврического дворца⁴¹. В дальнейшем он числился в резерве чинов Штаба Петроградского военного округа. 4 августа 1917 г. Якубов давал показания комиссии следователя по особо важным делам Петроградской судебной палаты П. А. Александрова⁴², которая должна была изучить обстоятельства, связанные с событиями 3–5 июля в Петрограде.

После этого следы Якубова на некоторое время потерялись. Историки даже считали, что он погиб в 1918 году во время «красного террора». В частности, о том, что он был расстрелян писала С. С. Попова⁴³, а вслед за ней и В. Абрамов⁴⁴. Эта версия возникла благодаря публикации сообщения по прямому проводу от 3 марта 1935 г. Н. Г. Николаева Г. Г. Ягоде о ходе операции по «Бывшим людям». В сообщении, среди 12 человек, переданных «в оперативные отделы для углубленной проработки», указывался Константин Михайлович Якубов (он шел девятым в списке), о котором были даны следующие сведения: «1882 г[ода] р[ождения], дворянин, быв[ший] пом[ощник] нач[альника] тюрьмы, брат жандармский офицер, расстрелян в 1918 г., работал землекопом

³⁷ ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 166. Лл. 4 об.–5.

³⁸ Там же. Л. 3.

³⁹ Комиссия располагалась в комнате № 34, а в комнатах №№ 35, 35а и 36 помещались арестованные, состоящие за ней (*Перети Г.Г. Г.П. (полк. Г.Г. Перети)*). В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля – 23 марта 1917 г. Репринтное воспроизведение / Послел. А.В. Островского. СПб., 1997. С.77.

⁴⁰ См. подробн.: *Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 199–200.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 166. Л. 16.

⁴² *Попова С.С.* Указ. соч. С. 582.

⁴³ Там же.

Ленпромстроя<...>⁴⁵. Опираясь на эти непроверенные данные, современные историки и превратили В. М. Якубова в жертву «красного террора».

Как выяснилось, В. М. Якубов сумел покинуть Петроград и боролся против большевиков в рядах Северо-Западной армии: с 5 ноября 1919 г. находился в распоряжении генерал-квартирмейстера Штаба СЗА, а с 7 декабря 1919 г. – в резерве чинов СЗА⁴⁶. С. В. Волков в личном письме сообщил нам, что Якубов до декабря 1919 г. служил в КРО Штаба СЗА.

После разгрома СЗА Якубов жил в Эстонии, где работал на лесозаготовках Кренгсгольмской мануфактуры. Принимал участие в общественно-политической жизни русских эмигрантов, являясь членом Нарвского отдела Союза русских военных инвалидов⁴⁷. В частности, был секретарем собрания этой организации, проходившего 27 октября 1931 года в помещении общества «Святогор»⁴⁸. О дальнейшей жизни Якубова в Эстонии, а также о судьбе его жены и единственного сына ничего неизвестно.

6 октября 2012 г.

⁴⁴ *Абрамов В.* Указ. соч. С. 241.

⁴⁵ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 622–623.

⁴⁶ *Бойков В. А.* Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918–1920 гг.). Таллинн, 2009. С. 372.

⁴⁷ *Абисогомян Р.* Указ. соч. С. 116.

⁴⁸ Там же. С. 83.

А. Б. Николаев

**ЧЛЕН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
СЕРГЕЙ ВАРУН-СЕКРЕТ –
ЖИТЕЛЬ ТОЛСТОВСКОГО ДОМА**

С 1912 года в Толстовском Доме, в 157 квартире жил член Государственной думы первого, второго и четвертого созывов Сергей Тимофеевич Варун-Секрет. Предлагаем Вашему вниманию небольшую энциклопедическую статью об этом историческом деятеле.

Варун-Секрет Сергей Тимофеевич (1 сентября 1868, Елисаветград Херсонской губернии – 30 апреля 1962, Кормей-ан-Паризи, пригород Парижа) – депутат I, II и IV Государственной думы от Херсонской губернии.

Русский. Православный. Из потомственных дворян Херсонской губернии, титулярный советник (1911). Окончил гимназию, Петровский кадетский корпус в Полтаве и Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду (1888); выпущен в корнеты в 21-й драгунский Белорусский полк. С 1890 в отставке. Жил в своем имении в Елисаветградском уезде, где занимался сельским хозяйством. Гласный Елисаветградского уездного (1898-1913) и Херсонского губернского земских собраний (с 1902). Почетный мировой судья по Елисаветградскому уезду (с 1898). Кандидат в земские начальники при Елисаветградском уездном съезде (1899). Земский начальник 8-го участка Елисаветградского уезда (1899–1904). Председатель Елисаветградской уездной земской управы (с 1904); уволен от должности в связи с избранием в I Государственную думу. Член Учетно-ссудного комитета Елисаветградского отделения Государственного банка по сельскохозяйственным кредитам (с 1905). Крупный землевладелец Елисаветградского уезда (1870 десятин земли родового имения при д. Софиевка Татаровской волости и 1004 десятины земли приобретенной при д. Елисаветовка Маловисковской волости).

Женат. Жена: Александра Михайловна, урожденная Величковская. Дети: Вера (30 октября 1892–?); Борис (1 января 1894–?); Елизавета (24 февраля 1895–?); Евгений (5 августа 1896–?).

Награды: ордена св. Анны 3-й ст. (1902), св. Станислава 2-й ст. (1905).

На выборах в I, II и IV Государственную думу состоял выборщиком по Елисаветградскому уезду от съезда землевладельцев. Избирательный ценз – земля, личный. 14 апреля 1906 избран в I Думу. Входил во фракцию партии мирного обновления. Выступал по аграрному вопросу и по докладу 4-го отдела Думы о проверке прав ее членов от Бессарабской губернии.

Во время выборов во II Государственную думу по официальным сведениям «вел значительную пропаганду в пользу партии 17 октября, человек незначительного ума; значение его и влияние на месте ничтожно, ищет карьеры». 6 февраля 1907 избран во II Думу при баллотировке кандидатов из числа выборщиков от съездов землевладельцев во время первоначальных выборов. На них получил 75 избирательных и 5 неизбирательных голосов. Приккнул к фракции «Союза 17 октября». Член комиссий: финансовой, прогдовольственной, для подсчета избирательных записок при избрании товарища секретаря Думы. Выступал по вопросам: об отмене военно-полевых судов и аграрному.

После роспуска II Государственной думы – на земской работе и одновременно Елисаветградский уездный предводитель дворянства (1907-1910). Почетный мировой судья (с 1907) и член Совета по делам местного хозяйства (с 1908). Вновь избран председателем Елисаветградской уездной земской управы (с 1911). Получал по этой должности 4800 руб. в год.

18 октября 1912 избран в IV Государственную думу при баллотировке кандидатов из числа выборщиков от съездов землевладельцев во время первоначальных выборов. На них получил 96 избирательных и 23 неизбирательных голосов. В Думе входил во фракцию «Союза 17 октября» (один из ее руководителей), а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – во фракцию земцев-октябристов. Член Президиума Государственной думы. Товарищ председателя Государственной думы (с 26 ноября 1913-3 ноября 1916). Подать в отставку с этого поста был вынужден после антиправительственной речи П. Н. Милюкова, произнесенной в Думе 1 ноября 1916. В ней Милюков процитировал выдержку из немецкой газеты «Neue Freie Presse», в которой назначение Б. В. Штюмера председателем Совета министров связывалось с победой придворной партии, группировавшейся вокруг императрицы («Das ist der Sieg der Hofpartei, die sich um die junge Zarin gruppiert»). Тем самым Милюков совершил двойной проступок: произнес часть речи по-немецки и оскорбил императрицу упоминанием ее имени в компании с «распутинской партией», благодаря которой, как считается, прошел в премьеры Б. В. Штюмер. С. Т. Варун-Секрет, председательствовавший в заседании, не обратил внимание на «иностранный»

часть речи П. Н. Милюкова и не наказал его. Благодаря цензуре М. В. Родзянко опасный пассаж был изъят из официальной стенограммы, но копии полного текста выступления лидера кадетов Милюкова получили широкую известность. Б. В. Штюрмер на состоявшемся вечером того же дня совещании правительства настаивал на роспуске Думы, но затем отказался от этой идеи.

Варун-Секрет работал в гумских комиссиях: для обсуждения участия Государственной думы в ознаменовании 300-летнего юбилея царствования Дома Романовых (председатель), распорядительной, по местному самоуправлению, о борьбе с немецким засильем, о народном здравии (вышел в декабре 1916). Член Прогрессивного блока; по некоторым сведениям входил в состав бюро блока, но участия в его заседаниях не принимал. С 20 февраля 1917 находился в отпуске впродолжение выздоровления.

В С.-Петербурге (Петрограде) жил по адресу: **ул. Троицкая, д. 15, кв. 157 (с осени 1912); ул. Большая Конюшенная, д. 21 (1916/1917).**

27 февраля 1917 находился в Таврическом дворце. Принимал участие в частном совещании членов Государственной думы в Полуциркульном зале. После Февральской революции назначен 10 марта 1917 Елисаветградским уездным комиссаром Временного правительства и Временного комитета Государственной думы; 15 марта вступил в должность комиссара по городу и уезду. 25 марта телеграфировал из Елисаветграда в Государственную думу:

«На ваш призыв население откликнулось и из разных концов уезда [в] управу поступают для армии пожертвования хлебом и деньгами. Постановления сельских обществ по поводу жертвований сопровождаются заверениями о непреклонном исполнении распоряжений Думы и нового правительства».

В середине апреля 1917 г., сложив с себя полномочия председателя Елисаветградской уездной земской управы и комиссара, инициировал разделение этих должностей и выборы нового председателя управы и комиссара, с последующим утверждением последнего Временным правительством. Избран на должность комиссара 85 голосами против 4. После избрания указал, что «задача комиссара, как представителя Временного правительства, следить за исполнением закона и распоряжений правительства». Вместе с тем указал, что «считает своей обязанностью принимать во внимание желание населения».

Октябрьской революции не принял. Боролся против Советской власти. В 1919 г. – товарищ министра внутренних дел на Украине при гетмане Скоропадском. Эмигрант. Жил в Германии (с 1920). Один из основателей Русской национально-демократической партии (1921). Председательствовал на Русском монархическом съезде (Берлин, март 1922). Осенью 1922, находясь в Гамбурге, написал статью «Протопопов и русская общественность», которая так и не была опубликована. Предполагал приступить к написанию записок комиссара Временного правительства, о чем сообщил в письме от 1 ноября 1922 редактору «Русской

летописи» С. Е. Крыжановскому. В 1948 руководил образованием Выборного комитета по организации представительства русской эмиграции во Франции.

Умер в Русском старческом доме Земгора. Похоронен на местном кладбище в пригороде Парижа Кормей-ан-Паризи.

Литература:

Биографии и портреты бывших членов Государственной думы. Первая сессия. СПб., 1906;

Боиович М. М. Члены Государственной думы (портреты и биографии). Четвертый созыв. 1912–1917 г. М., 1913;

Четвертая Государственная Дума. Портреты и биографии. Издание Н. Н. Ольшанского. СПб., 1913;

4-й созыв Государственной думы. Художественный фототипический альбом с портретами и биографиями. Издание Н.Н. Ольшанского. СПб., 1913;

Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг., 1917;

Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь, 1995; *Демин В. А.* Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996;

Чуваков В. Н. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1997. М., 1999. Т. 1;

Виттенберг Б. М. Биографический словарь / *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001;

Николаев А. Б. Варун-Секрет Сергей Тимофеевич//Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008; Российское зарубежье во Франции 1919–2000 / Под общ. ред. Л. Мнухина. М., 2008. Т. 1.

Архивы:

РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 72; Л. 12 об., 22; Оп. 2. Д. 1333. Л. 62 об.; Оп. 5. Д. 1348. Л. 21; Оп. 9. Д. 115. Лл. 1–4; Оп. 10. Д. Д. 28. Л. 3; Ф. 1327. Оп. 1. Д. 141. Л. 104 об.; Д. 143. Л. 154 об.;

ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 852 б. Л. 122 об. (сообщила И. А. Анисимова).

В. Д. Миленко

ПИСАТЕЛЬ АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО – ЖИТЕЛЬ ТОЛСТОВСКОГО ДОМА

Выдержки из книги: В. Д. Миленко. Аркадий Аверченко. М.: Молодая гвардия, 2010. – 327 с. (Серия: «Жизнь замечательных людей» Вып. 1226).

* * *

Из главы «**Новый Сатирикон**»

...Наладив работу журнала, Аверченко, Радаков и Ре-Ми более не баловали своими посещениями редакцию – механизм уже был запущен и не давал сбоев. Радаков не утруждал себя даже тем, чтобы приносить рисунки – за ними посылали к нему домой. У Аркадия Тимофеевича также наконец-то появилась возможность принимать по рабочим делам «у себя». В 1913 году он стал настолько обеспеченным человеком, что смог снимать трехкомнатную квартиру в новом доходном доме графа М. П. Толстого, 15–17 на улице Троицкой (ныне Рубинштейна). Это здание, выстроенное в 1912 году по проекту архитектора Ф. Лигваля в стиле «северного модерна», и по сей день архитектурная достопримечательность Петербурга. Здесь у Аркадия Аверченко впервые в жизни появился свой собственный угол! Его детские годы прошли в тесноте, об удобствах на Брянском руднике или в Харькове говорить не приходится. В первые петербургские годы писатель скитался по меблированным комнатам. И вот, наконец, первая в жизни (забежим вперед – и последняя!) своя, постоянная квартира.

Давайте мысленно посетим Аркадия Тимофеевича. Свернем с улицы Рубинштейна в полукруглую арку, украшенную готическим фонарем из кованого железа. Перед нами двор «Толстовского Дома» с великолепными аркадами, уходящими в сторону набережной Фонтанки. Писатель живет в первом подъезде справа. Он уже увидел нас, ведь окно его рабочего кабинета смотрит на входную дверь парадного подъезда. Нам нужен второй этаж, квартира 203. Но подыматься не придется – в доме работает паровой лифт.

Дверь нам открывает сам хозяин и приглашает войти в просторную прихожую.

– Ну вот, это моя квартира, – говорит он. – Я ей доволен. Центральное отопление, горячая вода, телефон. Что же еще нужно?... Район хороший – Пять углов. Опять же до работы недалеко – улица выходит на Невский недалеко от редакции «Нового Сатирикона».

Прямо перед нами – дверь в рабочий кабинет. Зайдем. Большая комната, стены обтянуты сукном лилового цвета, огромная библиотека. У окна письменный стол. Аркадий Тимофеевич смеется:

– Здесь ежедневно происходит глухая, тайная, свирепая борьба между мной и моей горничной Надей. Каждое утро я просматриваю корреспонденцию, счета... Прочитанное и более не нужное бросаю на пол. Ухожу в редакцию. Приходит Надя, подметает пол, подымает с него все бумаги, тщательно разглаживает и засовывает между подсвечником и часами на письменном столе. Вечером прихожу я, эту пачку снова швыряю на пол. Утром приходит Надя и снова ее всовывает... Мы никогда не говорим об этом: ведь смертельно враждующие армии не ведут между собой переговоров!

Разумеется, хозяин шутит – С Надей у него прекрасные отношения.

Из кабинета дверь ведет в спальню. Здесь на стенах сукно спокойного, синего цвета. Рядом с кроватью, заваленной книгами и газетами, как ни странно, грамплеер и... штанги! Аркадий Тимофеевич снова улыбается:

– Самое скучное занятие для человека – одеваться. Я это делаю под музыку. Завязываешь ботинки – и слушаешь Собинова! А штанги... Не удивляйтесь – люблю иногда поупряжнять мускулы.

Третья комната – столовая и приемная одновременно. Фрукты в вазах, живые цветы, кремовые обои. На стенах – полотна Репина, Билибина, Добужинского, Бенуа, близкого друга Ре-Ми...

Окна кабинета, спальни и столовой выходят во внутренний двор. Внизу снуют прохожие. Невольно хочется спросить Аркадия Тимофеевича, кто еще из знаменитостей живет здесь? Он охотно рассказывает:

– Горжусь тем, что живу в одном доме с Людвигом Чаплинским – трехкратным чемпионом России по тяжелой атлетике. Кстати, в нашем доме работает спортивный зал Чаплинского «Санитас». Мы с Куприным посещаем его, когда есть время. Часто вижу Александра Ивановича Спиридовича. Ну, вы же знаете, кто это? Это начальник императорской дворцовой охраны. Помните, у него были крупные неприятности в 1911 году, после убийства Столыпина. Он даже был под судом, но дело прекратили по настоянию императора... Самая примечательная личность в нашем доме – князь Михаил Михайлович Андроников. Да-да, тот самый – из окружения Распутина! Иногда Григорий Иванович с компанией приезжают сюда ночью, страшно шумят, буют всех жильцов.

Аркадий
Тимофеевич
Аверченко

Шутливая эмблема «Сатирикона», так
называемый «Тотем».
Любезно предоставлен
В. Д. Миленко

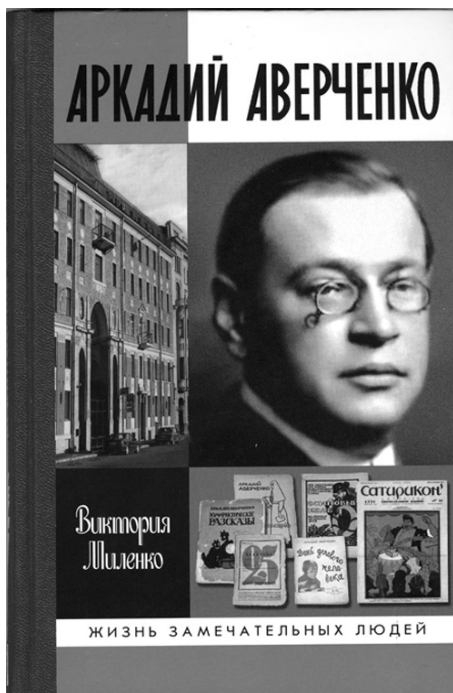
САТИРИКОН'

Владелица нашего дома, графиня Толстая, говорят, уж и не знает, как от этого Андроникова избавиться. Судебные иски на него подает. А моей горничной слуги князя рассказывали, что тот устроил в своей спальне за особой ширмой подобие часовни. Представьте себе – с распятием, аналоем, кропилом, иконами и даже терновым венцом! Впрочем, по другую сторону ширмы князь спокойно предается самому гнусному разврату. Он – гомосексуалист, это все знают... Да! Недалеко отсюда, буквально через дорогу, Троицкий театр миниатюр¹, с которым я сотрудничаю. Очень удобно. Бываю на спектаклях по своим пьесам. Иногда захожу в гости к Левкию Жевержееву, он в том же доме живет, где и театр. Жевержеев – коллекционер, поэтому тратит все свои средства на покупку книг и театральных реликвий, организовал у себя литературно-художественные «пятницы». На них бываю Бакст, Альтман, Хлебников, Маяковский, Малевич, Филонов, братья Бурлюки. Я тоже бываю, но редко. А еще Жевержеев завел «пятничный альбом», где все гости оставляют памятные записки, рисунки, экспромты. Хорошая идея... Ну, а теперь, давайте обедать. Моя кухарка прекрасно готовит!

Вот так и жилось Аркадию Тимофеевичу на Троицкой – комфортно и уютно. Квартира, в которой мы только что побывали, запомнилась не только сотрудникам «Нового Сатирикона». Нам удалось разговорить племянника писателя Игоря Константиновича Гаврилова, который рассказал о том, что его мама долгие годы вспоминала о своей поездке из Севастополя к Аверченко в Петербург именно в это время. Ее потрясла квартира брата и она восхищалась тем, что видела у него пылесос и домашний телефон, которые казались ей приметами иного, «заграничного» обихода.

Несколько зарисовок «из жизни на Троицкой» оставили нам коллеги Аркадия Аверченко. Ефим Зозуля вспоминал: «Дверь мне открыла горничная Надя, небольшого роста блондинка с умными, зоркими глазами. До моего прихода она говорила по телефону, и, впустив меня без всяких расспросов в столовую, поспешила продолжать разговор. Телефон стоял на столе Аверченко, и для того, чтобы держать трубку постороннему человеку, т. е. не сидящему за столом – нужно было нагнуться. Как-то так неудобно был расположен аппарат. И Надя говорила, нагнувшись над плечом Аверченко. Разговор был не деловой. Речь шла о родственниках Нади, о поклонах какой-то куме, о чьем-то приезде. В дальнейших моих посещениях Аверченко <...> я не раз видел Надю в такой позе, что не мешало Аверченко работать. Надя, простая девушка, но очень тактичная и умная, держала себя свободно, с достоинством, чувствовала себя, как дома, и поддерживала в квартире и в обращении с многочисленными и разнообразными посетителями удивительно теплый тон. Это было характерно для Аверченко, ибо источником этого тона был, конечно, хозяин» (Зозуля Е. Д. Сатириконцы).

¹ Ныне Академический Малый драматический театр.

Книга В. Д. Миленко об А. Т. Аверченко в серии «Жизнь замечательных людей». На обложке фото Толстовского Дома

Могила А. Т. Аверченко на Ольшанском кладбище в Праге

Из главы **«По обе стороны Галатского моста»**
(Константинопольский период)

Беспокоился писатель и за судьбу своей петроградской квартиры в Толстовском Доме. Актрису Марию Марадугину, оставшуюся в России, он просил наведаться на Троицкую, по возможности собрать все его книги и выслать ему. Марадугина выполнила просьбу и писала Аверченко, что квартира его «как прежде, однако пусто и сыро»; всю обстановку вывезла к себе горничная Надя, которая вышла замуж и живет теперь в Поварском переулке. Никаких книг нет: за исключением одного комплекта «Сатирикона», вся остальная библиотека погибла.

Горничная Надя поступила очень правильно, забрав обстановку. 19 ноября 1921 года в Советской России был принят декрет о конфискации и переходе в собственность РСФСР всего движимого имущества граждан, «бежавших за пределы республики или скрывающихся до настоящего времени». О том, что происходило после принятия этого декрета в квартире Аверченко, мы знаем благодаря историографу Толстовского Дома Марине Колотило. Подъезд, в котором жил писатель, с 1921 года начали заселять транспортными рабочими и сотрудниками ЧК. Через этаж от бывшей квартиры писателя поселили секретаря ЧК Надежду Ивушину, которая непосредственно участвовала в выселении из дома «бывших». Все вещи из квартир выселяемых, а также бежавших жильцов, были сложены огромной кучей в сквере со стороны Щербакова переулкa прямо под открытым небом. Каждый желающий мог выбрать и забрать все, что ему понравится...

Из главы **«Да здравствует король!»** (Последняя)

Аркадия Тимофеевича не забыли петербуржцы. Толстовский Дом (улица Рубинштейна, 15–17), в котором он жил и где полностью сохранилась его квартира, сегодня окружен заботами Марины Николаевны Колотило – председателя Товарищества собственников жилья «Толстовский Дом» и большой подвижницы. Марина Николаевна собирает материалы о знаменитых жителях дома и готовит к изданию монографию на эту тему. По ее инициативе в доме на общественных началах организуется музей; один из разделов его экспозиции будет посвящен Аркадию Аверченко и его гостям. В планы членов ТСЖ «Толстовский Дом» входит и установка на здании мемориальной доски в честь писателя.

Н. В. Вербина

В ТОЛСТОВСКОМ ДОМЕ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Зима 1918-1919 годов

Источник: Вербина Н. В. В школе русской драмы. М.: ВТО, 1977. С. 33–34.

* * *

В нашей группе было много контрастов, например: изящно одетая, всегда в дорогих туалетах Фигнер, и рядом – мы в своих поношенных платьях, в ботинках, сшитых из старых портьер. Но, к нашей чести, мы не огорчались. Наши мысли были направлены на другое: узнать как можно больше, перенять опыт, основы актерского мастерства у наших профессоров. Конечно, при этом мечтали немного подработать, чтобы голод не мешал заниматься искусством. Из года в год мы донашивали до дыр одни и те же залатанные платья и пальто. Лишь у немногих имелось по два платья, и не нужно было сидеть, завернувшись в одеяло, ждать, пока высохнет единственное, выстиранное в холодной воде без мыла. (Вот была радость, когда нам на паек стали давать по кусочку мыла! Но это только с осени 1919 года.) А пока... Трамваев нет, мчишься утром бегом с Серпуховской на Театральную по сугробам, серединой улицы, где «лошади ходят», – далеко!

В городе пустовали квартиры в бывших богатых, ныне покинутых домах. Занять такую квартиру было просто – никаких документов не требовалось. И вот, чтобы я не опаздывала на занятия и спектакли, мы с мамой переехали в огромный, почти безлюдный, дом графа Толстого на Трошковой улице, 15/17, в огромную квартиру на пятом этаже. На площадке напротив нас – такая же брошенная квартира, выше нас – тоже никого. Неуютно и жутковато. Мы стали приглашать – жить или ночевать моих однокурсников, тех, кто не имел угла или жил за городом, таких, как Маша Коробицына и Саша Булыгин, которые ежедневно ходили пешком из Шувалова в Петроград и обратно. Маша приютилась у нас, и мы выделили ей одну комнату, в двух других поселилась Маргарита Зауэр из группы Ю. М. Юрьева, а ночевали все, кто хотел.

Вскоре после нашего вселения во всем доме погасло электричество, перестали работать паровое отопление и водопровод – трубы лопнули, а чинить было некому. За водой мы ходили в соседний двор.

Печку «буржуйку» позволили поставить только в кухне, в комнатах не разрешали, опасаясь пожаров. Вот у этой-то печурки с трубой, выведенной в форточку и всегда дымящей, мы готовились к экзаменам, на ней же пекли лепешки из жмыха и картофельной кожуры, подогревали воду, которая почему-то так и не закипала. Не забуду, как, задыхаясь от дыма, при тусклом свете, падавшем из открытой дверцы этой «буржуйки», мы одолевали премудрости книги Горгона Крэга.

Температура в комнатах падала до пяти-шести градусов ниже нуля. Снять пальто, не рискуя схватить воспаление легких, было невозможно, а потому и спали мы в пальто и шапках, накрываясь всеми одеялами, какие у нас были. Вода, принесенная с вечера, к утру превращалась в лед.

Наш дом считался «буржуйским», поэтому по ночам нас часто тревожили: приходили представители власти с мандатом на право обыска, пытались найти оружие, но у нас его не имелось. Случалось однако, что под видом рабоче-крестьянской власти иной раз являлись и бандиты, которые грабили квартиры, убивали жильцов. Прежние хозяева нашей квартиры при отъезде вынули из входной двери французский замок, осталось сквозное отверстие, и мы кое-как заткнули его бумагой, заперали только на нижний крючок. Когда налеты участились, мы не открывали на стук, хотя и рисковали тем, что выломают дверь. Постучат, погрохочут, потом проткнут штыком бумагу в дыре, свистнут: «Квартирка-то пустая... потопали отсель...», – и уходят.

Так мы и жили всю зиму. И вот что удивительно: ни разу не болели!